

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Онищук Михаил Михайлович

**ФЕНОМЕН ОШИБКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Прохорова Марина Леонидовна

Краснодар
2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1 Феномен ошибки в философии и праве	15
1.1 Подходы к определению ошибки в философии и правовой науке.....	15
1.2 Становление и развитие учения об ошибке в российском уголовном праве	29
2 Отражение феномена ошибки в уголовном праве зарубежных стран	44
2.1 Теоретические основы и законодательное отражение учения об ошибке в уголовном праве стран англосаксонской правовой системы	44
2.2 Теоретические основы и законодательное отражение учения об ошибке в уголовном праве стран романо-германской правовой системы.....	70
3 Феномен ошибки в современном отечественном уголовном праве и перспективы его законодательного отражения	90
3.1 Ошибки правоприменителя при реализации уголовно-правовой политики.....	90
3.2 Субъективные ошибки.....	128
3.3 Ошибки потерпевшего.....	153
Заключение	166
Список использованных источников	178
Приложение	199

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Уголовная юриспруденция уже давно и обоснованно увязывает ответственность с виной субъекта противоправного поведения. Как следствие, в ст. 5 УК РФ закреплен принцип вины, согласно которому уголовная ответственность лица возможна лишь при условии адекватного понимания им общественной опасности совершаемых деяний и предвидения возможных последствий. Вина, являясь неотъемлемой частью субъективной стороны преступления, предполагает либо полностью осознанное, либо упречное с точки зрения общечеловеческой предусмотрительности поведение. Отсюда, если причинитель вреда заблуждался относительно социального характера своего деяния и его последствий, актуальным становится вопрос о юридической значимости его ошибочных представлений.

Проблема ошибок в уголовном праве привлекает к себе пристальное внимание не только ученых, но и практиков. Обусловлено это тем, что заблуждение преступника при определенных условиях может либо стать извинительным обстоятельством, исключающим уголовную ответственность в отношении совершившего общественно опасное деяние лица, либо оказать влияние на форму его вины, квалификацию и пределы назначаемого наказания. Несмотря на очевидную важность данного вопроса, российский законодатель не предусмотрел в УК РФ специальных норм, посвященных уголовной ответственности причинителя вреда, совершившего общественно опасное деяние в состоянии заблуждения. Хотя, как показывает история, положения об ошибках не чужды отечественному уголовному законодательству¹.

Тему диссертационного исследования актуализирует и то

¹ Речь идет о памятниках отечественного права, которые будут упомянуты далее, где в той или иной степени находили отражение предписания о правилах реагирования на ошибки.

обстоятельство, что хорошо информированный обыватель субъектом ошибочной или некачественной профессиональной деятельности все чаще и увереннее определяет правоприменителя. В свою очередь ненадлежащая деятельность правоохранительных учреждений и судов влечет негативные последствия для отдельных граждан и общества в целом, дезориентирует потенциальных преступников и потерпевших, создает социальную напряженность.

Более того, проблема ответственности субъектов, применяющих право при расследовании и рассмотрении уголовных дел, актуализирована неоднократными высказываниями Президента РФ В.В. Путина о необходимости повышения эффективности управленческой деятельности и персональной ответственности за допущенные в ходе несения службы погрешности и упущения¹.

Область уголовно-правового реагирования на преступления, положительная и с ошибками, весьма широка и разнообразна по содержанию и составу общественно опасных поступков и их авторов, с одной стороны, а равно процедур и участников последующих юридических разбирательств – с другой. Отсюда можно и нужно предположить огромный спектр взаимосвязанных вопросов, образующих учение об ошибках в уголовном праве, что обусловило выбор темы исследования.

Так сложилось и практикуется на протяжении столетий, что в уголовно-правовой науке акцентированным образом изучаются заблуждения лишь субъекта посягательств (понятие, виды и последствия его ошибок для его же ответственности). Однако, все чаще и очевиднее для профессионалов отрасли и граждан субъектами совершения ошибок представляются правоприменитель и потерпевший. Ненадлежащая деятельность первого создает повышенную опасность как для общества в целом, так и для

¹ Послание Президента Федеральному Собранию 14 декабря 2021 года // Официальный сайт Президента России. URL: www.kremlin.ru/transcripts/messages14122021 (дата обращения: 03.11.2023).

личности, в частности. Вместе с тем должное внимание подобным заблуждениям и определению их роли и значения в доктрине не уделялось, что формирует некий дисбаланс в рамках исследовательского поля в части создания всестороннего уголовно-правового учения об ошибках.

Степень изученности темы исследования. Осуществленный специализированный анализ показал, что многие великие философы прошлого обращали самое серьезное внимание на проблему ошибок и заблуждений «авторов» социально-значимых деяний. Среди них в первую очередь следует упомянуть Аристотеля, П. Абеляра, Р. Декарта, Дж. Локка, Дж. Милля и др. В англосаксонской уголовно-правовой доктрине значимые исследования по анализируемой проблеме представлены трудами М. Бадара, Б. Грейса, Д. Гусака, К. Кенни, Д. Нтанда Нсерекко, М. Оливера, Р. Перкинса, и др. Среди наиболее ярких представителей романо-германской системы права, затрагивающих проблему уголовно-правовых ошибок, необходимо отметить Л. Бахмайера, Т. Вайгенда, У. Вебера, А. Ди Амато, Н. Долапчечфа, К. Каршаи, Э. Кирша, К. Роксина.

Сложно переоценить вклад отечественной доктрины в формирование учения об уголовно-правовых ошибках. В разное время предлагались дефиниции, классификации, правила квалификации и другие положения, так или иначе затрагивающие эту проблему. Особое внимание привлекают научные труды признанных авторитетов отраслевой доктрины: В.К. Андрианова, А.И. Бойко, Л.С. Белогриц-Котляревского, В.Н. Боркова, Б.С. Волкова, И.З. Геллера, Ф.Г. Гилязева, Ю.В. Голика, П.С. Дагеля, Г.А. Есакова, П.С. Заботина, И.Я. Кливера, В.Ф. Кириченко, А.Ф. Кистяковского, В.В. Колосовского, А.Ф. Кони, В.П. Коняхина, В.Н. Кудрявцева, К.Р. Мурсалимова, А.В. Наумова, М.Л. Прохоровой, Ю.Е. Пудовочкина, А.И. Рарога, В.В. Русских, В.М. Сырых, Н.С. Таганцева, Б.С. Утевского, В.А. Якушина, П.С. Яни и других ученых.

По различным аспектам доктринального изучения уголовно-правовых ошибок защищены диссертационные работы З.Г. Алиева, Т.И. Безруковой,

Ю.Е. Духовника, А.А. Кочеткова, А.Ю. Прохорова, Л.Э. Спиридоновой, М.Б. Фаткуллиной.

Цель диссертационного исследования заключается в формировании системного знания об ошибочном поведении субъектов уголовно-правовой сферы и его влиянии на вопросы реализации уголовной ответственности, а также в разработке теоретической основы для устранения соответствующих пробелов в уголовном законе в интересах дифференцированного реагирования на преступность и ее предупреждение.

Достижение указанной цели предполагает последовательное решение следующих *задач*:

1. Осуществить критический обзор зарубежных и отечественных философских, теологических, общеправовых и сугубо отраслевых взглядов на феномен «ошибка» для совершенствования уголовно-правового понимания таковой и ее последствий.

2. Изучить существующие доктринальные и законодательные положения об ошибках в уголовно-правовой сфере, свойственных англосаксонской и романо-германской правовым системам.

3. Выработать оптимальные представления об ошибках различных субъектов (правоприменитель, преступник, потерпевший) в уголовном праве.

4. Обосновать подходы к понятию, классификации и установлению юридических последствий правоприменительных ошибок в сфере уголовного права.

5. Разработать предложения по регламентации ответственности работников правоохранительных органов и суда за допущенные ими правоприменительные ошибки и определению порядка компенсаций жертвам таковых.

6. Внести рекомендации по минимизации количества и последствий ошибок в сфере применения уголовного права.

7. Разработать авторские дефиниции юридической и фактической ошибки преступника, а также предложить соответствующие коррективы в

уголовный закон, связанные с регламентацией в нем положений, касающихся субъективной ошибки.

8. Выявить природу ошибочного поведения потерпевших и определить направления его влияния на ответственность лиц, совершивших преступление в отношении таких жертв.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с совершением ошибочных и вследствие этого социально вредных действий правоприменителей, лиц, совершивших общественно опасные деяния, и потерпевших, порождающим потребность в соответствующей уголовно-правовой реакции.

Предметом исследования выступают положения отечественного уголовного права, уголовного законодательства ряда стран романо-германской и англосаксонской правовых семей, касающиеся ошибок, профильные доктринальные разработки, соответствующая отечественная и зарубежная судебная практика.

Методологическая основа диссертационного исследования. Мировоззренческой и гносеологической основой диссертации, как это и принято в гуманитарных науках, послужил универсальный диалектический метод познания. Общенаучные анализ и синтез использовались в каждой главе диссертации. Исторический метод применялся для исследования категорий «заблуждение» и «ошибка», а компаративистский – для детального изучения трактовок уголовно-правовых ошибок в англосаксонской и романо-германской правовых системах, последующем их сравнении с отечественными юридическими подходами. Для оценки качества деятельности правоприменителей и последующих обжалований их решений использовался статистический метод. Кроме того, был задействован метод социологического опроса правоприменителей – следователей и судей – по различным аспектам проводимого исследования.

Нормативная основа диссертационного исследования представлена Конституцией Российской Федерации, Уголовным кодексом Российской

Федерации, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, профильным законодательством стран, считающихся классическими представителями англосаксонской (Австралии, Великобритании, Зимбабве, Республики Ботсвана, США) и континентальной (Австрии, Болгарии, Венгрии, Испании, Италии, Республики Армения, Республики Беларусь, Франции, ФРГ) правовых систем, памятниками отечественного уголовного права.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых (в том числе свыше 30 источников на иностранном языке, изученные в оригинале), как указанных при описании степени разработанности темы диссертации, так и ряда иных, занимающихся изучением поднятых в диссертации и ряда смежных с ними проблем.

Эмпирическую базу диссертации составляют постановления Конституционного Суда РФ, определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, 205 приговоров судов общей юрисдикции различных субъектов РФ за период с 2010 по 2023 гг., статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, зарубежная судебная практика, материалы Научно-консультативного совета прокуратуры Ростовской области за 2018–2022 гг., а также обобщенные результаты проведенного в процессе исследования анкетирования 89 следователей и 34 судей по тем или иным аспектам изучаемой темы.

Научная новизна работы предопределена тем, что диссертация представляет собой исследование, где в дополнение и в единстве с рассмотрением ошибок преступника, что давно стало классикой для отраслевой доктрины, изучаются погрешности правоприменителя и потерпевшего в уголовном праве. Это позволило реализовать комплексный подход к проблеме уголовно-правовых ошибок. В работе уточнено традиционное понимание категории «ошибка» посредством обращения к философскому знанию. Кроме того, предложено понятие «цена ошибки» и разработан механизм ее определения, в том числе технология компенсации

вреда жертвам соответствующего заблуждения.

В отличие от посвященных уголовно-правовым ошибкам научных работ предшественников, предпочитающих опираться на воззрения исключительно континентальной правовой доктрины, в диссертации осуществлен детальный анализ подходов к изучаемой проблеме в рамках англосаксонской правовой системы и рассмотрены несколько прецедентов, имеющих отношение к уголовно-правовым ошибкам.

Особое внимание в работе отдано анализу ошибок в сфере применения уголовного права, в том числе их детерминантам. В диссертации разработана классификация правоприменительных уголовно-правовых ошибок (исходя из основных направлений реализации уголовно-правовой политики), а также предложен механизм их минимизации в деятельности соответствующих субъектов.

Помимо этого, впервые в доктрине предлагается использование термина *«ошибка потерпевшего»* в сфере уголовного права, поскольку его неразумное поведение во многом основывается на ошибочных представлениях и существенным образом сказывается на этиологии преступления, что в определенных ситуациях должно учитываться при привлечении к ответственности причинителя вреда.

Научная новизна и состоятельность диссертационной работы находит отражение в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. В соответствии с философскими представлениями термин «ошибка» коррелирует с категориями «заблуждение» и «истина» таким образом, что категория «заблуждение» выступает более широким понятием, в рамках которого «ошибка» являет собой конечный результат заблуждения. Ошибку и заблуждение нельзя представлять только в отрицательном свете, так как на определенном этапе эволюции то или иное знание может трактоваться как истинное.

2. Анализ моделей реагирования на юридические и фактические ошибки в рамках англосаксонской и романо-германской правовых систем

позволяет отдать предпочтение более полновесному «континентальному» подходу, в рамках которого принято учитывать как фактические, так и юридические ошибки, но при явном превалировании тенденции к нормативному закреплению положений, регламентирующих ответственность лиц, действия которых основаны на заблуждении в фактических обстоятельствах совершенного деяния.

3. *Правоприменительная ошибка в уголовном праве* – это получающий отражение в соответствующем правоприменительном акте отрицательный результат профессиональной деятельности должностного лица специализированного юридического органа, являющийся следствием ненамеренного заблуждения либо несоблюдения соответствующих правил при толковании закона или оценке фактических обстоятельств дела, выражающийся в конечном счете в неправильном применении уголовного закона.

Исходя из основных направлений (средств) реализации уголовно-правовой политики, правоприменительные ошибки можно классифицировать на:

- а) правоприменительные ошибки в квалификации деяний;
- б) правоприменительные ошибки в сфере судебной (практической) пенализации преступлений;
- в) правоприменительные ошибки при реализации законодательно осуществленной дифференциации уголовной ответственности.

4. Неточности правоприменителя в квалификации, назначении наказания и в освобождении от уголовной ответственности/наказания нужно именовать *ошибками* и ставить их в вину соответствующим должностным лицам, а неточности при установлении вида и размера наказания – *погрешностями*, извинительные варианты которых не должны влечь за собой негативных правовых последствий для субъектов, применяющих право.

5. Предлагается следующая пилотная формула расчета компенсаций жертвам правоприменительных ошибок, адаптированная к случаям

необоснованного осуждения виновных к лишению свободы:

$D = N * k * Y * S - Z$, где:

D – сумма денежной компенсации, которая полагается лицу в связи с незаконным осуждением;

N – количество месяцев, проведенных в местах лишения свободы;

k – коэффициент приобретенного заболевания;

Y – условия содержания осужденного;

S – среднемесячная заработная плата рабочему или служащему в субъектах Федерации в соответствующей отрасли;

Z – заработная плата незаконно осужденного лица в местах лишения свободы.

6. В целях формирования субинститута субъективной ошибки (в рамках института вины) видится целесообразным включение нормы о фактической ошибке в гл. 5 УК РФ «Вина». Это может быть *статья 28¹ «Ошибка в фактических обстоятельствах деяния»* в разработанной автором редакции.

Институт юридической ошибки также нуждается в правовой регламентации и отражении в отечественном уголовном законе. В развитие данного вывода обоснована допустимость предоставления права ссылаться на незнание закона лицам, обладающими особыми психическими и социальными свойствами (например, иностранный гражданин, в государстве которого совершенное деяние не является уголовно-наказуемым; лицо, совершившее преступление, обнаруживающее отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством). В то же время сделан вывод о необходимости признания осознания противоправности частью вины и критерием ошибки только *специальных субъектов*, так как рядовой обыватель не может охватить всего объема уголовно-правовых предписаний. Видится разумным очертить очевидный круг общественных отношений и преступных посягательств, которые должны быть известны субъекту. Рекомендовано законодателю гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключаящие

преступность деяния» дополнить *статьей 42¹ «Юридическая ошибка»,* редакция которой предложена в диссертации.

7. В социальном смысле ошибочное поведение потерпевшего выражается в отступлении от действующих в любом обществе в тот или иной период времени общегражданских правил благоразумия и предусмотрительности, что противоречит законодательным расчетам и способно дезориентировать посягателя. Под *ошибкой потерпевшего* следует понимать результат его заблуждения относительно потенциальной угрозы его жизни, здоровью, чести и достоинству либо имуществу, основанного на невнимательном и (или) небрежном отношении к самому себе, возможным событиям с его участием и контактам с людьми.

8. Ошибочная деятельность потерпевшего слабо проработана в доктрине уголовного права, однако такого рода заблуждения представляют угрозу не только для него самого, но и оказывает влияние на поведение преступника. В связи с этим предлагается дополнить ст. 60 УК РФ частью 4 с положением о том, что «при назначении наказания необходимо учитывать ошибочное поведение потерпевшего, которому преступлением причинен вред». Рекомендуются законодателю придать ошибке потерпевшего статус обстоятельства, смягчающего наказание виновного, дополнив ч. 1 ст. 61 УК РФ пунктом «л»: «л) невнимательное и (или) небрежное отношение потерпевшего к самому себе, возможным событиям с его участием и контактам с людьми».

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования обуславливается, во-первых, тем, что результатом проведенных научных изысканий явилось приращение научных знаний, касающихся феномена ошибки в уголовном праве, и восполнение пробелов соответствующего учения. Во-вторых, перспективами использования его основных положений и полученного нового знания для развития отечественной уголовно-правовой доктрины и практики в следующих направлениях:

– в науке при дальнейшей разработке проблем учения об ошибках в уголовном праве;

– в законодательстве и практике для совершенствования соответствующих нормативных положений и правоприменительных процедур реагирования на ошибки и их предупреждения;

– в учебном процессе при преподавании уголовно-правовых дисциплин в высших учебных заведениях страны.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования. Диссертационная работа подготовлена на кафедре уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета, где неоднократно обсуждался ход ее выполнения и вносились предложения по совершенствованию итогового научного труда. Достоверность результатов исследования обеспечена, *во-первых*, применением совокупности различных методов научного познания, *во-вторых*, анализом профильной нормативной базы РФ и многих стран различных правовых систем, *в-третьих*, изучением широкого круга работ по теории уголовного права, а также привлечением (базового) философского знания об истине, заблуждениях и ошибках, *в-четвертых*, использованием описанной ранее обширной эмпирической базой диссертации.

Апробация результатов диссертационного исследования. Результаты исследования нашли свое отражение в 9 опубликованных научных статьях, 6 из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, 1 – в журнале, входящем в базу международного индекса цитирования SCOPUS. Они докладывались на всероссийских научно-практических конференциях «Наука и современность» (Политехнический институт (филиал) Донского государственного технического университета, г. Таганрог, 11 ноября 2022 г.), «Актуальные проблемы юридической науки» (Политехнический институт (филиал) Донского государственного технического университета, г. Таганрог, 10 октября 2023 г.).

Результаты проведенного исследования используются в учебном процессе и правоприменительной деятельности, что находит подтверждение в актах внедрения.

Структура и объем диссертации определены целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, 3 глав, объединяющих 7 параграфов, заключения, списка использованных источников и приложения.

1 Феномен ошибки в философии и праве

1.1. Подходы к определению ошибки в философии и правовой науке

Как известно, в тот или иной исторический период любые понятия или представления считаются истинными либо ложными до того момента, пока не получат свое подтверждение (опровержение). Вопросы несоответствия индивидуальных воззрений в сознании лица объективным реалиям с давних пор являлись объектом исследований философов. В основном подобное расхождение расценивалось как неверное представление относительно общеизвестного установленного факта, однако природа этого феномена, в частности предпосылки возникновения в сознании индивида такого ошибочного представления, на протяжении длительного периода времени оставались малоизученными. Представляя собой неадекватную форму знания и искаженное представление об окружающем мире, данное явление было противопоставлено истине, которая, в свою очередь, выступала в качестве идеала того, к чему должен стремиться человек. Это социальное явление, именуемое заблуждением, имеет глубокие историко-философские корни и неразрывно связано с объектом исследования по той причине, что проблема в изучении и определении категории ошибки напрямую коррелирует с такими философскими феноменами, как истина и заблуждение¹.

К слову, проблема истины как способности достижения достоверного и адекватного знания о реальности поднимается и по сей день, в том числе и в уголовно-правовой отрасли. Так, В.Н. Кудрявцев утверждал, что установление истины по делу распространяется не только на анализ фактических обстоятельств, но и на квалификацию преступного деяния².

¹ Онищук М.М. Ошибка и заблуждение в уголовном праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 1. С. 176–181.

² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2001. С. 40.

Ю.В. Голик посвятил этому вопросу работу «Истина в уголовном праве», в которой *квалификация преступления* определена как выстроенная цепь логичных рассуждений, завершающаяся выводом о соответствии того или иного деяния, совершенного субъектом, определенному составу преступления. Отсюда, основным вопросом квалификации является вопрос об истине¹.

Сложно не согласиться с автором в том, что использование категории ошибки способствует установлению истины по делу, так как ошибки и заблуждения представляют собой прямую противоположность истины. Автор убежден, что изучение философии и истины позволит: а) максимально приблизить закон к окружающей общественно-политической реальности; б) создавать закон как некий целостный образец; в) выработать эффективные меры по борьбе с преступностью².

А.И. Бойко указывает, что «если даже представители естественных наук изобрели теорию относительности, то для гуманитариев тезис о релевантности истины подходит»³.

Требования по установлению истины в уголовном праве приобретают особое значение на фоне постоянных дискуссий процессуалистов об отказе от истины в действующем УПК РФ. Если на протяжении длительного времени в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве существовала единая точка зрения, что установление истины является одним из основных принципов и целью уголовного судопроизводства, то новый УПК РФ не содержит нормативного закрепления принципов объективной истины, а также всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела⁴.

Познание истины есть динамический процесс, кинетика которого

¹ Голик Ю.В. Истина в уголовном праве. СПб., 2013. С. 48.

² См.: там же. С. 49–50.

³ Пикуров Н.И. Нужна ли уголовному праву истина? Заметки по итогам VIII международного теоретического семинара // Уголовное право. 2013. № 4. С. 132.

⁴ Волеводз А.Г. Истина в уголовном судопроизводстве: точки зрения, сомнения и аргументы науки // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). С. 5.

развивается через борьбу противоречий между истиной и заблуждением. Заблуждение есть знание, которое не соотносится с окружающим миром и не может расцениваться как истинное. В то же время истина и заблуждение не могут существовать отдельно друг от друга, так как их противоречивость заключается в их тождественности, что подтверждает принцип единства и борьбы противоположностей Гегеля¹. Истина, как и заблуждение, определяет путь движения мышления; отличие заключается лишь в том, что истина устанавливает верный путь движения, тогда как заблуждение его искажает.

Исследование проблемы ошибок диктуется расширяющейся деятельностью современного человека, который на своем пути оказывается в различного рода ситуациях, правильный выбор формы поведения в которых часто бывает затруднителен, что в результате приводит к неадекватной поведенческой схеме.

В XXI в., ознаменованном серьезными проблемами различного характера, особенно важно создание четкого механизма как социально-политического инструмента прогнозирования и оценки ошибочного человеческого фактора. На сегодняшний день законодательная система, пытаясь отразить все многообразие правовой действительности, расширяющейся по ходу развития социума, приобрела очень сложный вид, часто носящий противоречивый характер. Это привело к тому, что идентифицировать ошибочный поступок субъекта стало серьезной проблемой, особенно в сфере уголовного права.

Попытку формирования целостной концепции феномена ошибок предпринимали греческие и римские философы, представлявшие ошибки в качестве элементов суждений, доказательств и умозаключений. Отдельные, однако достаточно смутные представления об ошибках усматриваются в трудах древнегреческого философа Парменида, который попытался отграничить истинное знание от простого обывательского умозаключения. Основой его концепции выступал принцип истины, понимаемый им как

¹ Гегель Г. Сочинения. Т. 2. М., 1935. С. 157–160.

существование лишь того, на что распространяется человеческое сознание, т.е. мысль тождественна бытию. Однако разум, по мнению Парменида, склонен к совершению ошибок, следуя по «неверной дороге» в стремлении достичь истины. Таким образом, он выделяет главную ошибку, которая заключается в существовании противоположностей, и признание небытия как обратной стороны бытия¹.

Особый вклад в изучение названного феномена внес античный философ Аристотель, одним из первых рассмотревший ошибку как категорию. Философ классифицировал ошибки, которые именовал «логическими пороками софистических рассуждений», и изложил это в трактате «О софистических опровержениях». Причиной возникновения ошибок, согласно концепции Аристотеля, выступает неверное понимание словесных конструкций из-за двусмысленности терминов, а также неправильного выражения понятий². Необходимо отметить, что уже в то время античный философ определил взаимосвязь между ошибкой и психической деятельностью индивида, поскольку первая рождается на уровне сознания.

Исследование древнегреческих трактатов, в которых поднимается проблема ошибок, показала, что в них главным образом рассматриваются первопричины и обстоятельства возникновения ошибок, а не ошибка как полноценный автономный феномен, имеющий сложную внутреннюю структуру, требующий детального анализа.

Революционный шаг в рассмотрении феномена ошибки как правовой категории впервые совершила древнеримская философия. Ошибки стали рассматриваться в правовом контексте, под которыми подразумевалось расхождение между волей и ее выражением, причиной чего является незнание субъектом обстоятельств дела. Именно римская философская

¹ Реале Дж. и Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1. СПб., 1994. С. 35–40.

² Аристотель. Сочинения: в 4 томах. Т. 2. М., 1978. С. 192.

школа, рассматривая данную проблему без создания концептуальной модели феномена ошибки, задалась вопросом ответственности лица, в действиях которого усматривается ошибка. Вопреки принципу «ignorantia juris nocet»¹ не подлежали наказанию лица, в чьих деяниях присутствовала ошибка.

М. Бартошек отмечал, что проблема римской школы права заключалась в том, что она рассматривала конкретные случаи и не стремилась создавать синтетическую правовую модель. Чешский правовед изучал феномен ошибок в контексте римского права и пришел к выводу, что теория ошибок в древнеримской правовой культуре не была создана по причине узкой судебной специализации, интересующейся локальными моментами в правовой сфере. В соответствии с описанной картиной римского права разбирательство строилось на анализе конкретного случая и соответствующей документации, подтверждение чему можно найти в трактатах Цицерона². Интересным видится мнение российского ученого-юриста Д.В. Дождева, изучавшего проблемы римского публичного и частного права. Он утверждает, что тема ошибок достаточно глубоко была проработана в правовой сфере сделок, где имелся подробный перечень ошибок с соответствующими обстоятельствами, в которых они имели место. Категория ошибки в римском праве была интегрирована в различные отрасли, в частности в семейное право³.

Подтверждением сказанного может выступать первая часть трактата «Институции» Гая. Так, гражданин Рима, вступивший в брак с гражданкой другого государства, имел родительское право над ребенком, зачатым в этом супружеском союзе, при условии, что он не имел представления о том, что его супруга является иностранным гражданином. Незнание римским гражданином сути дела могло быть признано ошибкой в ходе судебного

¹ В переводе с латинского означает «незнание закона не извиняет, не является оправданием», однако данный принцип можно трактовать как «незнание закона не оправдывает», «незнание закона не освобождает от ответственности».

² Бартошек М. Римское право. М., 1989. С. 122–124.

³ Дождев Д.В. Римское частное право. М., 1996. С.137–142.

разбирательства¹.

Здесь прослеживается культивирование феномена ошибки как правовой категории в римском праве, главным образом основанного на казуистической почве. Таким образом, формировалась исключительно практическая модель применения судебной практики и ошибки, а теоретическая феноменологическая основа не разрабатывалась.

При проведении анализа древнеримских правовых документов можно усмотреть юридический признак ошибки, т.е. неосведомленность лица в отношении каких-либо обстоятельств или фактов совершаемого деяния. Римское право оперировало ошибкой исключительно как свойством, присущим казусу, а не как целостным феноменом, закрепленным в правовой концепции и имеющим четкое юридическое понятие. Так, Гай в своих трактатах рассматривал судебные процедуры исправления ошибок, но сама ошибка как правовой феномен им не изучалась, становясь неотъемлемой частью судебного случая. Необходимо отметить, что судебное разбирательство, в ходе которого рассматривается казус, характеризующийся ошибкой субъекта, носило больше философско-правовую направленность, а юридический аспект являлся второстепенным². Таким образом, философия детерминировала феномен ошибки, а юридическая сторона дела становилась лишь дополнительным элементом судебной практики. Шведский ученый Э. Аннерс, исследовавший право европейских государств, приводит выдержку из обширного систематизированного сборника извлечений трудов авторитетных римских юристов, именуемых «Дигесты», что человек, склонный к совершению ошибок, со временем не меняется и не может рассматриваться как надежный³.

Формализация категории ошибки в римском праве имела эмпирико-философскую направленность на совершенствование юридической практики

¹ Институции Гая. *Gai. Institutionum commentarii quattuor* / под ред. Д.В. Дождева. М., 2020. С. 67–70.

² См.: там же. С. 85–90.

³ Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. С. 84–85.

рассмотрения ошибок в качестве элемента казуса. Их понятие в римском праве носило абстрактный характер, но, тем не менее, имело мощную классификационную базу, которая включала различные виды правовых ошибок. Например, ошибки в предмете, в названии, в объектах, в факте, в обстоятельствах, в действиях и т.д. Стоит заметить, что в некоторых судебных разбирательствах Древнего Рима прослеживается тенденция к разделению ошибки и заблуждения как отличных друг от друга феноменов, которые необходимо рассматривать с разных философско-правовых позиций. В некоторых судебных казусах древнеримские юристы считали заблуждение причиной совершения лицом ошибок, что является довольно серьезным шагом в осознании сущности ошибки и заблуждения как двух близких друг другу понятий, но различных по своему содержанию.

В древнеримском праве возникали проблемы из-за слабой теоретической проработки ошибки в ее идентификации и юридическом закреплении. Э. Аннерс отмечает, что даже специалисту в области права того времени довольно затруднительно было юридически обосновать ошибку в тех или иных случаях и приходилось руководствоваться философскими рассуждениями, используя их в качестве аргументации своей позиции, а не нормативно-правовыми документами, которые являются главным инструментом права¹.

Древнеримская правовая система не была жестко регламентирована законодательством в отношении ошибок, поэтому оценка таковых представителями судебного разбирательства в юридических казусах носила субъективную направленность. Исходя из этого, судебные решения основывались на субъективном понимании конкретного случая, где ошибка рассматривалась сообразно представлениям выносящего решения лица. Но, как было сказано ранее, римская правовая мысль относительно проблемы ошибок не ограничивалась изучением лишь одной отрасли права.

Отражение феномен правовой ошибки нашел и в римском уголовном

¹ Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. С. 82–83.

праве. В особенности это касалось вопроса ответственности лица, не знавшего или не могшего знать о противоправности совершаемого им деяния, что шло вразрез с презумпцией знания закона, согласно которой незнание закона не может служить оправданием и освобождением как от гражданской (из предшествующего анализа видно, что в вопросах регулирования гражданско-правовых отношений существовали исключения), так и уголовной ответственности. Итак, уже в этот исторический период ставился вопрос об осознании противоправности деяния, что обуславливалось зарождающейся тенденцией гуманизации и демократизации юридической ответственности¹.

Однако в последующий период данный подход стал играть второстепенную роль, и ссылка на незнание закона допускалась лишь тогда, когда лицо докажет факт, что ни при каких обстоятельствах оно не могло знать о противоправности своего деяния. При этом обязанностью доказывания факта незнания закона были обременены не все.

Так, А.И. Бойко указывает, что в Древнем Риме возможность отговариваться неведением закона при совершении преступлений и тем самым избегать уголовной ответственности за них составляла исключительное право когорты всадников².

В целом, римская философская мысль внесла весомый вклад в изучение феномена ошибок. Но, тем не менее, ее представителями не была разработана единая норма права, определяющая ошибку, а также не создана целостная концептуальная модель, что явилось закономерным результатом эволюции философско-правовой теории данной исторической эпохи.

Следующая за античностью мыслительная и культурная эпоха, продлившаяся с V по XV вв., ознаменована тем, что древнегреческие и древнеримские представления трансформировались в новую

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. В 2-х т. М., 2019. С. 195–198.

² Бойко А.И. Сознание противоправности, или что «должен» знать преступник // LEX RUSSICA. 2008 (LXVII). С. 512.

парадигмальную концепцию, где свое место занимал феномен «ошибки». В этот исторический период категории ошибки и истины анализировались с позиций различных философских подходов, таких как номинализм, концептуализм и реализм. Однако необходимо отметить, что теория познания приобретает каноническую форму, где каждый элемент жестко регламентирован католической религией, и ошибка переходит в категорию греха.

Один из крупнейших философских умов европейского Средневековья Фома Аквинский сформулировал свою теорию познания, базирующуюся на трансформированном христианством учении Аристотеля с элементами схоластики. Его метафизическая концепция выдвигала постулат конечной цели познания в виде осознания Бога как первопричины всего сущего, творящего мир по своей высшей воле. Фома Аквинский утверждал, что человеческий разум не способен познать Бога как вселенский абсолют, но через божественность может рационально осмыслить его существование, проявляющееся в бытии вещей. Поэтому здесь ошибка как отклонение от истины рассматривалась в контексте конечной цели познания, в роли которой выступает Бог, т.е. ошибка становилась синонимом греха. Подобно Цицерону, утверждавшему, что каждому человеку свойственно ошибаться, Фома Аквинский считал, что человек обречен совершать грехи, от которых может избавить божественная благодать, нисходящая на праведника¹. В этот исторический период философские воззрения относительно феномена ошибок не отличались особым разнообразием. Разумно предположить, что это обусловлено особым влиянием и доминированием теологических концепций относительно того или иного явления. Подобной концепции также придерживались такие мыслители, как П. Абеляр, Б. Клервоский, М. Экхарт, И. Эриугена и др.

Объединяющим элементом всех философских воззрений было то, что категория ошибки и категория греха фактически отождествлялись. Страх

¹ Боргош Ю. Фома Аквинский. М., 1975. С. 6, 15–18.

перед высшей силой в совершении греха (ошибки) и стремление к безгрешному существованию подталкивают человека к осмыслению своего будущего поведения, тем самым создавая превентивный механизм, защищающий его от допущения ошибок¹.

Следующим этапом развития философской мысли стала эпоха Нового времени, которая в результате реформирования традиционного общества в капиталистическую социальную модель детерминировала становление гносеологических приоритетов в философских концепциях, что закрепляло за теорией познания ведущую роль в изучении субъекта и его взаимодействия с окружающей действительностью. Поэтому ошибка стала рассматриваться в контексте познавательной деятельности и акцент делался на причины ее возникновения.

Величайший французский философ Нового времени Р. Декарт в своем знаменитом философском трактате «Рассуждения о методе» изложил 4 главных рационалистических правила, способных предотвратить появление ошибки в процессе познания:

1. *Правило очевидности*: ничего нельзя принимать на веру, пока полностью не будешь в этом уверен. Рассуждения должны иметь четкую и ясную структуру, которая не будет бросать и тени сомнения на их истинность.

2. *Правило простоты*: каждую проблему необходимо подвергать деструктивному анализу, разделяющему ее на необходимое количество элементов, которые должны быть тщательно осмыслены для того, чтобы прийти к наиболее достоверному знанию. Здесь формируется аналитический метод, основу которого составляет процедура расчленения сложного явления на простые составляющие, избавляющие от неясности и неоднозначности.

3. *Правило дедукции*: познание должно иметь четкую

¹ Онищук М.М. Эволюция представлений о феномене ошибки в философии и праве досоветского периода // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 2 (81). С. 109–113.

иерархическую структуру, заключающуюся в рассмотрении сначала простых предметов и постепенном движении к осмыслению более сложных.

4. *Правило синтеза*: накопленные знания не должны быть разрозненными элементами мыслительной деятельности, а обязаны представлять в конечном итоге стройную синтетическую систему, позволяющую увидеть картину происходящего явления в целом, а не только в его частностях, что позволит оценить полноту проведенного исследования и выявить недостающие детали¹.

Здесь прослеживается попытка Р. Декарта сформулировать основы научного метода, позволяющего нивелировать ошибку в процессе познавательной деятельности. Исходя из этих правил, можно увидеть причинность ошибки, детерминированной отсутствием строгой структуры в анализе окружающей действительности. Но кроме как процессу мышления, который может выступать источником ошибок, Р. Декарт отводил особое место чувствам и опыту, часто приводящим человека к ошибочному познанию. Так как декартовская философия является преемницей средневековой, то здесь также поднимается вопрос ошибки в деятельности человека через концепцию Бога. Согласно мнению французского мыслителя, Бог выступает в качестве творца всего сущего, который перевел статическую материю в кинетическую субстанцию, после чего она развивалась по законам механики. Бог создал также интегральную субстанцию, состоящую из духовного первоначала, в которую гармонично вплетаются идеи, т.е. человеческую сущность. В связи с этим он выступает в качестве гаранта безошибочной деятельности разума и объективной истины, заключающейся в человеческом мышлении².

Р. Декартом был поднят вопрос о том, откуда берутся человеческие ошибки, если Бог как идеал создал по своему образу и подобию мыслящую субстанцию? Не мог же он вложить в творимую форму вечный обман?

¹ Декарт Р. Сочинения. Т. 1. М., 1989–1994. С. 260–263.

² См.: там же. С. 266–269.

Р. Декарт ответил на этот вопрос следующим образом: разум не есть причина ошибок, таковой является свободная воля человека, являющаяся врожденным свойством души. Таким образом, ошибки Р. Декарт перевел из сферы мыслящего человеческого бытия в сферу поступка, диктуемого свободной волей. При этом французский философ говорил о том, что ошибки есть мыслительный процесс человеческого ума, рождаются они в результате нехватки соответствующих знаний. В связи с этим философское учение Р. Декарта рассматривает феномен ошибки не как продукт мышления как такового, а как продукт человеческой деятельности, основанной на свободе выбора¹.

Английский философ Дж. Локк предпринял попытку разделения заблуждений и ошибок на две самостоятельные категории. В соответствии с его учением знание определяется как отношение между идеями; поэтому знания, носящие всеобщее значение, относятся к идеям, а не объектам. Дж. Локк утверждал, что идеи, полученные в результате внешнего и внутреннего опыта, являются основой для процесса познания. Поэтому эту «идейную основу» необходимо обработать с помощью специальных аналитических инструментов, таких как сравнение, сочетание, абстракция, и только после данных процедур возможно получение знания².

Особого внимания заслуживают воззрения создателя диалектического метода и основоположника системы абсолютного идеализма – Г.В.Ф. Гегеля. В соответствии с его диалектической концепцией истина представляет собой процесс, который не заканчивается полученным результатом, а постоянно развивается в течение эволюции человеческого мышления, стремящегося охватить всю действительность. Антиподом истины Г. Гегель определяет заблуждение, в качестве детерминирующего фактора которого выступают два элемента сознания: знание и интенциональность³.

¹ Жильсон Э. Избранное: Христианская философия. М., 2004. С. 139, 260–261.

² Локк Дж. Сочинения. Том 2. М., 1988. С. 65–70.

³ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Том 5. М., 1937. С. 517.

Необходимо отметить, что проблеме ошибки как правовой категории в указанный период особое внимание также не уделялось. Если же возникали соответствующие казусы, правоведы заимствовали подходящие положения из римского права для разрешения возникших ситуаций. Об этом говорят и исследователи наших дней, отмечающие, что в правовой доктрине и на практике на протяжении XV–XVIII вв. вопрос об ошибках возникал редко. Интересный пример приводит Н.И. Коржанский: при совершении преступлений при наличии ошибки в объекте и при отклонении действия вместо покушения и совокупности преступлений в вину вменялось оконченное умышленное правонарушение¹.

Особый интерес для нашего исследования представляет эпоха XIX в. и Новейшего времени. Именно в эти периоды учение об ошибках приобрело правовую направленность и получило дальнейшую концептуальную разработку. Многими авторами отмечается, что интерес к проблеме ошибок в общем и к уголовно-правовым ошибкам, в частности, возник к 40-м годам XIX столетия. Это было обусловлено тем, что на практике лицо, совершая противоправное действие, все чаще стало заблуждаться относительно того или иного признака деяния либо преступления. Здесь особенно важно то, что положения об ошибках нашли свое отражение во многих законодательствах зарубежных стран вне зависимости от принадлежности к той или иной правовой системе. Таким образом, именно в эту историческую эпоху возродился интерес ученых-юристов к проблеме ошибок в уголовно-правовом аспекте и их влиянию на пределы уголовной ответственности лица.

Проведенный анализ философско-правовой сущности феномена «ошибки» *показал*, что для различных исторических периодов характерно определенное свойственное им понимание ошибки в контексте истинного знания. Неоспоримость данного факта подтверждают философские воззрения величайших умов своего времени, выдвигавших различные подходы к

¹ Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений. Волгоград, 1976. С. 103.

пониманию ошибки, многообразие которых доказывает неоднозначность этого феномена. С развитием научной мысли происходит изменение понятия ошибки как явления, присущего всякой человеческой деятельности. Так, в эпоху античности под ошибками понималось расхождение между волей и ее выражением, а средневековая философия приравнивала ошибку к греху и подводила под нее теологическую основу. Истина в средневековых воззрениях имела каноническую форму, а искажение этой формы связывалось с грехом, выступающим в роли ошибки и носящим стихийный характер. В эпоху Возрождения ошибка и истина кардинально поменялись ролями: канонизация истины стала ошибкой, а последняя приобрела характер, автономный от теологических воззрений.

В следующий исторический период, именуемый Новым временем, произошло углубление в гносеологическую область философской мысли, что детерминировало рассмотрение феномена ошибки в контексте теории познания. Ошибка здесь стала приобретать главным образом характер отклонения от эмпирических данных либо же привязывалась к абстрактным понятиям о воле и разуме. В частности, согласно учениям Р. Декарта.

В XIX столетии произошло кардинальное переосмысление прошлой картины мира. Теперь мир и истина стали гетерогенными понятиями, а ошибка обрела качество неверного применения законов относительно определенных явлений.

XX век ознаменовался формированием синтетической гносеологической теории, в рамках которой ошибка, как и истина, стала рассматриваться как феномен, имеющий вероятностный характер, зависимый от системы, в которой она оценивается.

1.2 Становление и развитие учения об ошибке в российском уголовном праве

Несмотря на то, что в современном российском законодательстве понятие ошибки отсутствует, в уголовно-правовой доктрине этому феномену посвящено немало исследований. В теории ошибку принято определять как неверное представление лица о юридических и фактических признаках преступного деяния и его последствиях. Вместе с тем институт уголовно-правовой ошибки был отражен в одном из первых проектов УК РФ на стадии его разработки, но не вошел в итоговый вариант уголовного закона¹.

Анализ уголовно-правовой доктрины позволяет заключить, что единого мнения относительно понятия уголовно-правовой ошибки в ней не сложилось. Тем не менее, большинство ученых-юристов раскрывают понятие ошибки через заблуждение. В этом есть определенный смысл, так как данная категория не ограничивается рамками уголовного права, а рассматривается в различных психологических и философских аспектах, в частности, учениями об истине и заблуждении. Для формирования целостного представления о феномене уголовно-правовой ошибки целесообразным видится проведение анализа концепций отечественных ученых.

Применительно к России стоит отметить, что вопрос, касающийся ошибки в уголовном праве, не поднимался долгое время как на доктринальном, так и на практическом уровнях. Однако положения, касающиеся неведения закона, существовали еще в период правления Петра I. Так, в соответствии со ст. 60 Артикула Воинского 1715 г. ссылаться на неведение закона считалось допустимым лишь в случае, если закон не был обнародован соответствующим образом. Одной из предпосылок появления такой нормы являлся тот факт, что в соответствующий период

¹ Акимочкин В.И. К вопросу о мнимой обороне и фактической ошибке в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4), № 3. С. 333.

предпринимались попытки рецепции положений немецкого права средневековой эпохи¹.

Как отмечал Г.З. Елисеев, одним из наказов Екатерины II было закреплено положение о том, что все законы должны быть написаны «простым языком» и доступны для понимания, что будет способствовать уменьшению количества преступлений в связи с осведомленностью в запрете².

Непосредственным источником, который закрепил положения, касающиеся феномена ошибки, стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение). Они нашли отражение в ст. 99, в соответствии с которой лицу, совершившему незаконное и противоправное деяние единственно по совершенному от случайной ошибки или вследствие обмана происшедшему неведению тех обстоятельств, от коих именно деяние его обратилось в противозаконное, содеянное им не вменяется в вину³.

В дальнейшем положения об ошибке получили развитие в редакции названного Уложения 1866 г., закрепившей ст. 115. В соответствии с ней покушение считалось оконченным даже тогда, когда опасные последствия не наступили в связи с безвредностью используемых средств. Не наказывались лишь те покушения, при осуществлении которых негодные средства были выбраны виновным лицом по причине его крайнего невежества⁴. В такой ситуации лицо, совершившее деяние, подвергалось наказанию за преступный умысел в соответствии со ст. 111 Уложения.

В Уложении ред. 1885 г. в ст. 1456 гл. «О смертоубийстве» было закреплено положение относительно *ошибки в личности*. В соответствии с ней если лицо при совершении преступного деяния, направленного на

¹ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I: Том 1. М.-Л., 1945. С. 52.

² Елисеев Г.З. Наказ императрицы Екатерины II о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1907. С. 107–109.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X–XX веков. Саратов, 2006. С. 64–66.

⁴ Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. М., 2011. С. 722.

лишение жизни одного лица, ошибаясь, лишало жизни другое лицо, то оно подвергалось такому же наказанию, как если бы умертвило того, на жизнь которого был направлен его преступный умысел. Стоит заметить, что в Уложении ред. 1885 г. данный вид ошибки рассматривался как ошибка в объекте, а не как ошибка в личности. Несколько позднее в качестве самостоятельного вида ошибки стало выделяться «негодное покушение», которое впервые появилось в принятом в 1903 г. Уголовном Уложении. В соответствии со ст. 47 в случаях, когда деяние, носящее преступный характер, было направлено на несуществующий или негодный предмет, на который соответственно направлен умысел, оно не могло считаться преступным¹.

В российской уголовно-правовой науке изучение названного правового феномена, как и в большинстве европейских стран, началось именно в XIX в. Характерной чертой правовой мысли в тот исторический момент являлось то, что представители научной элиты выступали не только за теоретическую разработку данного вопроса, но и за последующее законодательное закрепление положений, касающихся уголовно-правовых ошибок. Изучением данного правового феномена занимались такие ученые, как И.З. Геллер, М.М. Карповский, А.Ф. Кони, Н.С. Таганцев, А.К. Сергеев, А.Ф. Кистяковский, Л.С. Белогриц-Котляревский, Б.Д. Фридман и др.

А.Ф. Кони поднял проблему неведения и заблуждения в жизни человека. По мнению автора, ошибка в области уголовного права оказывает огромное влияние на волю, так как неразрывно связана с последствиями. Стоит отметить, что соответствующая работа А.Ф. Кони представляла собой анализ и очерк главных положений, разработанных известным немецким криминалистом Эберлином. Так, в ней ошибка отождествлялась с неведением: «Ошибка, или неведение факта, вызывает обсуждение внутренней, субъективной стороны деяния. Она не имеет влияния на

¹ Уголовное Уложение 1903 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1994. С. 144.

видоизменение умысла и не изменяет субъективной стороны деяния. Она подлежит вменению в том виде, в каком выразилась в умысле преступника»¹. При анализе вопроса о значении ошибки в факте А.Ф. Кони отмечал, что Эберлин прежде всего устанавливал различие между ошибкой неотвратимой и ошибкой, которую можно избежать, иными словами, ошибкой виновной и невиновной. Неотвратимая ошибка является элементом, устраняющим преступность умысла, так как ошибочный умысел теряет преступное свойство. Ошибка, которую можно избежать, или же виновная ошибка, может возникать вследствие неосторожности либо же недостаточного внимания со стороны учинителя вреда. А.Ф. Кони отмечал, что Эберлин особое внимание уделил фактическим ошибкам, которые классифицировались как ошибка в объекте и негодное покушение. Подобно большинству европейских ученых-юристов А.Ф. Кони также считал, что ссылаться на незнание закона недопустимо².

Сходной позиции придерживался и Н.С. Таганцев. Ошибку он рассматривал как конечный результат заблуждения. По его мнению, ошибка должна определяться как заблуждение лица в отношении признаков субъективной стороны преступного деяния. Автор обуславливает это определение тем, что причина заблуждения кроется исключительно в самом бытии лица, в его психической деятельности, может выступать в качестве последствия его темперамента, состояния возбужденности, степени развития³. Источником заблуждения выступает неверное представление лица об окружающей его обстановке; при этом порождать ошибки могут не только психические процессы виновного, но и воздействие внешних факторов, а именно целенаправленное формирование у лица заблуждения относительно

¹ Кони А.Ф. Об ошибке в области уголовного права // Журнал Министерства юстиции. 1866. № 6. С. 46.

² Коновалова М.А. Уголовно-правовая ошибка в дореволюционном праве России // Современное общество и право. 2013. № 4. С. 99–104.

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. М., 1994. С. 231–235.

своих деяний. Согласно концепции мыслителя, неведение и заблуждение являются структурными элементами, входящими в понятие ошибки.

В соответствии с учением Н.С. Таганцева уголовно-правовые ошибки – самостоятельный институт уголовного права, они являются неотъемлемым элементом субъективной стороны преступного деяния. Несмотря на то, что им выделялись такие виды ошибок, как извинительные и неизвинительные, ошибки, которые можно и нельзя избежать, он также придерживался традиционного подхода разделения ошибок на фактическую и юридическую. *Фактическая ошибка* должна оказывать влияние на уголовную ответственность причинителя вреда. Ученый считал, что наличие ошибки в факте оказывает влияние на наказание путем устранения умысла, тем самым исключая в определенных ситуациях уголовную ответственность вообще. В других случаях уголовная ответственность наступает, но только как за преступление, совершенное по неосторожности. *Ошибка в праве, или юридическая ошибка*, не должна оказывать существенного влияния на ответственность субъекта преступного посягательства, за исключением случаев, когда его неосведомленность о существовании запрещающего нормативно-правового акта носит добросовестный и честный характер¹.

Необходимо также отметить подходы к проблеме Л.С. Белогриц-Котляревского, который рассматривал неведение и ошибку как две самостоятельные категории, где в качестве неведения выступает неверное представление об условии, а ошибка является конечным результатом. Несмотря на схожесть этих двух понятий, основным отличием выступает количественный фактор, выражающийся в том, что ошибка представляет собой квант неосведомленности, в то время как неведение представляет собой целостное заблуждение. Придерживаясь позиции знания закона, ученый отмечал, что деяние учинителя вреда является преступным даже в том случае, если он не знал о его противоправности. Преступность деяния не

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. М., 1994. С. 231–235.

исключается, так как действия лица идут вразрез с нормами человеческого общежития¹.

Иного взгляда придерживался А.Ф. Кистяковский, отождествлявший ошибку и неведение. Согласно его учению, ошибка – это неверное представление, а неведение – это незнание какого-либо очевидного факта. При этом ошибка выступает в качестве составного элемента неведения, что также идет вразрез с учением Н.С. Таганцева².

В свою очередь Б.Д. Фридман предпринял попытку разработки правил квалификации деяний лица, совершающего преступление в состоянии ошибки (заблуждения). Им указывалось, что если ошибка является обстоятельством, детерминирующим преступность деяния, то учиненное правонарушение утрачивает свой умышленный характер. Так, лицу не может инкриминироваться преступление против собственности, если оно добросовестно заблуждалось относительно предмета преступления, предполагая, что эта вещь принадлежит ему. При этом Б.Д. Фридман пояснял, что такая ошибка, устраняя умышленность действия лица, автоматически не влечет за собой исключение уголовной ответственности за легкомыслие и преступную небрежность, если лицо при должном внимании могло предвидеть наступление определенных обстоятельств. По мнению ученого, исключение уголовной ответственности возможно лишь в том случае, если лицо не может усмотреть наступление вышеупомянутых обстоятельств в связи с невозможностью их предвидения³.

Еще одним представителем, изучавшим анализируемую проблему, являлся И.З. Геллер, связывавший ошибку лица с обязательным признаком субъективной стороны. Определение ошибки он выводил через суждение. По

¹ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник Русского уголовного права. Часть 1. М., 1903. С. 228–230.

² Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. Киев, 1891. С. 307–312.

³ Фридман Б.Д. Преступление и наказание по Уложению о наказаниях. М., 1912. С. 121–125.

мнению автора, суждение, не соответствующее действительности, является ошибочным. Отсюда ошибка есть несоответствие между каким-либо суждением и реальным объектом, к которому оно относится¹. Согласно его теоретической концепции, при рассмотрении влияния ошибки на вменение деяния в вину необходимо рассмотреть два вопроса.

Первый вопрос заключается в определении необходимого минимума соответствия между сознанием действительности и самой действительностью. Иными словами, необходимо определить признаки деяния, которые должны быть учтены сознанием учинителя правонарушения для того, чтобы деяние можно было вменить в умышленную вину. Этот вопрос возникает в том случае, когда сознание учинителя не охватывает вполне объективного состава деяния.

Второй вопрос сводится к установлению того, как влияют на вменение в вину неточные, неверные представления учинителя вреда или его представления о признаках, отсутствующих во внешней стороне деяния. Второй вопрос возникает, когда сознание учинителя вреда охватывает черты, которых нет в объективном составе деяния.

И.З. Геллер отмечал, что первый вопрос является основным в случаях совершения деяния с вполне законченной объективной составной частью, а второй получает существенное значение лишь при обсуждении случаев учинения негодных покушений (покушение на негодный объект и покушение с негодными средствами)². Ошибка, по мнению юриста, может относиться как к необходимой объективной связи между поступком и преступным результатом, так и к самому преступному результату.

Безусловно, как и многие другие авторы, И.З. Геллер не мог обойти ошибку относительно неведения или незнания закона, справедливо замечая, что ошибка учинителя вреда относительно постановления уголовного закона

¹ Геллер И.З. Ошибка человека и ее значение, при вменении деяния этого лица ему в вину. Юрьевъ, 1910. С. 5.

² См.: там же. С. 13.

может иметь большое значение при вменении деяния в вину. Эта ошибка может состоять в неправильном понимании какого-либо юридического термина, входящего в законное определение состава преступления, или выражаться в незнании уголовно-правовых последствий совершаемого деяния, а также в незнании запрещенности деяния уголовным законом¹. Однако автор не видит необходимости в выделении юридической ошибки в качестве самостоятельной категории, придерживаясь принципа «незнание закона не извиняет». По мнению И.З. Геллера, юридическая ошибка может влиять на квалификацию содеянного лишь в случае, если того требуют интересы народного благосостояния и безопасности (в случаях правонарушений полицейского и правонарушений технического характера)².

В целом можно отметить, что вклад дореволюционных ученых в изучение феномена уголовно-правовой ошибки весьма велик и, несмотря на определенные различия в подходах к ее пониманию, все разработанные определения имеют общую основу. Объединяющим фактором концепций является то, что, как и большинство европейских правоведов, отечественные авторы не допускали ссылку на незнание закона. Примечательно, что в этот период уголовно-правовая ошибка стала рассматриваться как самостоятельное понятие и правовое явление, однако она относилась лишь к субъекту преступного посягательства. Ошибочной деятельности таких субъектов уголовно-правовой сферы, как правоприменитель и потерпевший, внимания не уделялось.

В советский период развития отечественной уголовно-правовой науки рассматриваемый феномен также не остался без внимания. В.Ф. Кириченко, занимавшийся означенной проблемой, сформировал свою концепцию по этому вопросу. Согласно его подходу, ошибка есть не что иное, как неверное представление лица относительно общественной опасности совершенного им

¹ Геллер И.З. Ошибка человека и ее значение, при вменении деяния этого лица ему в вину. Юрьевъ, 1910. С. 14–16.

² См.: там же. С. 143–144.

деяния¹. Актуальность его трудов заключалась не в формулировке понятия уголовно-правовой ошибки и не в выявлении тех обстоятельств, которые являются существенными для причинителя вреда, а в разработке подхода для новой дифференциации ошибок. Согласно его теоретической концепции, таковые дифференцируются на:

- ошибки относительно общественной опасности совершенного деяния;
- ошибки относительно обстоятельств, входящих в состав преступного посягательства;
- ошибки относительно права (юридические ошибки).

В соответствии с учением В.Ф. Кириченко источником возникновения ошибок является *неверное восприятие* лицом окружающей действительности, причиной которого выступает неправильная работоспособность органов чувств. Кроме того, автор усматривает причину ошибок и в *неверных выводах*, которые субъект делает на основании достоверных представлений. Этот вид ошибки именуется «ошибкой в логических умозаключениях»².

Позицию В.Ф. Кириченко разделяет Т.В. Кондрашова, тоже говоря о том, что ошибка есть заблуждение лица относительно характера и степени общественной опасности совершенного им деяния и его противоправности³.

Подобную позицию занимал и П.С. Дагель. По его мнению, ошибка есть неверное представление субъекта о достоверных фактических и юридических признаках или свойствах преступного деяния. Им была разработана следующая классификация ошибок:

- по причинам возникновения (в эту группу входят извинительные и неизвинительные);

¹ Кириченко В.Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М., 1952. С. 12–14.

² См.: там же. С. 17–18.

³ Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 55–56.

- по предмету (фактическая и юридическая);
- по значимости (существенная и несущественная);
- по виновности (виновная и невиновная)¹.

Проблема уголовно-правовых ошибок интересовала и Б.С. Утевского. По его мнению, ошибка – это неверное представление лица о юридических и фактических признаках либо свойствах совершаемого деяния и его последствиях². При этом у виновного, совершающего умышленное деяние, должно присутствовать осознание противоправности. Лицо должно понимать, что оно совершает, и предвидеть последствия, которые наступят в результате его поведенческого акта³.

Это мнение разделяла и Л.И. Коптякова, определявшая ошибку как заблуждение лица относительно фактических и юридических признаков совершенного им деяния⁴.

Ф.Г. Гилязев также видит в ошибке заблуждение относительно объективных и субъективных признаков общественно опасного деяния, характеризующих его как преступление. Однако, согласно его научным взглядам, субъективные признаки общественно опасного деяния – это индивидуальные свойства субъекта, такие как возраст лица, социальный статус. Если же речь идет о соучастнике, то необходимо учитывать, являлся ли он особо опасным рецидивистом либо лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности⁵. При формулировании авторского определения ошибки Ф.Г. Гилязев отмечает, что во всех ее понятиях, существующих в уголовно-правовой литературе, усматривается существенный признак, который заключается в расхождении между объективным содержанием

¹ Дагель П.С. Обстоятельства, исключаящие виновность субъекта и влияющие на форму вины. М., 1973. С. 14–16.

² Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950. С. 185.

³ См.: там же. С. 190–191.

⁴ Коптякова Л.И. Понятие ошибок в советском уголовном праве и их классификация. Свердловск, 1978. С. 105–106.

⁵ Гилязев Ф.Г. Особенности вины и значение ошибки в уголовном праве. Уфа, 1993. С. 20–21, 74–75.

конкретной ситуации с ее субъективным восприятием¹.

Нельзя не упомянуть позицию П.С. Заботина, занимавшегося проблемами заблуждений в научном познании и разграничивающего понятия «заблуждение» и «ошибка». По мнению автора, первое есть несоответствие знания предмету по причине, не зависящей от личных качеств. Ошибка же есть несоответствие, детерминированное случайными качествами субъекта. Заблуждение выступает в качестве более широкого понятия, в то время как ошибка представляет собой частную его форму².

А.В. Наумов раскрывает понятие ошибки через «неправильное представление». По его мнению, ошибка – это неправильное представление субъекта относительно фактических и юридических обстоятельств совершаемого деяния и наступивших последствий. В рамках учения о фактических ошибках автор выделяет: ошибку в объекте преступления (в эту группу входят ошибка в объекте, когда вред причиняется не тому объекту; ошибка в предмете; ошибка в личности потерпевшего) и ошибку относительно фактических обстоятельств, образующих объективную сторону состава преступления (ошибка относительно совершенного действия или бездействия; ошибка в факультативных признаках объективной стороны)³. Что касается учения об ошибках в праве, ученый выделяет ошибку в точной уголовно-правовой квалификации; ошибку в виде наказания; ошибку в размере наказания; ошибку в представлении о преступности совершенного посягательства; ошибку в представлении о непреступном характере совершенного посягательства⁴.

По мнению А.И. Рарога, ошибка – это заблуждение в отношении «реальных» обстоятельств, которые обуславливают характер и степень общественной опасности деяния. Согласно его учению, фактические

¹ См.: там же. С. 11.

² Заботин П.С. Преодоление заблуждения в научном познании. М., 1979. С. 75.

³ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 2017. С. 235–236.

⁴ См.: там же. С. 235–242.

ошибки– это заблуждение относительно характера и степени общественной опасности содеянного. Они классифицируются следующим образом: ошибка в предмете; ошибка в личности; ошибка в средстве и способе; ошибка в объекте; ошибка в причинной связи. Юридическая ошибка представляет собой заблуждение относительно уголовной противоправности содеянного¹.

«Особняком» в отечественной правовой доктрине стоят труды В.А. Якушина. Именно его учение об ошибках является базовым для современных научно-исследовательских работ, посвященных данной проблеме. Автор, проведя детальный анализ трудов выдающихся правоведов, дает более широкое определение, в соответствии с которым ошибка есть заблуждение лица, сформировавшееся на определенных уровнях сознания, относительно противоправности деяния, фактических обстоятельств и общественной опасности, а также наступления общественно опасных последствий, оказывающее влияние на форму вины и уголовную ответственность лица².

Из современных трудов можно выделить работы М.Б. Фаткуллиной, З.Г. Алиева, А.Ю. Прохорова.

По мнению З.Г. Алиева, ошибка есть психическое отношение лица к своему поведению и его последствиям. Он классифицирует ошибки на не имеющие правоприменительного значения (только ошибка в праве относительно точной уголовно-правовой оценки и допустимости наказания, которая не влияет на уголовную ответственность), и ошибки, имеющие правоприменительное значение (это ошибки в праве относительно непроступности деяния и ошибка в факте)³.

М.Б. Фаткуллина, в свою очередь, определяет ошибку как знание, которое лицо получает под влиянием заблуждения о юридических и

¹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев [и др.]; под ред. А.И. Рарога. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 119–125.

² Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1998. С. 35–40.

³ Алиев З.Г. Ошибка как особое обстоятельство оценки поведения субъекта преступления и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Сургут, 2007. С. 8.

фактических обстоятельства деяния. В традиционной дифференциации ошибок она выделяет два вида юридической ошибки (ошибка относительно точной уголовно-правовой оценки совершенного деяния и его наказуемости, а также ошибку относительно общественной опасности и уголовной противоправности деяния) и два вида ошибок в факте (влияющие и не влияющие на квалификацию содеянного)¹.

А.Ю. Прохоров предлагает определять ошибку в уголовном праве как основанную на заблуждении относительно юридических или фактических свойств совершаемого деяния реализацию преступного намерения, которая не соответствует в полном объеме представлению лица о природе, содержании и последствиях совершенного деяния².

Таким образом, проведенный в данном разделе работы анализ свидетельствует о том, что становление и развитие института ошибки в российском уголовном праве и его теоретических обоснований стало осуществляться с начала XIX в. В этот период подходы к пониманию уголовно-правовых ошибок не отличались многообразием, несмотря на определенные различия. Большинство мыслителей связывали ошибки с субъективной стороной преступления, а само их понятие раскрывали через категорию «заблуждение». Ученые поддерживали традиционную классификацию ошибок: ошибки в праве (юридические ошибки) и ошибки в факте (фактические ошибки). Первой уделялось меньшее внимание, что обуславливалось приверженностью к незыблемому принципу «*ignorantia legis non excusat*». Тем самым отрицалось какое-либо значение ошибки в праве при квалификации деяния преступника (исключения допускались, но лишь с одобрения законодателя). Второй же, напротив, отдавалось большее исследовательское предпочтение, что подтверждается неоднозначностью

¹ Фаткуллина М.Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве (проблемы квалификации): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 8, 30–31, 85.

² Прохоров А.Ю. Институт ошибки в романо-германском уголовном праве: компаративистский и теоретико-прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 180.

научных подходов к ее пониманию и правилам квалификации деяния при наличии таковой. Именно в этот период уголовно-правовая ошибка стала рассматриваться как самостоятельное правовое явление. Вместе с тем ошибки иных субъектов уголовно-правовой сферы (правоприменитель, потерпевший) не выделялись и не исследовались.

Дальнейшее изучение названного феномена происходило с опорой на эти разработки. Ученые советского периода расширили предшествующие представления об уголовно-правовых ошибках. Особое внимание ими было уделено причинам ошибочного поведения преступника, предложены новые подходы к дифференциации ошибок в сфере уголовного права (извинительные и неизвинительные, виновные и невиновные, существенные и несущественные и т.д.). Однако целый ряд аспектов проблемы до сих пор вызывает дискуссии и представляет сложности в процессе практической реализации.

В XXI в. научный интерес к проблеме ошибок не угас, что подтверждается обилием научных работ в этой области. Помимо разработок новых подходов к пониманию ошибок и их классификации, авторы постепенно начинают отходить от традиционных «заблуждений преступника» в сторону ошибочной деятельности и других субъектов уголовно-правовой сферы.

Стоит отметить, что российская правовая доктрина чрезмерно богата на подходы к дифференциации ошибок. Вместе с тем соответствующие теории в большей мере представляют научный интерес, нежели прикладной. Многие авторы выделяют такие ошибки, как ошибки в отношении общественной опасности преступного деяния, в отношении обстоятельств, входящих в состав преступления, в праве (законе), фактические и юридические ошибки, извинительные и неизвинительные, виновные и невиновные, несущественные и существенные и др. Полагаем, что более значима в практическом смысле разработка не подходов к их градации, а совокупности правил квалификации деяния, совершенного лицом под

влиянием заблуждения. Вместе с тем определенная классификация тоже необходима, поэтому считаем наиболее предпочтительными обладающим прикладным значением деление ошибки на юридическую и фактическую (с установлением типичных подвидов каждой).

Несмотря на достаточно обширную доктринальную базу в исследуемой области (с более чем 150-летней историей), законодатель не предусмотрел специальных норм в отечественном уголовном законе, что, бесспорно, является явным упущением, необоснованным отказом от следования исторической традиции. Анализ учений об ошибках показал, что стоит прислушаться к ученым-юристам, предлагающим включить в УК РФ соответствующие положения, определяющие признаки фактической и юридической ошибки, а также правила их квалификации.

На основе изучения позиций, представленных в доктрине, предлагается авторское определение субъективной ошибки.

Ошибка в уголовном праве – это добросовестное заблуждение причинителя вреда в понимании общественной опасности, юридической значимости и последствий его преступного поведения.

Исследование показало, что ошибка – это неумышленное и добросовестное заблуждение, в связи с чем оно не может характеризоваться преднамеренностью. Но, разумеется, такая оценка распространяется только на факты, неверно оцениваемые лицом, совершающим общественно опасное деяние (если речь не идет о «мнимом» преступлении), но не на его противоправное поведение в целом.

2 Отражение феномена ошибки в уголовном праве зарубежных стран

2.1 Теоретические основы и законодательное отражение учения об ошибке в уголовном праве стран англосаксонской правовой системы

Исторически сложилось так, что в каждой стране действуют свои законы и обычаи, формируется собственная правовая культура. Все это юридическое многообразие позволяет судить об исключительности государств, о том, что каждое из них образует свою индивидуальную правовую систему. Вместе с тем правовые системы традиционно принято разделять на англосаксонскую и романо-германскую.

В структуре англосаксонской системы права ученые-теоретики выделяют английскую и американскую. Каждой из этих правовых семей присущи свои особенности, однако нельзя отрицать, что уголовное законодательство США формировалось под колоссальным влиянием английской системы права. Вопросы, касающиеся уголовно-правовых ошибок, не стали исключением. Став на путь демократизации, английский и американский законодатели предприняли попытку отступить от принципа «*ignorantia juris non excusat*», введя в свою правовую систему дополнительное основание для признания преступного посягательства непроступным. Здесь речь идет об уголовно-правовой ошибке как обстоятельстве, призванном исключать виновность причинителя вреда. Изучение уголовного законодательства зарубежных стран, в которых содержатся нормы, посвященные ошибкам, опыт их применения и реализация на практике может послужить хорошей базой для российского законодательства, где соответствующие нормы об ошибках отсутствуют¹.

¹ Онищук М.М. Учение об ошибках в английском уголовном праве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 2 (117). С. 102–104.

Бесспорно, что одним из самых старых постулатов, сохранивших свою императивность по сей день, является «презумпция знания закона», которая по своей природе связана с появлением первых нормативных актов и подразумевает, что лицо, преступившее законодательный запрет, не имеет права отговариваться неведением, поскольку каждый человек предполагается знающим закон своей страны. Несмотря на широкую мировую известность этой формулы, до сих пор ведутся споры о ее предпосылках и последствиях. Самое распространенное обоснование презумпции знания закона заключается в том, что люди, как правило, знают, какой закон запрещает те или иные деяния, так как непосредственно находятся и существуют в юридической системе государства. Британский ученый-юрист М. Оливер высказывался так: «Даже если люди не знают закона, эти знания легко приобрести, а тот, кто отказывается приобретать эти знания, как минимум, виновен в халатности»¹. Позволим себе не согласиться с мнением ученого, так как законы в общем и уголовно-правовые законы, в частности, постоянно подвергаются изменениям, которые тяжело отследить (в том числе и трактовать) не только простым обывателям, но и лицам с юридическим образованием. Иными словами, любой порядочный гражданин государства может нарушить тот или иной запрет, даже не подозревая о противоправности совершенного им деяния.

Английское уголовное законодательство признает принцип «незнание закона не является оправданием» еще более строго, чем американский уголовный закон. Предположение, что каждый знает закон, является непоколебимым постулатом английской юриспруденции. Как отмечает А. Смит, данный подход обусловлен более политическими мотивами, нежели чем правовыми. По мнению автора, этот подход носит утилитарный характер, направленный на поддержание общественной морали и нравственности, а также действующий из соображений общественного

¹ Oliver Michael D. The Victim. Theory and practice. Law Society School Law, London, 1971. P. 123.

благополучия¹. Постулат «знание закона» не может быть поставлен под сомнение, однако необходимо учитывать субъективный момент в деянии лица, т.е. его намерения. Лицо, которое знает закон и при этом намеревается совершить преступление, безусловно, виновно. Исключения могут составлять ситуации, когда лицо находилось под принуждением; в остальных случаях субъект преступления обязан нести уголовную ответственность. По мнению автора, ошибка лица и есть незнание закона, т.е. когда лицо, совершая какие-либо преступные действия, не осведомлено о противоправности таковых. Только лишь благодаря такому понятию уголовно-правовой ошибки возможно соблюдение указанного принципа, иначе любой гражданин сможет отговариваться неведением закона². Таким образом, ошибка, по мнению А. Смита, не должна влиять на уголовную ответственность.

Исходя из сказанного, можно констатировать, что А. Смит в своем определении говорит лишь об неосведомленности в противоправности, не учитывая такие элементы, как извинительность ошибки, неверное представление лица о последствиях совершаемого деяния и др. В связи с этим подобная концепция не выдерживает критики.

Необходимо отметить, что английское уголовное законодательство разграничивает *ошибку в факте* и *ошибку в праве (законе)*. В случаях, когда необходимо доказать намерение лица совершить преступление, ошибка в факте может служить защитой от уголовного преследования. Ссылаться на ошибку в факте допустимо, поскольку она является не просто защитой, а устраняет вину лица, в то время как ошибка в праве (законе) не исключает вину причинителя вреда³.

В соответствии с английской уголовно-правовой доктриной, если

¹ Smith A. Mistakes of law in Anglo-American criminal law. Anglo-Am L Rev 14:3–32, 1985, P.16–17.

² См.: там же. P. 5–7, 10–12.

³ Verseveld A. Mistake of Law Excusing Perpetrators of International Crimes. Aphthae, The Netherlands, 2012. P. 56.

причинитель вреда при совершении незаконного противоправного деяния полагает, что его действия носят законный характер (обусловленные незнанием фактических обстоятельств), то этот субъект не несет уголовную ответственность за преступное деяние. Данный подход, как объясняет Н.Н. Полянский, обусловлен тем, что воля по отношению к преступному результату «нейтральна»¹. При этом данное правило распространяется лишь на те случаи, когда субъект преступления не знает либо заблуждается о фактических обстоятельствах. Таким образом, оно распространяется лишь на те случаи, когда речь идет об ошибке в факте, а не ошибке в законе (праве). Однако существуют случаи, применительно к которым английские суды посчитали, что ошибка в законе может выступать в качестве защиты субъекта преступного деяния. Такие примеры можно усмотреть в Законе о воровстве 1968 г.² и в Законе о злонамеренном причинении ущерба 1971 г.³

В соответствии с Законом о воровстве 1968 г. лицо является виновным в шантаже, если оно с целью получить выгоду для себя или другого лица, либо с намерением причинить ущерб лицу выдвигает необоснованные требования, сопряженные с угрозами. При этом такие требования могут носить оправдательный характер, если человек верит в следующее:

- 1) у него есть все разумные основания для таких требований;
- 2) использование подобного рода угроз является надлежащим средством укрепления этих требований.

В соответствии с Законом о злонамеренном причинении ущерба 1971 г. лицо, обвиняемое в совершении преступлений, предусмотренных разделом 5 данного закона, может быть оправдано в случаях, когда оно верило в то, что:

- 1) имущество или право на это имущество, либо законный интерес нуждались в непосредственной защите;

¹ Полянский Н.Н. Уголовное право и уголовный суд Англии. М., 1969. С. 89.

² The Thief Act of 1968. URL: <https://storage.googleapis.com/wzukusers/user-25713022/documents/5aca5c5ee89dbVmEZA1g/THEFT%20ACT%201968.pdf> (дата обращения: 02.11.2023).

³ The Criminal Damage Act of 1971. URL: <https://docplayer.net/15129924-Criminal-damage-act-1971.html> (дата обращения: 09.09.2023).

2) те средства защиты собственности, которые избрало лицо, являлись на тот момент самыми разумными, принимая во внимание все обстоятельства.

Таким образом, можно наблюдать тенденцию к индивидуализации уголовной ответственности на основании представленных положений, так как она в данных случаях зависит от веры и убеждений субъекта преступного посягательства. Незаконные требования, выдвинутые лицу, могут быть оправданы, если лицо считает, что данный поведенческий жест послужит в качестве стимулирующего элемента. Аналогично и в случае с причинением имущественного вреда, когда лицо в качестве законного оправдания может ссылаться на то, что его действия обусловлены благими намерениями с целью защиты этого имущества¹.

К. Кенни, исследуя проблему уголовно-правовых ошибок, отмечает, что ошибка должна включать в себя «разумные основания». Под ними автор понимает такие, которые в идентичных обстоятельствах может совершить другой разумный субъект. В подтверждение этого он приводит пример *ошибки в предположении*. Лицо, являющееся владельцем ружья, разрядившего и не предполагавшее, что предметом его собственности будут пользоваться другие, оставившие ружье в том же месте, но только заряженным, случайным образом, выстрелившим в его супругу, лишив ее жизни, может ссылаться на неведение. Суд в данном случае подтвердил разумное основание, что ружье не было заряжено, в связи с тем, что между моментами использования владельцем своего оружия прошло определенное время². Автор отмечает, что данное разумное основание не может касаться вопросов права, т.е. ошибка в праве не может служить средством защиты от уголовного преследования даже в случаях, когда субъект преступного посягательства сумеет доказать, что его поведенческий акт спровоцирован

¹ Онищук М.М. Учение об ошибках в английском уголовном праве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 2 (117). С. 103.

² Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949. С. 72–76.

советом адвоката¹.

Нельзя не отметить и исключение из принципа «незнание закона не является оправданием», которое существует не только в английском праве, но и во многих законодательствах зарубежных стран. Отговариваться незнанием или неведением закона допустимо в том случае, если запрещающий закон не был опубликован надлежащим образом. Данный вид своеобразной реабилитации виновного основан на принципе законности, который означает верховенство, обязательность и соблюдение исполнения закона².

В проекте Уголовного кодекса 1989 г. есть упоминание об ошибке в законе: «Незнание закона или ошибка в праве не влияют на ответственность лица за совершенное им преступное посягательство, за исключением, если это прямо предусмотрено»³. Преступление, согласно английскому праву, требует наличие умысла или небрежности; тем самым любая ошибка исключает ответственность субъекта преступного посягательства по причине того, что при заблуждении лица относительно тех или иных обстоятельств отсутствуют элементы, входящие в состав преступления. В английском праве это называется «*inexorable logic*»⁴. Это правило говорит о том, что если отсутствует психический элемент, входящий в состав преступления, то в соответствии с правилом «неумолимой логики» лицо не подлежит уголовной ответственности, даже если ошибка была необоснованной и неразумной. В своих работах М. Джефферсон отмечает, что, несмотря на провозглашение в британском законодательстве принципа «незнание закона не оправдывает», парламент сохраняет за собой право создавать исключения из правил⁵.

Примером может послужить нашумевшее дело Морган, где

¹ Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949. С. 71–72.

² Тилле А.А. Презумпция знания законов // Правоведение. 1969. № 3. С. 36.

³ Criminal Law for the 21st Century: A Model Code for Singapore. URL: https://books.google.ru/books/about/book.html?id=sCEUBAAAQBAJ&printsec=frontcover&source=kp_read_button&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 04.07.2023).

⁴ В переводе с англ. означает «неумолимая логика».

⁵ Jefferson M. Criminal Law, 1st Edition. Pearson, 2013. P. 350.

поднимается вопрос о последствиях, возникающих в случае *ошибки в согласии*. Троим мужчинам были предъявлены обвинения в изнасиловании гр. Морган, а супруг последней был обвинен в пособничестве и подстрекательстве лиц к совершению изнасилования (обвинения в изнасиловании не были выдвинуты супругу Морган в связи с тем, что он был женат на жертве и на тот момент обладал защитой). Установленные по этому делу факты свидетельствуют о том, что трое мужчин были приглашены их сослуживцем Морганом к нему домой с целью полового сношения с супругой Морган, за которым он бы наблюдал. По словам подсудимых, супруг Морган сообщил им, что его жена согласна на половое сношение с ними, но будет искусственно имитировать несогласие и всеми способами сопротивляться с целью повысить сексуальное возбуждение. Данный вид ошибки послужил бы основанием для оправдания подсудимых, исходя из определения преступления. По английскому праву изнасилование – это половое сношение с лицом против его воли. В данном случае подсудимые ошибались в волеизъявлении Морган, которая не выражала своего согласия на действия такого рода. В результате они были осуждены и приговорены к разным срокам. После подачи апелляции Палата лордов оставила в силе ранее вынесенный приговор, но при этом верхняя палата парламента Великобритании пришла к выводу, что честное, ошибочное мнение лица в согласии жертвы не должно быть разумным и не может опровергать обвинение в изнасиловании¹.

Б. Грейс, изучая уголовное право Великобритании, отмечал, что во многих ситуациях, когда подсудимый утверждает, что он или она не намеревались совершить преступное посягательство, а совершили это деяние по причине своего незнания или непонимания закона, то такого рода ошибки могут служить защитой от уголовного преследования, в то время как ошибки в праве не допускаются. Ошибки, по мнению автора, возникают в случае,

¹ Прецедент – Regina v. Morgan (1975). 2 W.L.R. 923. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/46711902.pdf> (дата обращения: 10.08.2023).

когда подсудимый по определенным причинам недопонимает какой-либо элемент, входящий в состав преступления, т.е. если человек обвиняется в краже, однако ошибочно полагает, что имущество, которое он взял, по праву принадлежит ему, а это сводит на нет любое намерение лишить другое лицо имущества. Однако автор не отступает от правила «честности и разумности», говоря о том, что такая ошибка должна носить разумный характер. Ошибку в праве Б. Грейс признает только в том случае, если лицо было в неведении закона по причине его неопубликования. Автор отмечает, что такой подход, заключающийся в обременении граждан обязанностью знать закон своего государства и общества, является наиболее рациональным, так как в противном случае любой преступник, даже при отсутствии адвоката, будет отговариваться неведением закона, что впоследствии поможет ему избежать справедливого наказания¹.

Таким образом, уголовное право Великобритании допускает извинительную ошибку в фактах как причину для освобождения лица от уголовной ответственности, однако отвергает ошибку в праве (в законе) в качестве основания реабилитации преступного деяния.

Несмотря на то, что уголовное законодательство США, как было сказано ранее, формировалось под большим влиянием английского права, оно представляет интерес для данного исследования. Нельзя не согласиться с Г.А. Есаковым, отмечающим, что правило «незнание закона не извиняет» укоренилось в американской правовой системе и по сути стало правовым принципом².

Автор справедливо отмечает, что простая ссылка субъекта преступного посягательства на то, что он не знал, что его действия запрещены под страхом уголовного преследования, еще ни о чем не говорит.

Американский законодатель не признает *«разумную ошибку»*, однако

¹ Grace B. Ignorance of the British criminal law. UK. LRev 87. 2010, p. 125–129.

² Есаков Г.А. Mens Rea в уголовном праве Соединенных Штатов Америки. СПб., 2002. С. 69.

предусматривает исключения, которые усматриваются в доктрине английского права. Ответственность исключается в случаях, когда положения о запрете действий лица не были известны субъекту преступного посягательства по причине того, что данный правовой акт не был опубликован в надлежащем порядке, либо в случаях, если официальная формулировка правового акта недействительна.

Существенное значение для данного исследования имеет Примерный уголовный кодекс США (далее – MPC¹), принятый 4 мая 1962 г. Текст закона был разработан Американским юридическим институтом (The American law institute ALI). В его разработке приняли участие такие ученые в области уголовного права, как Герберт Векслер, Сэнфорд Кадиш и многие другие. Последний раз в MPC были внесены дополнения в 1981 г. Стоит отметить, что именно этот правовой акт сыграл важную роль в стандартизации кодифицированного уголовного законодательства Соединенных Штатов, однако он не является обязательным для штатов.

§ 2.04 упомянутого кодекса под названием «Ignorance or mistake», что в переводе с английского означает «Незнание или ошибка», прямо предусматривает освобождение от уголовной ответственности в качестве средства защиты от уголовного преследования. Пункт «а» ч. 1 указанной статьи гласит, что в случае, если субъект преступного посягательства не знал или ошибался в праве или факте, то незнание и ошибка исключают цель, заведомость, преднамерение, небрежность, необходимые для того, чтобы образовать материальный элемент преступного посягательства. Пунктом «b» ч. 1 предусмотрено, что основанием для защиты выступает психическое состояние причинителя вреда, явившееся результатом подобного незнания или ошибки. Часть 2 § 2.04 устанавливает следующее исключение: такая защита является неприемлемой в том случае, «если бы, будь ситуация такой, какой он ее себе представлял, подсудимый был виновен в совершении

¹ Аббревиатура MPC расшифровывается как «The Model Penal Code», что в переводе с англ. «Модель уголовного кодекса».

другого посягательства»¹. МСР требует у причинителя вреда существенных доказательств наличия оснований для использования такого способа защиты. Здесь можно усмотреть редкий случай, когда законодатель переложил бремя доказывания на подсудимого.

Данная дефиниция подверглась критике со стороны Джорджа Флетчера, утверждающего, что попытки законодателя решить теоретические и философские проблемы, в частности проблему ошибок, выглядят слишком наивно. Ошибка в праве в качестве защиты от уголовного преследования возможна только в исключительных случаях, когда знания о запрещенном характере преступного поведения являются элементом, входящим в состав преступления. Именно это обстоятельство является исключительным, так как большинство дефиниций конкретных видов преступлений не содержат требований о том, что причинитель вреда действует с намерением нарушить закон².

§ 2.04 в ч. 3 установил, что убеждение или предположение о том, что поведение с юридической точки зрения не составляет преступного посягательства, а служит основанием для защиты от уголовного преследования за это преступление, если оно выражалось в упомянутом поведении следующим образом:

а) правовой акт или статут не был надлежащим образом опубликован или неизвестен;

б) лицо действует «разумно», опираясь на официальную формулировку правового акта, впоследствии признанную ошибочной либо недействительной, содержащуюся в

- судебном решении или приговоре суда;
- административном приказе;
- правовом акте или в статуте;

¹ Примерный Уголовный кодекс (США) / под ред. Б.С. Никифорова. М., 1969. С. 76.

² Fletcher G. Rethinking criminal law. Oxford University Press, Oxford, 2020. P. 325.

– аутентическом толковании должностным лицом или иным уполномоченным органом власти, на которые в соответствии с законодательством США возложена обязанность в разъяснении, применении закона, определяющем данное деяние как преступное.

Таким образом, МРС в данном случае предусматривает защиту от ошибки закона, когда последний был по-своему недоступен для субъекта преступного посягательства, либо в случае, когда он опирался на официальное толкование закона лицом, занимающимся вопросами определения преступления. В этой части можно усмотреть отличие от английского законодательства, где ошибка в праве не может служить средством защиты от уголовного преследования даже в случаях, когда субъект преступного посягательства сумеет доказать, что его действия осуществлялись по рекомендации уполномоченного органа или юриста.

Относительно этого пункта негативно высказался американский специалист, занимающийся вопросами философии права, Д. Гусак. Рассуждая о случае, когда лицо может защищаться тем, что соответствующий акт не был опубликован, он утверждает, что освобождение от уголовной ответственности необходимо осуществлять, руководствуясь, в первую очередь, основополагающим принципом законности, а не по причине того, что отсутствует вина субъекта преступного посягательства¹.

Ученый задается вопросом, при каких условиях незнание закона выступает в качестве защиты от уголовной ответственности. Пытаясь ответить на него, Д. Гусак поясняет, что незнание закона является одним из самых важных не только в науке уголовного права, но и в философии. Осуждая американского законодателя относительно его выбора, автор говорит о том, что в результате такого подхода многие останутся недовольными решениями американской системы правосудия, касающимися

¹ Husak D. Mistake of Law and Culpability. Criminal law and philosophy, 2010. P. 135–159.

«оправдательного эффекта незнания закона»¹.

Д. Гусак убежден, что подход MPC к проблеме ошибок является неприемлемым, даже несмотря на то, что он упрощает некоторые вопросы общего права. Автор не видит никакой очевидной причины, в связи с которой закон должен отличать трактовки «незнание закона» и «незнание факта». Эти два понятия имеют больше общего, чем отличий. Он рассуждает так: «Гипотеза о том, что человек может быть виновен в незнании закона, даже если это правда, не означает, что незнание закона не имеет оправдательной силы». Д. Гусак приводит пример двух подсудимых: субъекта А. и субъекта Б. Они совершают идентичные преступления, с тем же злым умыслом, но отличие заключается в одном, а именно в том, что субъект А. полностью осведомлен о существовании закона, запрещающего его поведение. Субъект Б. в свою очередь не подозревает, что нарушает закон, но при этом виновен из-за его недостаточной осведомленности. Таким образом, субъект А. = субъекту Б., справедливость чего Д. Гусак не признает. Если субъекту Б. не предоставить право ссылаться на незнание закона, то уголовное законодательство неизбежно будет игнорировать принцип соразмерности, нарушение которого приведет к тому, что субъект Б. будет наказан сверх его вины. Тем самым автор допускает защиту лица при незнании закона².

Рассуждая на тему, можно ли отговариваться незнанием закона, уместно упомянуть о нашумевшем прецеденте по делу Ламберт, которое рассматривалось Верховным судом Соединенных Штатов Америки 16 октября 1957 г. Значение этого дела для американской юриспруденции в целом достаточно велико, так как этот случай является исключением для правового принципа «незнание закона не извиняет». В свое время гр. Ламберт была осуждена за подлог. После отбытия наказания она переехала в Лос-Анджелес (штат Калифорния), не зная о том, что в этом городе

¹ Husak D. Mistake of Law and Culpability. Criminal law and philosophy, 2010. P. 135–136.

² См.: там же. С. 135.

существует постановление, в соответствии с которым бывшие заключенные должны регистрироваться в полицейском участке в течение не более пяти дней. Если это предписание не выполнено, осужденный преступник может быть оштрафован на 500 долл. И приговорен к лишению свободы на срок до 6 мес. В тюрьме за каждый день, когда он оставался в городе после истечения 5-дневного срока. Когда Ламберт была арестована по подозрению в совершении другого преступления, она была осуждена за отказ в регистрации. Ламберт не позволили сослаться на незнание закона в качестве защиты от уголовного преследования, в результате чего она была осуждена и приговорена к трем годам лишения свободы условно, а также оштрафована на 250 долларов США. Верховный суд США отменил приговор в отношении Ламберт, посчитав, что знание или вероятность знания закона необходимы, чтобы уличить лицо в совершении преступления. Уильям Дуглас, один из судей, участвовавших в этом деле, писал, что «в ситуациях, где человек не знал об обязанности регистрироваться и где не было никаких доказательств такого знания, не может быть подвержен осуждению»¹.

В рамках настоящего исследования нельзя обойти стороной и учение об ошибках выдающегося американского ученого-правоведа, внесшего огромный вклад в изучение данной проблемы, Роллина Перкинса. Ему принадлежит работа под названием «Ignorance and Mistake in Criminal law»², в которой автор пытается решить вопросы, касающиеся неведения закона. Исторически уголовное законодательство англосаксонской системы права было сосредоточено на выработке превентивных мер защиты личности от причинения физического и имущественного вреда. Факты преступлений легко объяснялись и доказывались в суде. Иными словами, любой человек мог понять и оценить ситуацию, глядя на то, как лицо, стоя над мертвым телом своего врага с дымящимся пистолетом в руке, выкрикивало: «Он это

¹ Lambert v. California 355 U.S. 225 (1957). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us255/225/case.html> (дата обращения: 18.09.2023).

² В переводе с англ. «незнание и ошибка в уголовном праве».

заслужил!». В таких ситуациях ни у кого не было сомнений в том, что и каким образом произошло. Однако, что делать с лицом, которое, совершая подобного рода преступления, заблуждается относительно правомерности своих действий? Является ли незнание оправданием?

Ученый подвергает критике правовые системы США и Великобритании, где, как и во многих других странах, неотступным постулатом является правило «неведение закона не является оправданием», и утверждает, что ссылка на него без каких-либо исключений является неправильным подходом; в то же время этот принцип дает положительный результат в исключительных случаях. Такими случаями в 30-е годы в США признавались: незаконные пари на гонках, участие в лотереях, изменения актов публичного характера, незаконная продажа алкогольной продукции, открытие салуна в день выборов и др.¹

Р. Перкинс отмечает, что по американскому законодательству незнание закона не является оправданием, но фактическая ошибка может служить обстоятельством для освобождения от уголовной ответственности при условии, что совершенное деяние будет носить правомерный характер². «Незнание» и «ошибка» – это две самостоятельные категории, которые имеют совершенно разные значения. Незнание закона представляет собой полное отсутствие у субъекта преступления знаний относительно предмета преступления, в то время как ошибка лица не исключает наличия знания о предмете, но подразумевает под собой неверное заключение. Р. Перкинс отмечает, что данный подход к отличию «незнания» от «ошибки» не стал общепризнанным и именно поэтому были проигнорированы судами³. В своей работе автор не дает четкого определения уголовно-правовой ошибки, но при этом указывает, что ошибку нельзя определять как незнание какого-либо

¹ Perkins Rollin M. Ignorance and Mistake in Criminal Law, 88 U. Pa. L. Rev. 35 (1939–1940). URL: <https://library.law.uiowa.edu/rollin-m-perkins> (дата обращения: 20.09.2023).

² См.: Ibid. P. 1.

³ См.: Ibid. P. 2–3.

факта, так как «незнание» и «ошибка» есть две самостоятельные категории. Незнание закона не может являться оправданием преступного деяния, в то время как ошибка в отношении какого-либо факта может служить достаточным и обоснованным основанием для того, чтобы избежать наказания¹.

Изучая данную работу, можно прийти к выводу, что под ошибкой в уголовном праве Р. Перкинс понимает неадекватное восприятие лицом фактов и обстоятельств, что происходит, когда человек, имеющий определенное знание, приходит к ошибочному выводу.

Особое место в уголовном законодательстве США отведено ошибке в факте или фактической ошибке. Она является частым случаем оправдания того, что в противном случае было бы признано преступлением. Например, водитель, который насильно выталкивал пассажира из автобуса под честным предлогом, заблуждаясь, что пассажир не оплатил стоимость билета, подлежит гражданско-правовой ответственности, так как в данном случае преступное посягательство отсутствует².

При ошибке в факте причинитель вреда утверждает, что у него не было намерения совершить преступное посягательство, т.к. он неверно понял конкретный факт. К примеру, обвиняемый может ссылаться на то, что он не совершал кражу чужого имущества, поскольку полагал, то имел право на собственность, которой завладел. Однако, такого рода защита допустима лишь в том случае, если данная ошибка является *честной и разумной*.

Ошибка в факте может использоваться в качестве юридической защиты от уголовного преследования, когда обвиняемый показывает, что:

- а) он/она не имел намерения совершить преступление;
- б) он/она неправильно понял конкретный факт.

Однако повторим, что эта защита допускается только в том случае,

¹ Rollin M. Perkins. Ignorance and Mistake in Criminal Law. 88 U. Pa. L. Rev. 35 (1939–1940).

² Фридмэн Л. Введение в американское право. М., 1992. С. 152.

если его ошибка честная и разумная.

Пример: субъекты А. и Б. являются соседями. Субъект Б. одолжил у А. угольный гриль для приготовления барбекю. Б., приготовив мясо, возвращает его А., но, не зная того, что А. хранит приспособление на улице, ставит его в гараже А. Последний не знает, что его угольный гриль был возвращен (находится на территории его частной собственности, в гараже). Б. в этот момент решил приобрести для себя новый угольный гриль такой же модели и цвета, что и одалживал. Субъекту А. потребовался его угольный гриль. Зная о том, что его вещь находится у субъекта Б., он идет к его дому, где обнаруживает угольный гриль, стоящий во дворе Б. Без каких-либо сомнений А. завладевает данным предметом, который по факту принадлежит Б.¹

В подобной ситуации необходимо учитывать, что субъект А. может быть обвинен в краже только в том случае, если в его действиях присутствовало намерение лишить владельца его имущества.

Американское уголовное законодательство дает право А. оспорить обвинение в краже, ссылаясь на ошибку в факте. Несмотря на то, что А. завладел чужим имуществом, сделал он это, поскольку заблуждался, что данное имущество принадлежит ему. В данном случае ошибка является честной и разумной, так как имеются два обстоятельства:

- 1) изначально Б. одолжил у А. имущество в виде гриля;
- 2) два гриля были одной и той же модели и одного и того же цвета.

Фактическая ошибка иногда может служить защитой и в случаях с изнасилованием. В американском уголовном праве для того, чтобы признать лицо виновным в совершении изнасилования, необходимо доказать два элемента:

- 1) обвиняемый совершил половой акт с другим человеком;
- 2) другой человек не дал согласия на половой акт.

Таким образом, защита состоит в том, что обвиняемый допустил

¹ Клочков В.В., Онищук М.М. Юридические и фактические ошибки в американском уголовном праве // Право и образование. 2022. № 4. С. 87–88.

разумную ошибку, полагая, что «жертва» добровольно согласилась на половой акт.

Пример: субъект А. после ужина приглашает субъекта Б. к себе домой. Оказавшись в доме, субъект А. переодевается в откровенный наряд, целует субъекта Б., предлагает выпить, чтобы расслабиться. Учитывая эти обстоятельства, Б. полагает, что А. намерена вступить с ним в интимную близость. Позже субъект Б. обвиняется в изнасиловании.

В данном случае субъект Б. в качестве средства защиты от уголовного преследования может сослаться на фактическую ошибку. У Б. имеются факты, которые подтверждают, что он разумно заблуждался относительно согласия А. на вступление в половую связь. К этим фактам относятся:

- а) А. пригласила Б. к себе домой;
- б) А. переделась в откровенный наряд и продемонстрировала его;
- в) А. целовалась с Б.;
- г) А. предлагала выпить, чтобы расслабиться.

Сославшись на эти обстоятельства, субъект Б. может избежать уголовной ответственности за изнасилование¹.

Многие американские правоведы подчеркивают, что феномен уголовно-правовой ошибки в праве и факте является одним из самых сложных и запутанных в области материального права. Можно предположить, что такое мнение вызвано тем, что случаи «ошибки», «заблуждения» либо «незнания» не являются только лишь правовыми, а являются объектами исследования различных наук. Ссылаясь на § 2.04 МРС, современные авторы утверждают², что ошибка может служить защитой от уголовного преследования в том случае, если она отрицает наличие психического состояния, элемент которого необходим для квалификации соответствующего преступления.

¹ См.: Ключков В.В., Онищук М.М. Указ. соч. С. 89.

² См., напр.: Козочкин И.Д. Уголовное право зарубежных государств. Общая и Особенная части. М., 2013. С. 149.

Тем не менее, эти положения не подтверждаются судебной практикой, как минимум, в вопросах, касающихся ошибки в уголовном праве.

Джон Остин утверждает, что любая существующая юридическая система познаваема, а заявления субъекта преступного посягательства о том, что он якобы не знал, что нельзя убивать или воровать, выглядят глупо и смешно¹. Об этом пишет и И.Д. Козочкин, отмечая, что теоретики общего права отрицательным образом относятся к ошибке в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, и исходят из того, что право является «познаваемым и определенным»².

Субъект, который неправильно понял закон, не приложил достаточных усилий, чтобы уяснить его смысл, действует небезупречным образом. И.Д. Козочкин справедливо подвергает критике эти положения, в особенности утверждение о познаваемости и определенности права. В качестве аргументов могут выступать те факты, что право, создаваемое судьями, характеризуется тем, что не публикуется в общепринятом понимании, в отличие от закона (судя по всему речь идет о аутентическом понимании), а также тем, что это право не имеет обратной силы. Иными словами, лицо, осуществляя какие-либо действия, заранее не предполагает, что совершает преступное посягательство, так как оно может быть признано преступным уже непосредственно в рамках судебного разбирательства³.

Нельзя не отметить тот факт, что в Америке не все штаты придерживаются единой позиции относительно уголовно-правовых ошибок. Это подтверждается отсутствием в нормативных документах таких субъектов положений, касающихся как ошибок в праве, так и ошибок в факте. В качестве примера может служить Уголовный кодекс штата Висконсин, закрепляющий положение о том, что ошибка не может выступать в качестве защиты от уголовного преследования и тем самым не может влиять на

¹ Meese E., Larkin P. Reconsidering the Mistake of Law Defence // Journal of Criminal Law and Criminology, V. 102, 2012. P. 725–784.

² Козочкин И.Д. Указ. соч. С. 153–155.

³ См.: там же. С. 155–156.

уголовную ответственность подсудимого¹.

Статья 939.43 упомянутого нормативно-правового акта так и называется «Mistake»². В соответствии с ее частью первой честная ошибка независимо от факта или права может являться защитой, если она не относится к защите в рамках уголовного права. Часть вторая закрепляет, что ошибка относительно возраста несовершеннолетнего лица не может являться защитой от уголовного преследования. Данная статья также имеет два примечания со ссылками на прецедент. Примечание 1 говорит о том, что преследование человека, который опирался на аутентичское толкование уполномоченного лица, представляло бы собой «необоснованную жестокость закона»³.

В примечании 2 указывается, что ошибка не является средством защиты от преступной халатности. Субъективная сторона причинителя вреда не влияет на квалификацию этого деяния⁴.

Иной позиции придерживается законодатель штата Кентукки. В соответствии с Уголовным кодексом этого штата ошибка в факте и ошибка в праве исключают уголовное преследование, но только лишь при определенных формах вины⁵. Подобного рода позицию можно проследить и в гл. 8 Уголовного кодекса штата Техас, посвященной общим принципам уголовной ответственности. Раздел 8.02 данного акта посвящен ошибке в факте, представляющей собой защиту от уголовного преследования в случаях, когда по ошибке у причинителя вреда сформировалось убеждение относительно фактических обстоятельств, если такое ошибочное убеждение есть элемент виновности субъекта, необходимый для совершения определенного преступного посягательства.

¹ Уголовный кодекс штата Висконсин. URL: <http://docs.legis.wisconsin.gov/statutes/statutes/939> (дата обращения: 19.10.2023).

² В переводе с англ. «ошибка».

³ Прецедент из примечания 1—Statev. Davis, 63 Wis. 2d 75,216 N.W. 2d 31(1974).

⁴ Прецедент из примечания 2—Statev. Lindvig, 205 Wis. 2d 100, 555 N.W. 2d 197 (St. App. 1996), 96–0235.

⁵ Уголовный кодекс штата Кентукки. URL: <http://www.lrc.ky.gov/Legislation.htm>. (дата обращения: 19.10.2023).

Пункт «b» статьи закрепляет: несмотря на то, что ошибка причинителя вреда в факте может являться средством защиты от уголовного преследования за вменяемое посягательство, тем не менее это лицо может быть подвергнуто уголовному осуждению за совершение посягательства меньшей тяжести, в котором он был бы виновен, если бы этот факт был таким, каким он его считал.

Разделом 8.03 УК штата Техас предусмотрена ошибка в праве (или ошибка в законе). В соответствии с п. «a» не является защитой против уголовного преследования утверждение причинителя вреда о неосведомленности о правовом запрете после того, как закон вступил в силу. Пунктом «b» установлено, что фактом, опровергающим обвинения, может являться то, что лицо действовало разумно, полагаясь на судебное решение или приговор суда, аутентичское толкование уполномоченным должностным лицом конкретного предписания¹.

Положения об ошибках присутствуют и в Уголовном кодексе штата Нью-Йорк. В разделе «Принципы уголовной ответственности» имеется ст. 15.20 под названием «Effect of ignorance or mistake upon liability»². В соответствии с ее частью первой лицо не освобождается от уголовной ответственности за свое поведение по причине того, что оно совершает такой поведенческий акт под влиянием ошибки в факте в следующих случаях:

- ошибка в факте не нейтрализует виновное психическое состояние, требуемое для совершения преступного посягательства;
- закон, определяющий данное преступное посягательство, прямо не предусматривает, что такого рода ошибка в факте представляет собой защиту;
- такого рода ошибка в факте не представляет собой подвид ошибки, связанной с оправдывающим обстоятельством.

¹ Уголовный кодекс штата Техас. URL: <http://www.statutes.legis.state.tx.us/?link=PE>. (дата обращения: 19.08.2023).

² В переводе с англ. «Влияние незнания или ошибки на ответственность».

Часть 2 ст. 15.20 УК штата Нью-Йорк предусматривает основание для освобождения от уголовного преследования в случаях ошибки в праве (законе). Данная дефиниция очень похожа на ту, что предусмотрена в УК штата Техас. В соответствии с ч. 2 ст. 15.20 УК штата Нью-Йорк лицо не освобождается от уголовной ответственности за свое поведение только потому, что оно осуществляет такое поведение под влиянием ошибки в том, что оно, с точки зрения права, не представляет собой посягательства, если такое ошибочное убеждение не основано на официальном положении права, в свою очередь содержащемся в:

- судебном решении или ином правотворческом акте;
- специальном разрешении или административном приказе;
- толковании правового акта или закона, выпущенном государственным служащим, агентством или органом, несущими ответственность и обязанность толковать такой закон¹.

Статья об ошибке закреплена и в УК штата Нью-Джерси. В разделе 2С:2-4 под названием «Ignorance or mistake» определено: убежденность причинителя вреда в том, что его поведенческий акт не составляет преступного посягательства, является средством защиты от уголовного преследования, если причинитель вреда проявил усердие в использовании всех доступных средств для установления того, является ли его поведенческий акт преступлением или нет, но добросовестно и честно пришел к осознанию, что такой поведенческий акт не является таковым при обстоятельствах, в ходе которых законопослушный гражданин также пришел бы к соответствующему выводу.

Как и согласно МСР, причинитель вреда должен предоставить убедительные доказательства, подтверждающие защиту².

Кроме того, стоит отметить учение об ошибках, получившее развитие в

¹ Уголовный кодекс штата Нью-Йорк. URL: <http://ypdcrime.com/penal.law/article15.htm> (дата обращения: 20.09.2023).

² Уголовный кодекс штата Нью-Джерси. URL: <http://law.justia.com/codes/new-jersey/2013/title-2c/section-2c-2-4/> (дата обращения: 21.10.2023).

Австралии, Ботсване и Зимбабве. Несмотря на то, что правовая система Австралии формировалась под влиянием английского права, вопросы, касающиеся уголовно-правовых ошибок, имеют свою специфику. Само понятие преступления в Австралии определяется либо уголовным кодексом, либо нормативным актом, изданным парламентом этого государства. В Австралии отсутствует термин «состав преступления», однако понятие «преступление» включает в себя несколько структурных элементов, а именно: *физические элементы и элементы вины*.

Согласно австралийской доктрине, ошибка может повлиять на уголовную ответственность в различных формах. Законодатель допускает как ошибку в факте, так и ошибку в праве, однако вероятность вынесения оправдательного приговора в случае ошибки в фактических обстоятельствах деяния существенно выше, нежели в случаях незнания закона. Разница между ошибкой в факте и ошибкой в праве (законе) в большинстве случаев очевидна, при этом различие между правом и фактом является одним из самых сложных вопросов на теоретическом уровне. Взаимосвязь фактической ошибки и уголовной ответственности зависит от психического состояния лица; отсюда и выбор допустимой защиты.

Д. Вуд выделяет следующие виды преступлений, которые могут быть оправданы по причине ошибки в факте:

1. *Преступления, требующие намерения*. Отсутствие намерения лица во время совершения преступного посягательства исключает психический элемент и поэтому оправдывает подсудимого. Таким образом, если субъект А. выстрелит в отдаленного субъекта Б., полагая, что стреляет в дерево, он не будет виновен в убийстве, так как у субъекта А. отсутствовало намерение убить субъекта Б.

2. *Преступления, требующие невнимательность*. В отличие от деяний 1 группы, преступления, совершенные по халатности, не обязательно приведут к оправдательному приговору, хотя бывают и исключения. Так, если субъект А., целясь в дерево, отчетливо видит субъекта Б. рядом со своей

целью и, производя выстрел, допускает, что может навредить субъекту Б., речь пойдет о непредумышленном убийстве.

3. *Преступления, где отсутствие психического элемента должно быть доказано*¹.

Помимо этого, автор утверждает, что ошибка в праве и неведение закона не должны являться средствами защиты, тем самым соглашаясь с принципом «незнание закона не извиняет». Однако допускает исключения для определенных случаев. К ним Д. Вуд относит:

1. *Ошибку вследствие неверного толкования закона как самим лицом, так и специально уполномоченным представителем власти. Если же ошибка возникла из-за неверного толкования уполномоченным лицом или государственным служащим, то оно должно нести ответственность за халатность.*

2. *Отсутствие официально опубликованного нормативно-правового акта, в результате чего у причинителя вреда сформировалось заблуждение относительно правомерности своего поведения*².

В соответствии со ст. 9.1 и 9.2 УК Австралии ошибка в факте и ошибка в законе признаются обстоятельствами, исключающими уголовную ответственность. Ошибка в факте исключает ответственность за деяния, совершенные по неосторожности, а также за умышленные деяния по причине того, что такая ошибка исключает элементы вины. Ошибка в праве (законе) также может исключить преступность деяния, если знание закона имеет значение для вменения этого деяния лицу, а также в случаях, если соответствующий правовой акт не был опубликован надлежащим образом³.

Теперь обратимся к уголовно-правовой доктрине Республики Ботсвана, чья правовая система носит смешанный характер. Тем не менее, «особый отпечаток» на уголовное право этого южноафриканского государства был

¹ Wood D. Criminal law in Australia. Kluwer Law International, 2011. P. 27–28.

² См.: Ibid. P. 28–30.

³ Уголовный кодекс Австралии / под ред. И.Д. Козочкина. СПб., 2002. С. 87.

наложен именно английским общим правом. Поэтому, рассматривая вопрос об уголовно-правовых ошибках в праве Ботсваны, целесообразно отнести его к англосаксонской системе.

Ошибки в праве или незнание закона в этом государстве не являются обстоятельствами, исключаящими уголовную ответственность причинителя вреда. Таким образом, законодатель этой страны также придерживается принципа «*ignorantia juris non excusat*», что и отмечает судья Международного суда Даниэль Дэвид Нтанда Нсереко, занимавшийся специальным изучением уголовного права Ботсваны в целом и изучением уголовно-правых ошибок этого государства в частности¹.

Тем не менее, ошибка в факте является средством защиты от уголовного преследования. Данное положение закреплено в разделе 9 УК Ботсваны под названием «*Mistake of fact*»².

Лицо, совершая действие, основанное на честности и разумности, но, заблуждаясь относительно существования определенных фактов, не может нести уголовную ответственность за действие или бездействие. Действие этого правила исключается в случае явных положений, закрепленных в законе, касающихся предмета преступления³. Отсюда можно сделать вывод, что законодатель Ботсваны обременяет лицо своего рода «презумпцией знания определенных фактов», незнание которых недопустимо и, как следствие, не исключает уголовную ответственность.

Исследуя данное положение, Нтанда Нсереко отмечает, что такое средство защиты, как ошибка в факте, по своей сути является продолжением фундаментального правила уголовного права о том, что ответственность лица должна быть основана на намерении совершить преступное посягательство. Ошибка в факте исключает такой субъективный элемент

¹ Ntanda Nsereko D.D. Criminal law in Republic of Botswana. Kluwer Law International, 2011. P.147.

² В переводе с англ. «ошибка в факте».

³ Уголовный кодекс Республики Ботсвана. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=238601 (дата обращения: 23.08.2023).

вины, как умысел, по причине того, что умышленное посягательство всегда совершается с осознанием и намерением совершить именно преступное деяние. Фактическая ошибка как средство защиты должна отвечать определенным условиям:

- 1) она не должна относиться к праву;
- 2) она должна быть честной (особое внимание автор уделяет вопросу веры, касающейся существования вещей, которые должны быть честными, несмотря на ошибочность; вера лица должна быть подлинной и непритворной, в противном случае она может перейти в категорию лжи);
- 3) она должна быть разумной.

Кроме того, необходимо учитывать, что, если обвиняемый считал положение определенных вещей истинным, он не может быть подвержен уголовному наказанию¹.

Стоит отметить, что раздел 9 УК Ботсваны не содержит такого положения, хотя логически оно достаточно обосновано.

Уголовный кодекс Зимбабве, подобно УК штата Техас, в ст. 236 признает незнание закона обстоятельством, исключающим уголовную ответственность лица, если оно стало прямым результатом того, что лицом была получена ложная информация о содержании нормативного предписания от специально уполномоченного должностного лица, если имелись разумные основания полагать, что это лицо имеет полномочия применять нормы права².

Таким образом, можно констатировать, что страны – представители англосаксонской правовой системы в большинстве случаев признают фактическую ошибку в качестве средства защиты от уголовного преследования. Она является частым случаем извинительного характера применительно к деяниям, которые де-юре являются преступлениями.

¹ Ntanda Nsereko D.D. Criminal law in Republic of Botswana. Kluwer Law International, 2011. P. 148–149.

² Рахманин С.В. Проблема опровержимости презумпции знания закона и юридическая ошибка в уголовном праве // Право и политика. 2019. № 3. С. 43.

Законодатели англо-саксонской системы права в том или ином виде предусматривают основания для юридической оценки ошибок в факте.

При фактической ошибке причинитель вреда утверждает, что у него не было намерения совершить преступное посягательство, т.к. он неверно понял конкретный факт. К примеру, обвиняемый может сослаться на то, что он не совершал кражу чужого имущества, поскольку предполагал наличие у него права на вещь, которой завладел. Однако такого рода защита допустима лишь в том случае, если данная ошибка является *честной* и *разумной*.

Ошибка в факте может использоваться в качестве юридической защиты от уголовного преследования, когда лицо показывает, что:

- 1) он/она не имел намерения совершить преступление;
- 2) он/она неправильно понял конкретный факт.

Иначе стоит вопрос, когда речь идет об ошибке в праве; здесь законодатели в большинстве случаев идут по пути «*ignorantia juris non excusat*» и не признают данный вид ошибки в качестве обстоятельств, препятствующих уголовному преследованию. Однако допускаются исключения:

- 1) отговариваться неведением допустимо, если запрещающий закон не был опубликован надлежащим образом;
- 2) в действиях лица отсутствовали намерения совершить преступление;
- 3) лицо действует «разумно», опираясь на официальную формулировку правового акта, впоследствии признанную ошибочной либо недействительной, содержащуюся в судебном решении или приговоре суда; административном приказе; правовом акте или в статуте; аутентическом толковании должностным лицом или иным уполномоченным органом власти, на которые в соответствии с законодательством возложена обязанность в разъяснении применения закона, определяющем данное деяние как преступное.

Для установления юридической ошибки необходимо соблюдение следующих условий:

- 1) ошибка должна быть честной;
- 2) ошибка должна носить характер добросовестности.

2.2 Теоретические основы и законодательное отражение учения об ошибке в уголовном праве стран романо-германской правовой системы

Становление романо-германской правовой системы как целостного правового института началось в эпоху Возрождения, когда в большинстве европейских стран стала устанавливаться новая система взглядов и представлений, описывающих «юридический мир». С этим пришло и осознание необходимости в праве, понимание того, что только закон может обеспечить защиту и дать гарантии безопасности общества. Отныне общественные отношения должны были основываться на законе, который в свою очередь обязан опираться на важнейшие социальные постулаты, а именно *справедливость и разумность*. Этот подход актуален и в наши дни, он констатирует систему ценностей европейских стран¹.

Представителями данной правовой системы являются такие страны, как Франция, Германия, Испания, Италия, Румыния, Венгрия, Австрия, Дания, Армения и многие другие, в том числе и Российская Федерация.

Вопросы, касающиеся проблемы ошибок в уголовном праве, законодатели стран романо-германской правовой системы решают по-разному. В некоторых странах континентального права положения об ошибках закреплены в разделах уголовных кодексов, посвященных виновности субъекта преступного деяния, другие включают их в разделы УК, предусматривающие обстоятельства, исключающие преступность деяния. Рассмотрим теоретические и законодательные аспекты некоторых из них.

Уголовный кодекс Австрии 1974 г. в разделе «Общие положения» содержит § 8 под названием «Ошибочное представление об обстоятельствах, исключающих ответственность» и § 9 «Ошибка в запрете». В § 8

¹ Скакун О. Ф. Теория государства и права. Харьков, 2000. С. 527–530.

установлено, что лицо, ошибочно представлявшее обстоятельства дела на момент совершения общественно опасного деяния и предполагавшее, что противоправность данного деяния исключается, не может быть наказано за совершение умышленного деяния. Здесь речь идет об ошибке в факте. § 9 в свою очередь закрепляет, что действия лица признаются невиновными, если у причинителя вреда отсутствует осознание противоправности деяния по причине ошибки в запрете, а также при условии, что субъект преступного посягательства не имел возможности избежать этой ошибки. В ч. 2 § 9 определено, когда ошибка в запрете невозможна. Это касается случая, при котором противоправность деяния была доступна для понимания лицом, совершающим преступное посягательство, так же, как и для любого другого разумного человека. Помимо этого, предусмотрено и такое обстоятельство, исключающее ошибку в запрете, как не ознакомление с предписаниями закона, с которыми лицо обязано было ознакомиться в силу своей специальности. УК Австрии устанавливает, что в случае наличия возможности избежать ошибку в запрете, лицу надлежит назначить наказание с учетом его вины (умысел или неосторожность)¹.

Уголовный кодекс Венгерской Народной Республики, принятый в 2012 г., закрепил положение об ошибках в ст. 20 под названием «Ошибка». Стоит отметить, что положения об ошибках в УК Венгрии появились не в 2012 г. с принятием нового уголовного закона, а значительно раньше. В УК Венгрии 1961 г. ошибке была посвящена ст. 24. В ней говорилось, что любое лицо, участвующее в совершении преступного посягательства, но не знающее об обстоятельствах, которые квалифицируют его поведение как преступное, не может быть привлечено к уголовной ответственности. Кроме того, не подлежит уголовной ответственности и лицо, которое совершает деяние, основанное на ошибочном предположении, что его поведение не причиняет вреда обществу, но при наличии достаточных оснований для такого предположения. Часть 3 ст. 20 УК Венгрии предусматривает, что

¹ Уголовный кодекс Австрии / под ред. С.Ф. Мильюкова. СПб., 2004. С. 11–12.

ошибочное предположение не исключает уголовную ответственность, если оно вызвано небрежностью лица¹.

К. Каршай, исследуя проблему ошибок в уголовном праве, отмечает, что в венгерской уголовно-правовой доктрине ошибку принято дифференцировать на *ошибку в законе (в праве)* и на *ошибку, несущую в себе социальную опасность (ошибка общественной опасности)*. *Ошибка в законе* предполагает, что лицо не знает существующих положений уголовного законодательства и, согласно венгерской доктрине, не подпадает под принцип «*ignorantia juris non excusat*». *Ошибка общественной опасности* означает, что лицо, совершающее преступление, не предполагает существенной опасности и запрещенности уголовным законом своего поведения. Применительно к вопросу о фактической ошибке в венгерской правовой доктрине К. Каршай отмечает, что она имеет место только тогда, когда относится к объекту преступления. К примеру, если лицо заблуждается относительно возраста своего партнера и вступает с ним в половое сношение, то здесь усматривается ошибка в факте незнания лицом возраста, и тем самым уголовная ответственность исключается. Однако в этом же случае фактическая ошибка не освобождает лицо от уголовной ответственности, если его заблуждение относительно возраста партнера вызвано его небрежностью².

Таким образом, помимо традиционных ошибок в праве и ошибок в факте, венгерский законодатель предусмотрел еще один вид – *ошибку в общественной опасности*, служащую обстоятельством, исключающим уголовную ответственность. Лицо не будет подвергаться уголовному преследования, если ошибочно предполагало, что совершенное деяние не

¹ Уголовный кодекс Венгерской Народной Республики 2012 г. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0ahUKewiQ_Ob31IPRAhUH3iwKHfWUCLoQFgggMAE&url=http%3A%2F%2Fwww.legislationline.org%2Fdownload%2Faction%2Fdownload%2Fid%2F5619%2Ffile%2FHUngary_Criminal_Code_of_2012_en.pdf&usg=AFQjCNEaUNkhLA6gNpO1VC1WvPTmK5JAA&sig2=NaYV2IH5jP3Do8JWxAXpvA&cad=rjt (дата обращения: 02.11.2023).

² Karsai K., Szomora Z. Criminal law in Hungary. Kluwer Law International, 2010. P. 85–86.

причиняет вред общественным интересам и имело все разумные основания для такого предположения¹.

Испанский Уголовный кодекс также закрепляет положения, касающиеся ошибки лица. Однако для решения проблем, связанных с ней, законодатель избрал унитарный подход, закрепив в кодексе единственное установление относительно этого вопроса. Оно закреплено в первом разделе гл. I в ст. 14. Для испанского права различие между ошибкой и неведением не имеет никакого юридического значения. Ошибка выступает в качестве ошибочного знания о действительности, а незнание представляет собой полное неведение относительно конкретного вопроса. При этом уголовная доктрина включает в себя оба аспекта². Части 1 и 2 ст. 14 УК Испании посвящены ошибке в факте. Так, непреодолимая ошибка лица относительно деяния, характеризующегося как уголовное правонарушение, является обстоятельством, исключающим уголовную ответственность. В случае если ошибка лица была преодолимой, с учетом личности виновного и обстоятельств совершенного преступления содеянное квалифицируется как совершенное по неосторожности.

Л. Бахмайер отмечает, что испанское уголовное законодательство не регулирует в настоящее время вопрос ошибок относительно действий, смягчающих ответственность, или относительно смягчающих обстоятельств, что, безусловно, пагубно сказывается на деятельности правоприменителя в определенных ситуациях³.

Часть 3 ст. 14 УК Испании предусматривает «ошибку в запрете». «Ошибка в запрете» касается противоправности поведения, составляющего уголовное правонарушение, и исключает уголовную ответственность

¹ Бойко А.И., Онищук М.М. Учение об ошибках в континентальной системе права // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 2 (81). С. 115.

² Кузнецова Н.Ф., Решетников Ф.М. Основные черты нового Уголовного кодекса Испании // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1998. № 2. С. 65–74.

³ Bachmaier L. Criminal law in Spain. Kluwer Law International, 2010. P. 110.

причинителя вреда¹.

Как замечает Л. Бахмайер по поводу упомянутого положения, в испанской правовой доктрине принято выделять *прямую и косвенную* ошибки в запрете. *Прямая ошибка в запрете* возникает в случае, когда субъект полагает, что его поведение не запрещено законом. Примером может послужить ситуация, когда гражданин страны, где свободно разрешено пользоваться огнестрельным оружием, прибывает в Испанию, имея при себе пистолет, не зная о соответствующем запрете. *Косвенная ошибка в запрете* имеет место, когда человек убежден, что его поведение несет в себе «элемент оправдания», несмотря на существование запрета. В качестве примера служат ситуации, когда отец, применяя физическую силу к своему ребенку, полагает, что у него есть право на наказание, либо когда лицо применяет физическое насилие по отношению к другому лицу, полагая, что согласие жертвы оправдывает его поведение².

В итальянской уголовно-правовой системе ошибка в праве (то есть неправильное представление о нормативно закрепленных положениях) не признается извинительной в соответствии с принципом «*ignorantia legis non excusat*», закрепленным в ст. 5 Уголовного кодекса Италии³.

Таким образом, итальянский законодатель не исключает уголовную ответственность в связи с ошибкой в законе (праве) или ошибочным толкованием закона (права). Тем не менее, как отмечает Астольфо Ди Амато, это правило было смягчено решением Конституционного суда от 24 марта 1988 г. № 364, который постановил, что «незнание уголовного закона исключает преступность деяния, если незнание является неизбежным»⁴.

Уголовный кодекс Италии в ст. 47 и 48 регулирует вопросы,

¹ Уголовный кодекс Испании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 1998. С. 105.

² Bachmaier L. Decree. op. P. 108–111.

³ Статья 5 Уголовного кодекса Италии под названием «Незнание уголовного закона» устанавливает, что никто не может ссылаться на незнание уголовного закона в качестве оправдания своих действий.

⁴ Di Amato A. Criminal law in Italy. Kluwer Law International, 2011. P. 98.

касающиеся ошибки в факте¹. В соответствии с п. 1 ст. 47 кодекса ошибка в факте является обстоятельством, исключающим уголовную ответственность причинителя вреда. В итальянской правовой доктрине *ошибка в факте* есть ошибка относительно «основных элементов запрещенного факта». Примером служит ситуация, когда человек берет какую-либо вещь, полагая, что она является его собственностью. Ди Амато подчеркивает, что ошибка в факте исключает субъективную сторону преступного посягательства. По аналогии с испанским уголовным законом УК Италии закрепляет, что ошибка в факте не будет служить основанием для освобождения от уголовной ответственности, если заблуждение вызвано небрежностью. В таком случае содеянное будет квалифицироваться как халатность².

Уголовный кодекс Болгарии, принятый в 1896 г., по своему образу и подобию напоминал российское Уголовное уложение и УК Венгрии. Нормы, касающиеся юридических и фактических ошибок, в данном уголовном законе отсутствовали. Многие болгарские правоведы, такие как Г. Драгиев и А. Николов, пишут, что немалый вклад в становление болгарского уголовного права внес профессор Н. Долапчевф, который затронул и проблему ошибок в уголовном праве. Он отмечал, что незнание и ошибка в соответствии с болгарской уголовно-правовой доктриной простительны, когда лишают исполнителя возможности владеть соответствующими знаниями, необходимыми для формирования у него намерения. Поскольку намерение включает в себя знание всех элементов преступления, ошибка в факте исключает умысел, когда исполнитель не знает, что его поступок запрещен законом. По мнению Н. Долапчевфа, в УК Болгарии должны быть закреплены нормы, посвященные как ошибке в праве, так и ошибке в факте в качестве обстоятельств, исключающих преступность деяния³.

Принятый в 1968 г. новый Уголовный кодекс Болгарии ознаменовал

¹ Уголовный кодекс Италии / под ред. М.М. Исаева. СПб., 2003. С. 79.

² Di Amato A. Decree. op. P. 99.

³ Dolapchieff N. Criminal law in Bulgaria, 23 Am. Inst. Crim. L. & Criminology, 1933. P. 1011–1016.

полную кодификацию уголовного права. Он содержит норму об ошибке. Однако речь идет только о нормативном закреплении ошибки в факте. Статьей 14 УК Болгарии предусмотрено, что незнание фактических обстоятельств, непосредственно относящихся к составу преступного посягательства, исключает умысел относительно этого посягательства. Указанное положение также применяется к деянию с неосторожной формой вины, за исключением случая, когда само незнание фактических обстоятельств не составляет неосторожности¹.

Как видно, ошибка в праве по общему правилу не освобождает лицо, совершившее общественно опасное деяние, от уголовной ответственности. Тем не менее, статьи имеют оговорки и исключения из правил. В некоторых ситуациях ошибка может носить извинительный характер, а в случаях, если лицо подлежит уголовной ответственности, наличие в его действиях ошибки может послужить обстоятельством, смягчающим его вину. Ошибка в факте, напротив, представляет собой средство защиты от уголовного преследования и, как можно заметить, охотно закрепляется законодателями ранее названных стран.

К сожалению, в рамках данного исследования невозможно охватить законодательство всех стран континентальной системы права, содержащее нормы об ошибках. Поэтому целесообразно рассмотреть положения и мнения ученых тех стран романо-германской правовой системы, закрепление в законах которых положений об ошибке сыграло ключевую роль для последующей их рецепции другими государствами. К таким странам, в первую очередь, относятся Франция и Германия.

Существенный вклад в изучение уголовно-правовой ошибки как категории внесли немецкие и французские правоведы. Однако если в уголовных кодексах Германии данные положения нашли свое отражение, то

¹ Уголовный кодекс Республики Болгарии 1968 г. (ред. от 08.07.2022 г.) // WIPO: сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21816> (дата обращения: 18.12.2023).

во Франции нормативного закрепления понятие ошибки не находило вплоть до конца XX в. (ссылаться на неведение закона можно было лишь в том случае, если лицо совершило деяние не позднее 3 дней со дня официального опубликования правового запрета). Подтверждением этого может выступать тот факт, что уже в то время в национальных уголовных кодексах Германии содержались положения, касающиеся вопроса ответственности лица, в действиях которого присутствует заблуждение относительно совершаемых им деяний. Так, например, разработанный при непосредственном участии немецкого криминалиста А. Фейербаха Баварский Уголовный кодекс 1813 г. в ст. 107 закреплял, что лицо может ссылаться на незнание закона при доказывании того факта, что считало свои действия правомерными¹.

Подобное положение содержалось и в Уголовном кодексе Ганновера 1841 г. в ст. 84, где оправдание неведением закона допускалось в случае, когда лицо считало свое деяние дозволенным².

Здесь прослеживается определенная аналогия с римским правом, где, как было сказано ранее, лицо должно было доказывать факт незнания закона. В дальнейшем эти положения вошли в уголовные кодексы различных стран.

Проводя соответствующий анализ, можно обнаружить, что учению об ошибках большее внимание уделяет немецкая доктрина. Подтверждением этого заключения может выступить решение Bundesgerichtshof³ от 18 марта 1952 г., в котором в качестве оправдания преступных действий была признана ошибка в праве. Французский законодатель дал нормативное закрепление ошибки в качестве оправдания только с принятием Уголовного кодекса 1994 г. До этого момента французское законодательство придерживалось принципа «никто не может ссылаться на незнание закона». Э. Кирш отмечает, что немецкий законодатель свою концепцию ошибки в

¹ Feuerbach's Bavarian Criminal Code. The Birth of Liberal, Modern and Rational Criminal Law. 2014. IX. P. 237–242.

² The criminal code of the German empire, the Lawbook Exchange, Ltd. New Jersey, 2005. P. 205.

³ В переводе с нем. «Верховный Суд ФРГ».

праве как оправдывающего обстоятельства основывает на обдуманых теориях, детальном анализе структуры уголовных преступлений. В то же время французские власти попросту приняли положение об ошибке в праве (законе), которое является общим для многих стран мира с романо-германской системой права, не зная точно, как охарактеризовать такую ошибку в рамках существующей во Франции системы уголовных преступлений¹.

Как отмечает известный немецкий ученый в области национального и международного уголовного права Клаус Роксин, до 1952 г. в немецком уголовном праве также главенствовал принцип «*ignorantia legis non excusat*», как и во всех странах континентальной системы права. Уголовным законом ФРГ 1871 г. не предусматривалось обстоятельство, исключающее уголовную ответственность в связи с ошибкой в законе, в то время как ошибка в факте приводила к исключению требуемого в соответствии с немецким законодательством умысла². Таким образом, суды ФРГ и ученые-юристы столкнулись с теми же проблемами строгого применения принципа «незнание закона не извиняет», что и их «визави» (представители англосаксонской системы права).

Интересную особенность доктрины немецкого права подчеркивает Дж. Флетчер. Он указывает на существенные различия «юридических миров» англосаксонской и континентальной правовых систем. Если в англо-американской системе используется только одно понятие «закон», то в континентальной, как правило, присутствуют два понятия, которые призваны разделять закон как нормативно-правовой акт и закон как принцип. В немецком праве используются два слова: «*gesetz*» для обозначения закона как такового и слово «*recht*», определяющее закон как высший принцип³.

С 1975 г. немецкий законодатель установил, что ошибка в уголовном

¹ Kirsch A. Mistake of law in French criminal law. *Amicus Curiae*, 2012. P. 25–28.

² Roxin C. *Strafrecht Allgemeiner teil, Band I, Grundlagen, der Aufbau der Verbrechenlehre*. C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, München, 1994. P. 766–767.

³ Fletcher G. *Rethinking criminal law*. Oxford University Press, Oxford, 2020. P. 405.

праве является оправданием. Немецкий уголовный закон различает Tatbestandsirrtum (§ 16 УК ФРГ) и Verbotsirrtum (§ 17 УК ФРГ). Tatbestandsirrtum означает ошибку в фактических обстоятельствах преступного деяния (фактическая ошибка). В соответствии с ч. 1 § 16 УК ФРГ лицо, совершая преступное деяние, не зная об обстоятельствах состава этого деяния, признается действовавшим непреднамеренно. Однако при совершении деяния по небрежности наказуемость не исключается. Часть 2 § 16 УК ФРГ закрепляет, что лицо, совершая преступное деяние, ошибочно воспринимая обстоятельства, которые относились бы к составу этого деяния, предусмотренного более мягким законом, не исключает наказания за намеренное деяние только по более мягкому закону. Иными словами, фактическая ошибка, предусмотренная в ч. 1 § 16 УК ФРГ, освобождает лицо от бремени нести уголовную ответственность за преступление с умышленной формой вины. Второй вид фактической ошибки, закрепленный в ч. 2 § 16 УК ФРГ, предполагает наказание за умышленное преступление с учетом смягчающих обстоятельств.

Verbotsirrtum означает ошибку в запрете (праве). В соответствии с § 17 УК ФРГ, если лицо, совершающее преступное деяние, не осознает того, что его действия запрещены под угрозой наказания и носят противоправный характер, то оно действует невиновно в случае, если не могло избежать этой ошибки. В случае, если лицо имело возможность избежать этой ошибки, то в соответствии с § 49, абз. 1, наказание может быть смягчено¹.

Необходимо отметить, что здесь идет речь только об умышленной форме вины, в то время как в отношении лица, совершающего деяние по небрежности, требуется проверка на возможность избежания ошибки при должном внимании. В противном случае оно может быть осуждено за неосторожное преступление.

В. Эбке и М. Финкин отмечают, что в немецкой уголовно-правовой

¹ Уголовный кодекс ФРГ (по сост. на 01 мая 2023 г.). URL: <http://constitutions.ru/?p=5854> (дата обращения: 29.09.2023).

доктрине *ошибку в запрете*, предусмотренную § 17 УК ФРГ, принято дифференцировать на два типа, а именно:

- *прямую ошибку в запрете (direkter Verbotsirrtum)*;
- *косвенную ошибку в запрете (indirekter Verbotsirrtum)*.

Прямая ошибка в запрете возникает в ситуации, когда лицо, совершающее преступное деяние, не знает уголовный закон либо же из-за неверного толкования полагает, что в его действиях отсутствует элемент противоправности. *Косвенная ошибка относительно запрета* имеет место, когда преступник ошибочно полагает, что его поведенческий акт оправдан в соответствии с определенными правовыми условиями (здесь идет речь о самозащите). В этом случае причинитель вреда использует положения, исключаящие уголовную ответственность, которые на самом деле не существуют, либо не признаны уголовным правом; либо они существуют, но не применимы в данной ситуации¹.

Подобный подход также описывает Ханс-Хайнрих Ешек, однако его подход отличается от представленного. В соответствии с его концепцией прямая ошибка в праве существует, когда преступник не знает о существовании нормативно-правового акта, запрещающего его действия. Вопрос неверного толкования закона преступником Х.-Х. Ешек не признает, так как считает, что «незнание» и «неверная интерпретация» обязаны влечь за собой разные правовые последствия. Таким образом, человек, совершивший убийство другого лица, не может отговариваться тем, что он не понимал значения слова «убить». Автор также критикует косвенные ошибки в запрете, поскольку они противоречат принципу справедливости, предоставляя возможность преступнику защищать себя неограниченными способами².

Из двух указанных ранее подходов наиболее целостным

¹ Ebke V., Finkin M. Introduction to German Law, supra note 53, 1996. P. 395–396.

² Jescheck H., Weigend T. Lehrbuch des Strafrechts, Allgemeiner Teil. Duncker&Humblot GmbH, Berlin, 1996. P. 320–325.

представляется первый, учитывающий такой элемент, как неверное толкование уголовного закона. В каждой стране случаи неверного толкования той или иной уголовно-правовой нормы субъектами, применяющими право, имеют место быть. Поэтому, если даже правоприменители неверно интерпретируют тот или иной нормативно-правовой акт, то не совсем справедливо требовать этого от обычного среднестатистического человека. В связи с этим подход Х.-Х. Ешека видится менее предпочтительным.

Т. Вайгенд и У. Вебер, анализируя § 17 УК ФРГ, отмечают, что положение Уголовного кодекса идет вразрез с широко известной «Vorsatztheorie»¹, в то время как законодатель в данном случае применил «Schuldtheorie»². «Vorsatztheorie» признает вину субъекта только тогда, когда этот субъект действовал с осознанием противоправности, что является обязательным для привлечения лица к уголовной ответственности за умышленное преступное посягательство³.

А.Э. Жалинский также указывает, что в данном случае речь идет о разграничении «теории вины» и «теории умысла» в рамках учения об ошибках с целью определения принадлежности осознания противоправности к вине или умыслу. Верховный Суд ФРГ склонился к теории вины по нескольким причинам, а именно:

1) преступник в определенных случаях в момент совершения преступления (убийство в состоянии аффекта) для удовлетворения своей половой страсти действует без осознания противоправности, но закон определяет его деяние как умышленное;

2) ввиду большого числа умышленных деяний теория умысла неизбежно привела бы к проблемам в законе⁴.

¹ В переводе с нем. «теория умысла».

² В переводе с нем. «теория вины».

³ Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М., 2009. С. 193–194.

⁴ Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006. С. 173.

В соответствии с теоретической концепцией К. Роксина причинитель вреда, за исключением некоторых случаев, довольно редко оценивает правомерность своего поведения. Однако это не означает, что в его действиях отсутствует осознание противоправности. Напротив, его осознание противоправности может проявиться во время совершения преступного посягательства. Например, его собственное отношение к преступному посягательству может вскрыться в случае, если он, боясь быть пойманным за свое деяние, осуществляет все, чтобы скрыться от полиции. Таким образом, душевное состояние причинителя вреда выдает его отношение к преступному посягательству и подтверждает его знание о противоправности. Что касается объекта преступного посягательства, немецкий правовед отмечает, что лицу, совершающему преступное посягательство, должно быть известно о нарушении охраняемых законом интересов, на которые направлено его покушение и за что он впоследствии должен нести уголовную ответственность. В данном случае автор ведет речь о «заведомой осведомленности» лица, т.е. причинитель вреда осознает противоправность своих действий только в том случае, если он имеет знание и осведомлен о преступности деяния. В противном случае имеет место «ошибка в праве», под которой ученый понимает заблуждение лица относительно правовой нормы, за нарушение которой оно привлекается к уголовной ответственности.

По утверждению К. Роксина, несмотря на то что Верховный суд ФРГ постановил: «...у виновного не может быть сомнений, он должен быть уверен в правомерности своего поведения...», справедливо и обратное: сомневаясь, лицо не исключает ошибку в праве (законе). Объяснение этому следующее: лицо предполагает, что его поведение вероятнее всего законно, но, тем не менее, допускает факт незаконности своего деяния. К. Роксин, как и многие другие теоретики, придерживается правила «ifindoubt, donotact»¹.

Автор считает данный подход единственно правильным в случае, когда

¹ В правовой доктрине это правило означает: «если сомневаетесь, не делайте».

причинитель вреда имеет возможность развеять свои сомнения. Однако существуют такие ситуации, когда лицо, находясь в неразрешимом сомнении, может быть оправдано только тогда, когда имелась возможность выбора между двумя вариантами поведения. Примером может послужить ситуация, когда полицейский сомневается в своем праве стрелять в преступника для того, чтобы помешать тому пересечь границу. Если офицер полиции выстрелит, то может понести уголовную ответственность за нападение; если нет, ему может грозить ответственность за неисполнение служебных обязанностей. К. Роксин полагает, что в таких ситуациях необходимо учитывать такие факультативные признаки, как время и обстоятельства. Именно эти признаки имеют ключевое значение, так как помогают лицу рассчитать вероятность любого из вариантов и выбрать самый оптимальный. Несмотря на это, если причинитель вреда в конечном итоге сделал неправильный выбор, то он не может быть обвинен, поскольку не мог действовать иначе как с так называемым «условным» осознанием противоправности. Немецкий правовед убежден, что такого рода ситуация должна рассматриваться по аналогии с неизбежной ошибкой в запрете, закрепленной в § 17 УК ФРГ. К. Роксин справедливо замечает неравнозначность правовых последствий: «Почему лицо, которое сомневается, должно нести большую ответственность, чем лицо, у которого отсутствуют любые сомнения?»¹. Таким образом, автор утверждает, что к обоим виновным следует применять § 17 УК ФРГ, так как ситуации, связанные с неразрешимыми сомнениями, должны трактоваться как ошибка в запрете.

Продолжая свое исследование, К. Роксин выделяет 4 типа ошибки в праве:

- 1) *ошибка или незнание самой нормы права;*
- 2) *ошибка в существовании норм права;*

¹ Roxin C. Strafrecht Allgemeiner teil, Band I, Grundlagen, der Aufbau der Verbrechenslehre, 4th edn. C.H. Beck, Munchen, 2006. P.140–143.

3) *ошибка в интерпретации элемента, входящего в определение преступления;*

4) *ошибка в законности (достоверности) определенных правовых норм.*

Первый тип ошибки встречается не так часто, прежде всего в случаях так называемых «основных преступлений». К этой категории, как правило, относятся международные преступления. Второй тип прослеживается в случаях нарушений основного запрета. Третий тип, как подчеркивает автор, может быть выражен ошибкой в факте, ошибкой в праве или заблуждением по поводу наказуемости деяния. В случае если субъект преступного посягательства не знает социального значения нормативного элемента, то это – ошибка в факте, которая исключит необходимость намерения. Если субъект преступного посягательства в силу неверного толкования закона полагает, что его поведение является допустимым, то это ошибка в праве (в законе). Четвертый тип ошибки в законности (достоверности) определенной нормы встречается очень редко. Она имеет место, когда есть все основания для признания той или иной нормы недействительной¹.

Таким образом, можно заключить, что подходы к разрешению ситуаций, возникающих в связи с ошибкой в запрете, отличаются в доктрине немецкого уголовного права многообразием и отсутствием единого подхода. При этом теоретическая концепция К. Роксина выглядит предпочтительнее остальных, так как автор особое внимание уделил такому элементу, как сомнение лица относительно правомерности своих действий, что, безусловно, считается существенным дополнением теории уголовно-правовых ошибок.

Уголовный кодекс Франции 1992 г. закрепил сразу несколько новелл относительно основных принципов, регламентирующих уголовную ответственность лица. Одним из нововведений стало закрепление в ст. 122–3

¹ Roxin C. Strafrecht Allgemeiner teil, Band I, Grundlagen, der Aufbau der Verbrechenslehre, 4th edn. C.H. Beck, Munchen, 2006. P. 145.

положения относительно *ошибки в праве* (законе). Отныне ошибка в праве является обстоятельством, исключающим уголовную ответственность лица. В соответствии с уголовным законом Франции лицо не может подлежать уголовной ответственности, если имеет возможность предоставить доказательства того, что в связи с ошибкой в праве, которую оно не могло избежать, предполагало наличие у него законного основания совершить определенное действие¹. Анализ ст. 122–3 УК Франции показывает, что она не содержит разъяснений, касающихся «непреодолимости ошибки». По аналогии с рассмотренными ранее законодательствами других стран неизбежность характера ошибки должна означать, что лицо, совершившее преступное деяние, было уверено в правомерности своего поведения в связи с получением толкования уполномоченным органом. Это также отмечает и Ж. Прадель. В соответствии с его теоретической концепцией неизбежная ошибка возможна в двух случаях:

1) когда информация, предоставленная уполномоченным органом или лицом, является ложной;

2) когда отсутствует официальная публикация правового акта, призванного регулировать соответствующие отношения.

Неизбежность ошибки возможна при наличии двух условий:

1) уполномоченное лицо или орган предоставили ложную информацию;

2) лицо посчитало, что ему дали достоверную информацию и не имело никаких оснований подвергать это сомнению.

Отсутствие указанного положения в Уголовном кодексе – существенный просчет французского законодателя².

Интересной видится концепция Э. Кирша, который в своих трудах проводит аналогию между ошибкой в уголовном праве и *jus naturale* (естественным правом). По его мнению, естественное право – это высший

¹ Уголовный кодекс Франции / под ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой. СПб., 1994. С. 203; Уголовный кодекс Франции (по сост. на 06.12.2019 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutions.ru/?p=25017> (дата обращения: 12.09.2023).

² Pradel J Manuel de droit penal général. Cujas, Paris, 2012. P. 56-57.

закон, который известен не каждому. Устанавливаемое людьми «позитивное право» не должно идти вразрез с «естественным правом». Следовательно, «естественное право» – это высший закон совершенствования права, уставленного людьми, в реальной действительности. Как отмечает автор, именно этим законом руководствовались римские юристы, разрешая споры, когда лицо ссылалось на неведение закона. Это относится и к случаям, когда иностранные путешественники могли быть прощены за незнание мелких правил. Таким образом, игнорирование законодателем ошибки в уголовном праве – это игнорирование высшего закона¹.

Применительно к ошибке в факте стоит отметить, что во Франции она является средством защиты и может исключить вину за совершение умышленного преступления. Так, если субъект А. закрывает помещение, в котором находился субъект Б., то он не будет подлежать уголовной ответственности за незаконное лишение человека свободы, не связанное с его похищением, если будет установлен факт незнания субъектом А., что в помещении находился субъект Б.²

Тем не менее, бывают случаи, когда ошибка в факте выступает в качестве признака небрежности. Примером может послужить ситуация, приведенная ранее во время исследования уголовного законодательства Австралии: когда субъект А. производит выстрел в отдаленного субъекта Б., полагая, что стреляет в дерево, но при этом попадает в субъекта Б. Во Франции за такого рода деяние лицо будет подлежать уголовной ответственности.

В.И. Акимочкин, изучая французское уголовное право, выделяет еще один вид ошибки в факте – невозможное преступное деяние. Речь здесь идет о негодном покушении, т.е. об ошибке лица, заведомо не способной причинить вред охраняемым законом общественным отношениям. Заблуждение лица может касаться свойств предмета (кража из пустого

¹ Kirsch A. Mistake of law in French criminal law. *Amicus Curiae*. 2012. P. 25–28.

² Bermann A. Introduction to French Law *Kluwer Law International*, 2008. P. 103.

кармана), свойств личности потерпевшего (убийство мертвого человека) и др. Замечание автора достаточно существенно, так как УК Франции в ст. 121–4 закрепляет положение о том, что в любом случае покушение признается наказуемым, что подтверждает отсутствие различий между покушениями и невозможными преступными деяниями¹.

Нельзя обойти стороной и законодательства государств бывшего СССР. Несмотря на то, что в этих странах наблюдается схожесть взглядов в сфере законотворчества, тем не менее, положения об ошибках стали находить свое отражение в отдельных национальных уголовных законах.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК РБ) нормы, посвященные юридической ошибке, отсутствуют, однако в гл. 6 «Обстоятельства, исключающие преступность деяния», включающей в себя ст. 37 «Ошибка в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния», регламентирован отдельный случай фактической ошибки. В соответствии со ст. 37 УК РБ, если лицо заблуждалось, что находится в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, либо причиняет вред при задержании лица, совершившего преступление, но по обстоятельствам дела не должно было и не могло осознавать отсутствие таких обстоятельств, содеянное им оценивается по правилам, определенным ст. 34 (необходимая оборона), ст. 35 (причинение вреда при задержании), ст. 36 (крайняя необходимость), соответственно. Фактически данное положение регламентирует одну из форм невиновного причинения вреда. Белорусские правоведы в своих трудах отмечают, что закрепление лишь общей нормы об ошибке без ее детальной конкретизации недостаточно для разрешения проблем, связанных с фактическими ошибками. Тем не менее, она дает нормативную основу для квалификации подобных деяний и

¹ Акимочкин В.И. Ошибка субъекта преступления в уголовном праве зарубежных стран // Научные труды № 1. Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития. Саратов, 2013. С. 11.

способствует укреплению законности¹.

В новом Уголовном кодексе Республики Армения 2021 г. (далее – УК РА), содержится ст. 28 («Ошибка в фактических обстоятельствах деяния»), посвященная фактической ошибке. Она размещена в гл. 5 «Преступление и его признаки». Статья насчитывает 7 частей и является одной из самых обширных по сравнению с аналогичными нормами о фактических ошибках, закрепленных в национальных УК стран романо-германской системы права. Конструкция ст. 28 УК РА такова, что в каждой части содержатся правила квалификация деяния при наличии фактической ошибки (в ч. 1, 2 – «ошибка в отягчающих/смягчающих обстоятельствах», ч. 3, 4 – «ошибка в объекте преступления» и т.д.)². Деяния квалифицируются по направленности умысла причинителя вреда. Стоит отметить, что положения, касающиеся юридических ошибок, отражения в УК РА не нашли.

Рассмотрев учение об ошибках и подходы к их законодательной регламентации в уголовном праве стран, принадлежащих к романо-германской правовой системе, можно сформулировать следующие *выводы*:

1. Законодатели этих государств в большинстве своем стараются закрепить нормы *об ошибках в факте* и *об ошибках в праве* в национальных уголовных кодексах. Как правило они находят отражение в разделах, посвященных виновности субъекта преступного деяния или предусматривающих обстоятельства, исключающие преступность деяния. Тем не менее, независимо от места их расположения в национальных УК, данные положения напрямую коррелируют с виной, с осознанием лицом определенных фактов и обстоятельств содеянного.

2. Ключевую роль в становлении института уголовно-правовых ошибок в странах романо-германской системы права сыграли французские и

¹ Духовник Ю.Е. Развитие и отражение ошибки в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве Российской Федерации и Республики Беларусь // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8 (57). С. 110–115.

² Уголовный кодекс Республики Армения 2021 г. URL: http://parliament.am/law_docs_8/27052021HO199_rus.pdf (дата обращения: 14.10.2023).

немецкие правоведы. Еще в начале XIX в. в национальных уголовных законах Германии содержались положения, касающиеся ответственности лиц, заблуждающихся относительно совершенных ими деяний. Во Франции такие нормы появились только в конце XX столетия. До этого момента вопросы ответственности лиц, заблуждающихся в фактических обстоятельствах содеянного, оставались неразрешенными, однако допускалась возможность сослаться на неведение закона (юридическая ошибка). Она имела место в том случае, когда лицо совершило деяние не позднее 3 дней со дня официального опубликования правового запрета.

3. Юридические ошибки по общему правилу не освобождают лицо от уголовной ответственности. Вместе с тем в законах имеются определенные оговорки и исключения из правил. Зачастую они сводятся к: а) изменению формы вины (с умышленной на неосторожную); б) смягчению наказания причинителю вреда. Полное освобождение от наказания не допускается.

4. Фактические ошибки не могут выступать средством защиты от уголовного преследования в случае, если заблуждение вызвано небрежностью причинителя вреда. В данном случае законодатели континентальной системы права квалифицируют содеянное как халатность.

Проведенный анализ уголовных законов государств романо-германской и англосаксонской правовых систем в части регламентации ошибок позволяет отдать предпочтение странам – представителям континентальной семьи, поскольку именно их законодатели стараются предусмотреть нормы как о юридической, так и о фактической ошибке.

3 Феномен ошибки в современном отечественном уголовном праве и перспективы его законодательного отражения

3.1 Ошибки правоприменителя при реализации уголовно-правовой политики

Одной из важнейших и наиболее сложных форм реализации права, безусловно, является его применение. Представляя собой властную деятельность специальных компетентных государственных органов, оно направлено на реализацию нормативных предписаний, созданных законодателем. К сожалению, на сегодняшний день реализация правовых норм субъектами правоприменения нередко коррелирует с ошибками, которые, несомненно, снижают эффективность этого рода занятия и тем самым оказывают негативное влияние на реализацию уголовно-правовой политики государства.

Для формирования целостного представления о таком феномене, как «правоприменительная ошибка в уголовном праве», обратимся к правовой доктрине. Достаточно большое количество исследований проводилось по вопросам правоприменительных ошибок и их воздействия на выбор решения в юридико-практических условиях.

Согласно подходу, предложенному И.Я. Кливером, правоприменительные ошибки есть не что иное как деятельность субъекта, применяющего право, выраженная в неверном установлении и соответствии всех признаков состава преступления с признаками, описанными в нормах Особенной части уголовного закона¹.

По мнению Н.Н. Вопленко, ошибка правоприменителя представляет собой результат властной деятельности специальных субъектов, противоречащий нормам права (как материального, так и процессуального) и

¹ Кливер И.Я. Уголовно-правовые судебные ошибки, квалификации преступлений и их предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 8.

не достигающий цели правового регулирования¹.

К.Р. Мурсалимов утверждает, что правоприменительные ошибки есть не что иное, как отрицательный результат с высокой юридической значимостью, вытекающий из властно формирующей деятельности субъекта, применяющего право, и данный негативный результат служит серьезным препятствием в реализации интересов субъекта права, базирующихся на законных правах и свободах².

Вместе с тем, по мнению автора, правоприменительная ошибка возникает вследствие заблуждения без злого умысла, которое рассматривается компетентными структурами как ошибочное.

М.А. Латушкин выдвинул теорию, согласно которой ошибку необходимо рассматривать в контексте нарушения законности в механизме применения государством правового принуждения. Так, автор постулирует, что ошибка правоприменения – это негативный результат, противоречащий нормам материального и процессуального права, который не соответствует истинным критериям правового регулирования, возникает из деятельности государственно-властных субъектов, наделенных правами использования законных мер принуждения, и квалифицируется соответствующими структурами в определенном акте³.

В.В. Чугаев полагает, что более верно определять правоприменительную ошибку в качестве изданного акта применения права, который противоречит критериям применения норм права или постулатам правоприменения⁴.

Схожей позиции придерживается и Н.И. Уздимаева, определяя

¹ Вопленко Н.Н. Ошибки в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. 1981. № 4. С. 41.

² Мурсалимов К.Р. Правоприменительные ошибки. Проблемы теории: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 43–45.

³ Латушкин М.А. Обеспечение законности применения мер государственно-правового принуждения (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 111.

⁴ Чугаев В.В. Детерминанты правоприменительных ошибок сотрудников органов наркоконтроля. Красноярск, 2014. С. 134–135.

правоприменительную ошибку как издание специально уполномоченным органом акта применения права, не соответствующего основополагающим принципам права и содержанию применяемой нормы¹.

По мнению В.В. Колосовского, ошибка правоприменителя представляет собой негативный результат его действий, отраженный в правоприменительном акте, затрагивающий и нарушающий права, законные интересы лиц, общества и государства, заинтересованных в правильности применения норм, основанный на его заблуждении либо неведении, который выявлен субъектами применения норм права, обладающими соответствующими полномочиями на устранение ошибок².

В научных источниках можно найти и другие представления исследователей относительно правоприменительных ошибок. Каждое мнение по-своему актуально, и их концептуальный анализ может способствовать ликвидации соответствующих ошибок. Представленные точки зрения свидетельствуют о том, что данная проблема актуальна, а её решение играет немаловажную роль в практической деятельности.

На основе синтеза различных научных концепций соискателем предлагается определение правоприменительной ошибки в уголовном праве.

Правоприменительная ошибка в уголовном праве – это получающий отражение в соответствующем правоприменительном акте отрицательный результат профессиональной деятельности должностного лица специализированного юридического органа, являющийся следствием ненамеренного заблуждения либо несоблюдения соответствующих правил при толковании закона или оценке фактических обстоятельств дела, выражающийся в конечном счете в неправильном применении уголовного закона.

¹ Паркина А.В., Уздимаева Н.И. Правоприменительная ошибка: понятие и признаки. Саранск, 2015. С. 3.

² Колосовский В.В. Ошибка субъекта применения норм уголовного права // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 114.

Таким образом, можно выделить следующие признаки правоприменительных ошибок:

- 1) отрицательный результат, возникающий в процессе неверного толкования закона и анализа фактических обстоятельств дела при осуществлении правоприменительной деятельности;
- 2) выражается в неправильном применении уголовного закона;
- 3) возникает вследствие ненамеренного заблуждения (т.е. при отсутствии умысла) субъекта, применяющего право.

Исходя из основных направлений (средств) реализации уголовно-правовой политики, предлагается следующая классификация правоприменительных ошибок:

- 1) правоприменительные ошибки в квалификации деяний;
- 2) правоприменительные ошибки в сфере судебной пенализации преступлений;
- 3) правоприменительные ошибки при реализации законодательно осуществленной дифференциации уголовной ответственности.

1. Правоприменительные ошибки в квалификации деяний.

Правоприменительные ошибки в уголовном праве возникают главным образом в процессе квалификации того или иного деяния. Ошибочная квалификация влечет за собой неверный выбор уголовно-правовой нормы, тем самым оказывая негативное влияние как на общество в целом, так и на преступника в частности¹.

Правоприменительный процесс в сфере реализации уголовного права чаще всего сводится к применению соответствующих статей Особенной части УК РФ для выявления тех или иных признаков составов отдельных преступных посягательств. Иными словами, правоприменитель из всей совокупности фактов, составляющих общественно опасное деяние, выявляет

¹ См. также: Борков В.Н., Николаев К.Д. Пробелы уголовного закона не могут компенсироваться нарушением правил квалификации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 30.

и использует только те, которые имеют значение для точной уголовно-правовой оценки совершенного деяния. Однако ошибка в установлении тех или иных юридических фактов влечет за собой ошибку в квалификации содеянного¹. Ошибка в квалификации деяния – явление довольно частое, и ее общественную опасность сложно переоценить, поскольку надлежащая уголовно-правовая оценка того или иного поступка затрагивает как права и законные интересы самого субъекта преступления, так и законные интересы потерпевшего, общества и государства.

Уголовно-правовая доктрина не содержит четкого определения ошибки в квалификации, так же, как и не дает четкий ответ на вопрос относительно ее преднамеренности.

Например, В.Н. Карташов квалификационную ошибку определяет как погрешность в профессиональной юридической деятельности, носящую как преднамеренный, так и непреднамеренный характер².

И.М. Зайцев определяет ошибку как действия работников судебной системы, несоответствующие задачам и целям правосудия³.

Б.Г. Кондратюк усматривает для квалификационной ошибки в том числе и преднамеренный характер, определяя ее как умышленную либо неосторожную деятельность правоприменителя, спровоцированную его заблуждением, по оценке уголовно-противоправного деяния⁴.

Вместе с тем с позициями, включающими преднамеренность в состав

¹ Проблемам квалификации в целом и отдельных видов преступных посягательств, в частности, посвящено множество трудов отечественных ученых (см., напр.: Квалификация преступлений: учеб. пос. / Наумов А.В., Пикуров Н.И., Яни П.С., Капинус О.С., Ображиев К.В., Пархоменко С.В., под ред. О.С. Капинус. 2 изд. М., 2020; Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004; Сморгчов А.И., Симагина Н.А. Проблемы квалификации преступлений в судебной практике: учеб. пос. Владимир, 2020 и мн. др.), что направлено на преодоление ошибок в процессе правоприменительной деятельности при уголовно-правовой оценке содеянного.

² Карташов В.Н. Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики). Ярославль, 1992. С. 51.

³ Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. Саратов, 1985. С. 5–6.

⁴ Кондратюк Б.Г. Юридические и фактические ошибки // Уголовное право. Киев, 2019. № 2. С. 25–30.

ошибочной деятельности правоприменителя, согласиться не представляется возможным, поскольку заблуждение исключает характер преднамеренности.

Особого внимания заслуживает труд В.В. Колосовского, посвятившего проблеме квалификационных ошибок правоприменителя специальное исследование. Ученый выдвигает концепцию, в рамках которой ошибка рассматривается как неграмотная деятельность правоприменителя, вызванная заблуждением. Эта деятельность, по мнению автора, заключается в неясном и недостаточно полном установлении и правовом закреплении соответствия между признаками совершаемого деяния и признаками состава преступления¹.

Представляется необходимым прислушаться к мнению тех ученых-теоретиков, которые рассматривают правоприменительную ошибку в квалификации, исключая признак заведомости, так как он характерен для умышленной формы вины. Иными словами, если субъект, применяющий закон, заведомо для себя неверным образом квалифицирует деяние лица, совершившего общественно опасное посягательство, либо выбирает вид и размер наказания, заведомо не отвечающий требованиям закона и принципу справедливости, то такие действия должностного лица не будут считаться ошибкой в связи с их умышленным характером. Они должны расцениваться как общественно опасные деяния, направленные против государственной власти и посягающие на установленную законом деятельность суда и (или) органов, ее обеспечивающих. Стоит отметить, что не будет считаться ошибкой и деятельность должностного лица по квалификации деяния, основанная на его безразличном отношении².

Квалификационную ошибку в уголовном праве можно определить как заблуждение субъекта, уполномоченного осуществлять правоприменительную деятельность, относительно точной уголовно-

¹ Колосовский В.В. Ошибки в квалификации уголовно-правовых деяний: дис... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 35.

² Русских В.В. Правоприменительные ошибки сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1998. С. 56.

правовой оценки совершенного общественно опасного деяния и наступивших в результате этого последствий.

Заметим еще раз, что проведенное в первой главе диссертации теоретическое исследование дает четкое понимание того, что если речь идет об ошибочной деятельности субъекта преступления, то преднамеренность автоматически исключается. Если такое устоявшееся понимание ошибки применимо к субъекту преступного посягательства, то оно подходит и к субъекту, применяющему право. Еще римские философы при определении ошибки, постулировали, что «ошибка – это положительное заблуждение, так как основано на добросовестности носителя, а недобросовестное заблуждение, в свою очередь, попадает под категорию лжи»¹. Таким образом, ошибка – категория неумышленная и не может увязываться с умыслом какого-либо субъекта. Необходимо четко разграничивать два понятия: «правоприменительная ошибка» и «заведомая неверная квалификация деяния». Первое – это заблуждение субъекта, возникающее при отсутствии умысла (не имеет принципиального значения, чем оно вызвано), второе – это осознанное целенаправленное действие субъекта (т.е. умышленное).

В качестве субъектов квалификационной ошибки могут выступать не только судьи, но и сотрудники органов прокуратуры, следственного комитета, органов внутренних дел и др. Свое непосредственное проявление она получает в момент установления соответствия фактических признаков общественно опасного деяния и признаков состава конкретного преступного посягательства.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что квалификационные ошибки могут быть классифицированы как минимум по двум основаниям: по кругу субъектов правоприменения и по элементам состава уголовно-противоправного деяния.

По кругу субъектов правоприменения квалификационные ошибки

¹ Бойко А.И. Сознание противоправности, или что «должен» знать преступник // LEX RUSSICA. 2008. Том LXVII. С. 514.

подразделяются на: 1) квалификационные ошибки должностных лиц любых органов, осуществляющих предварительное расследование; 2) квалификационные ошибки сотрудников органов прокуратуры; 3) квалификационные ошибки судей, представляющих суды различных звеньев судебной системы.

По элементам состава общественно опасного деяния квалификационные ошибки подразделяются на следующие:

- 1) квалификационные ошибки, допущенные в процессе установления объекта и предмета преступного посягательства;
- 2) квалификационные ошибки, допущенные в процессе установления признаков объективной стороны преступного посягательства;
- 3) квалификационные ошибки, допущенные в процессе установления признаков субъективной стороны преступного посягательства;
- 4) квалификационные ошибки, допущенные в процессе установления признаков субъекта совершения преступного посягательства.

В уголовно-правовой доктрине разработаны и иные классификации ошибок, допущенных в процессе квалификации. Чаще всего встречается деление на логические ошибки в квалификации и фактические ошибки в квалификации. По мнению А.Н. Бабая, логические ошибки есть не что иное, как ошибки, допущенные в процессе умственной деятельности, которые имеют место в случаях, когда у правоприменителя искажается связь между мыслями. Речь здесь идет о подмене понятий. При квалификации совершенного деяния подмена понятия выражается в том, что лицо для оценки события использует вместо требуемого понятия какое-то схожее. Например, «акт» – документ и «акт» – действие. Фактические ошибки представляют собой ошибки в содержании правоприменительной деятельности. Данный тип ошибок возникает как результат искажения в мыслях отношений между предметами и явлениями окружающей действительности (несоблюдение формы правоприменительного акта).

По мнению автора, логические и фактические ошибки в квалификации

являются причинами юридических. Так, если правоприменитель в процессе уголовно-правовой оценки содеянного допустит «подмену понятий» или неверно составит правоприменительный акт, это приведет к юридической ошибке¹.

Данный подход интересен тем, что в его рамках предложена не просто классификация ошибок, а своеобразный переход от логической/фактической ошибки к юридической. Таким образом, можно констатировать, что, по мнению А.Н. Бабая, юридическая ошибка в квалификации – это конечный негативный результат деятельности субъекта, применяющего право, основанный на логических/фактических ошибках.

В то же время полагаем, что ошибки при оформлении акта не могут являться правоприменительными ошибками, поскольку при его составлении сотрудник не применяет правовые нормы, а исполняет предписанные ими правила и требования.

Иного подхода придерживается Н.Ф. Кузнецова, предлагая классифицировать квалификационные ошибки на 3 группы:

- 1) непризнание наличия признаков состава преступного посягательства в деяниях, где он наличествует;
- 2) признание наличия признаков состава преступного посягательства в деяниях, где он отсутствует;
- 3) неверный выбор уголовно-правовой нормы для квалификации содеянного².

Полагаем, что данный подход можно использовать в качестве базового при классификации квалификационных ошибок, поскольку он содержит в себе достаточно полный перечень случаев, в которых правоприменитель допускает подавляющее их количество.

Неоспоримым является тот факт, что правоприменительные ошибки в

¹ Бабай А.Н. Юридическая квалификация правового поведения личности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. С. 112–114, 176.

² Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М., 2007. С. 34.

квалификации общественно опасных деяний представляют собой серьезную угрозу как для правоприменительного процесса, так и для всего общества, поскольку именно правоприменитель уполномочен «решать судьбы» людей. Для их минимизации и превенции необходимо выявить причины квалификационных ошибок.

В уголовно-правовой доктрине причины квалификационных ошибок принято подразделять на *объективные* и *субъективные*.

К *объективным* теоретики относят:

- 1) высокую загруженность правоприменительной системы;
- 2) отсутствие стабильности законодательной системы;
- 3) ненадлежащую организацию работы органов, осуществляющих предварительное расследование.

Круг *субъективных* причин образуют:

- 1) отсутствие объективности в установлении фактических обстоятельств дела;
- 2) отступление от законов логики при оценке совершенного преступного посягательства;
- 3) поспешность в принятии решения относительно квалификации содеянного¹.

К одной из основных объективных причин квалификационных ошибок можно отнести дефекты нормотворческого процесса и законодательные ошибки, поскольку некачественное законодательство порождает специфическое отношение к нему не только со стороны рядовых граждан, но и со стороны профессионального сообщества – представителей науки, правоприменительных органов². Именно законодатель создает «благодатную почву» для дефектов деятельности правоприменителей, которые, в свою очередь, допуская ошибки, оказывают негативное воздействие на общество,

¹ Решетников А.Ю. Квалификационные ошибки: сущность, классификация и причины // Журнал российского права. 2016. № 10 (238). С. 90–91.

² Андрианов В.К., Дорогин Д.А., Корсун Д.С. Ошибки в квалификации преступлений: монография / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2020. С. 32, 299.

тем самым образуя звенья одной цепи.

В специальной литературе частично сформулированы и определены основные меры по преодолению и ликвидации правоприменительных ошибок в уголовно-правовой сфере. Представляется, что наиболее эффективными из них являются:

1) постоянный мониторинг качества правоприменительной деятельности;

2) осуществление мер, направленных на восстановление нарушенных прав и законных интересов лиц, пострадавших в результате совершения правоприменительных ошибок;

3) установление ответственности не только для индивидуального субъекта, применяющего право, но и для всего ведомства, которое этот субъект представляет.

Целесообразным также видится увеличение уровня правового сознания у правоприменительного субъекта, который служит основой, стабилизирующей весь правоприменительный процесс. Высокий уровень законности и правопорядка в стране является еще одним важным элементом этого механизма, способствуя уменьшению дефектов в принятии правовых решений.

2 Правоприменительные ошибки в сфере судебной пенализации преступлений.

Особого осмысления требуют правоприменительные ошибки при назначении наказания (их стоит именовать *ошибками в судебной (практической) пенализации деяний*). Не секрет, что пенализация и депенализация являются основополагающими формами (методами) реализации уголовно-правовой политики государства наравне с процессами криминализации и декриминализации. Если криминализация выступает в качестве процесса выявления общественно опасных форм поведенческого акта субъекта и объявления их преступными, то пенализация является количественной стороной криминализации, ее «мерилом». В уголовно-

правовой науке существует множество дефиниций понятия «пенализация», однако подавляющее большинство ученых-юристов сходятся во мнении, что пенализация есть процесс установления наказуемости деяния (законодательная пенализация) и определения наказания за фактическое совершение этого деяния (судебная (практическая) пенализация). В свою очередь процесс депенализации является «антиподом» пенализации и представляет собой процедуру по исключению наказуемости либо устранению более строгих видов наказаний и (или) введению более мягких¹.

Как показывает практика, наибольшее число ошибок, влекущих изменение или отмену приговора, допускается судами при назначении наказания виновному. Порядок вынесения приговора строго регламентирован государством и его значение для правового регулирования сложно переоценить, поскольку несоблюдение установленных правил приведет к вынесению несправедливого судебного решения с нарушением норм уголовного закона.

Так, например, в 2021 г. апелляционными инстанциями было рассмотрено около 110 тыс. жалоб по обвинительные приговоры судов I инстанции. Из них около 17 тыс. (что составляет 15,4% от общего количества поступивших жалоб) подверглись корректировкам – отмене и изменениям². Это свидетельствует о достаточно высоком количестве ошибок, допускаемых судами I инстанции при принятии решения. Минимизации объема брака в правоприменительной деятельности при назначении наказания способствует деятельность вышестоящих судов. Однако и она не свободна от ошибок.

Важно понимать, что вынесение обвинительного приговора, в котором вид и размер наказания не соответствуют требованиям закона, создаёт угрозу

¹ Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1982. С. 123–128.

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdcr.ru/?id=79> (дата обращения: 28.08.2023).

растраты потенциала и ресурсов всей судебной системы.

Анализ судебной практики позволяет выделить следующие категории ошибок, допускаемых при назначении наказания:

1) Ошибки при установлении отягчающих обстоятельств.

Так, по приговору Майского суда Кабардино-Балкарской Республики А. Был осуждён по п. «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ за кражу мобильного телефона с причинением значительного материального ущерба потерпевшему. При назначении наказания суд в качестве отягчающих обстоятельств указал, что А. не состоит в браке, имеет постоянное место жительства, где характеризуется отрицательно, и назначил ему наказание в виде 2 лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима¹.

При назначении наказания суд не учёл, что перечень обстоятельств, отягчающих наказание, закрепленный в ст. 63 УК РФ, является исчерпывающим. Соответственно, указанные в приговоре суда I инстанции обстоятельства не могут признаваться отягчающими. Судебная коллегия по уголовным делам изменила приговор: данные обстоятельства исключены из него, а срок наказания сокращен до 1 года и 8 месяцев лишения свободы.

В качестве ещё одного примера ошибки при установлении отягчающих обстоятельств может послужить приговор Мытищинского городского суда Московской области от 16 сентября 2019 г. Из описательно-мотивировочной части следует, что В. 2 апреля 2019 г. совершил поджог автомобиля, принадлежащего К. В. был признан виновным в умышленном уничтожении чужого имущества путем поджога (ч. 2 ст. 167 УК РФ) и приговорён к 4 годам лишения свободы². При вынесении приговора суд в описательно-

¹ Приговор Майского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 23.10.2020 по делу № 1-163/2020. URL: https://maysky-kbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=38411167&case_uid=3ce4ee85-8546-4c9a-a5eb-382fd1a1cf84&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 05.09.2023).

² Приговор Мытищинского городского суда Московской области от 16 сентября 2019 г. по делу № 1-418/2019. URL: <https://mitishy-->

мотивировочной части в качестве обстоятельств, отягчающих наказание, учёл мнение потерпевшего. Однако таковое, как и в предыдущей ситуации, не является отягчающим обстоятельством.

2) Ошибки при установлении смягчающих обстоятельств.

Нередко суды при вынесении приговора допускают ошибки при установлении смягчающих обстоятельств. Так, приговором Буденновского суда Ставропольского края от 08 августа 2019 г. установлено, что З. умышленно с применением предмета, используемого в качестве оружия, причинил тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека. З. признан виновным по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ и приговорён к 3 годам и 3 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима. При вынесении решения суд в качестве смягчающих обстоятельств учёл явку с повинной и частичное признание вины подсудимым, однако проигнорировал аморальное поведение потерпевшего (оскорбления и угрозы со стороны потерпевшего К. в адрес З.). При этом из описательно-мотивировочной части приговора следует, что судом было установлено аморальное поведение потерпевшего К., однако на назначение наказания данное обстоятельство никак не повлияло. Суд апелляционной инстанции также его проигнорировал. Только лишь кассационный суд общей юрисдикции своим определением изменил приговор, учёл моральное поведение потерпевшего и смягчил наказание осужденному З.¹

3) Ошибки при определении и учёте рецидива преступлений.

Приговором Пензенского районного суда Пензенской области Д. осуждён по ч. 1 ст. 118 УК РФ к штрафу в размере 60 тыс. руб. Поскольку Д. был ранее судим за совершение преступления, суд учёл наличие в его действиях рецидива преступлений в качестве отягчающего наказание

mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=159523967&d
elo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 05.09.2023).

¹ Приговор Буденновского суда Ставропольского края от 08 августа 2019 г. по делу
№ 1–223/2019. URL: [https://budenovsky--
stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=147484583&d
elo_id=1540006&new=&text_number=1](https://budenovsky--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=147484583&d
elo_id=1540006&new=&text_number=1) (дата обращения: 05.09.2023).

обстоятельства (ч. 2. Ст. 68 УК РФ)¹. Однако в соответствии со ст. 18 УК РФ рецидивом признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Поскольку, при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 118 УК РФ, вина может выражаться только в форме неосторожности, рецидив в данном случае отсутствует. Таким образом, ошибочное признание в действиях осуждённого рецидива преступлений повлекло неправильный вывод суда о наличии обстоятельств, отягчающих наказание, что существенным образом сказалось на его размере.

Приговором Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону от 20 декабря 2021 г. А. осуждён по п. «б» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ к 7 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Суд I инстанции при назначении наказания в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, учёл наличие в его действиях рецидива². Судом было установлено, но не принято во внимание, что за ранее совершенное преступление А. был осуждён условно. Частью 4 ст. 18 УК РФ установлен перечень судимостей, которые не учитываются при определении рецидива преступлений. В соответствии с п. «в» данной нормы при признании рецидива не учитываются судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным, и условное осуждение не отменялось.

4) Ошибки при назначении максимально возможного наказания.

Назначение максимально возможного наказания при наличии смягчающих и отсутствии отягчающих наказание обстоятельств

¹ Приговор Пензенского районного суда Пензенской области от 25 мая 2018 г. по делу № 1–55/2018. URL: https://penzensky-pnz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=116178283&case_uid=ef2f897b-7bf5-4134-820e-77fb1861d9&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 05.09.2023).

² Приговор Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону от 20 декабря 2021 г. по делу № 1–641/2021. URL: https://zheleznodorozhny-ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=12073261&case_uid=ea42210d-5a58-4e47-9ea7-c5de6a34e0f1&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 06.09.2023).

недопустимо, поскольку нарушает принцип справедливости.

Так, по приговору Дербентского городского суда Республики Дагестан от 02.02.2017 г. К. осужден по ч. 1 ст. 159 УК РФ и приговорен к 2 годам лишения свободы. Максимальный размер наказания в виде лишения свободы, согласно указанной норме, до 2 лет лишения свободы. Обстоятельств, отягчающих наказание, судом не установлено. В описательно-мотивировочной части приговора указано на наличие у К. на иждивении двух малолетних детей¹. В соответствии с п. «г» ч. 1. Ст. 61 УК РФ наличие малолетних детей у виновного признается смягчающим обстоятельством. Таким образом, судом нарушены требования уголовного закона.

Как показало исследование, нередко суды ошибаются при отмене и изменении приговора в сторону его ухудшения; при назначении наказания в виде ограничения свободы; при назначении дополнительного наказания; при сложении наказаний при совокупности преступлений и приговоров и др.

Подсчет и описание всех возможных ошибок при назначении наказания не является задачей работы. В рамках исследования мы стремились показать, что такие ошибки правоприменителя не редкость и с каждым годом их количество растет, что в свою очередь негативно сказывается на всем процессе правоприменения.

3 Правоприменительные ошибки при реализации законодательно осуществленной дифференциации уголовной ответственности.

Перед тем как перейти к анализу правоприменительных ошибок в указанной сфере, необходимо рассмотреть сущность понятия «дифференциация уголовной ответственности». Как известно, она представляет собой одно из центральных направлений уголовно-правовой

¹ Приговор Дербентского городского суда Республики Дагестан от 02 февраля 2017 г. по делу № 1-43/2017. URL: https://derbent-gs--dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=113320719&case_uid=7d30eeb2-3335-4cb5-9ece-28e846421a14&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 06.09.2023).

политики государства, и под ней понимается градация (разделение) ответственности в уголовном законе, в результате которой устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от степени общественной опасности преступления¹. В доктрине имеются различные концепции относительно понимания дифференциации. Однако самым распространенным является подход, предлагающий разделить нормы, посредством которых происходит дифференциация уголовной ответственности, на две группы:

1) нормы, регламентирующие освобождение лица от уголовной ответственности и от наказания;

2) нормы дифференцирующие наказания в пределах санкции (вид и размер наказания в пределах статьи Особенной части Уголовного кодекса)².

Опираясь на это мнение, предлагаем под *ошибками в сфере реализации законодательно осуществленной дифференциации уголовной ответственности* понимать заблуждение правоприменителя при решении вопросов освобождения от уголовной ответственности и от наказания, а также в установлении вида и размера наказания в пределах санкции соответствующей статьи.

В рамках норм, *регламентирующих освобождение лица от уголовной ответственности/наказания*, можно выделить следующие виды ошибок:

а) Ошибки при освобождении от уголовной ответственности и от наказания:

В данный блок входят ошибки, допускаемые правоприменителем в процессе освобождения виновного от уголовной ответственности и от наказания на основании положений, предусмотренных гл. 11 и 12 УК РФ.

Так П., отбывающий наказание, обратился в суд с ходатайством об освобождении от отбывания наказания на основании ч. 2 ст. 81 УК РФ в

¹ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 38.

² См.: там же. С. 42–43.

связи с тяжелой болезнью. В качестве подтверждения болезни П. предоставил справку из поликлиники. Суд ходатайство удовлетворил. Однако, согласно Правилам медицинского освидетельствования осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью, утвержденным постановлением Правительства РФ № 54 от 6 февраля 2004 г., медицинское освидетельствование осужденных осуществляется медицинскими комиссиями лечебно-профилактических учреждений уголовно-исполнительной системы. По результатам освидетельствования комиссия выносит медицинское заключение по утвержденной форме о наличии или отсутствии у осужденного заболевания, включенного в перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания¹.

Таким образом, для принятия положительного решения по ходатайству об освобождении от отбывания наказания суд должен располагать соответствующим заключением. Вопреки этому требованию, приговором мирового судьи П. был освобожден от назначенного ему наказания по болезни на основании справки из поликлиники².

Еще одним примером ошибки, входящей в названный блок, является приговор Центрального районного суда г. Тольятти. Из материалов дела установлено, что В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 328 УК РФ, за уклонение от прохождения военной службы. Суд назначил ему наказание в виде штрафа в доход государства в размере 50 тыс. руб. Председательствующим было установлено, но не было учтено обстоятельство, что во время уклонения от прохождения военной службы у В. развилось хроническое заболевание, которое входит перечень болезней, препятствующих прохождению военной службы по призыву.

¹ Постановление Правительства РФ от 06 февраля 2004 г. № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» // ИПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/12134310/> (дата обращения: 21.09.2023).

² Обобщения и обзоры судебной практики, проведенные в 2015 году. URL: http://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=9938 (дата обращения: 21.09.2023).

Таким образом, осужденный В. должен был быть освобожден на основании ст. 80¹ УК РФ, так как совершенное им деяние (в связи с невозможностью призыва по состоянию здоровья) перестало носить характер общественно опасного¹.

Нередко суды допускают ошибки в применении института отсрочки отбывания наказания.

Приговором Шимановского районного суда К. была осуждена за незаконный сбыт наркотических средств, совершенный группой лиц по предварительному сговору, в значительном размере, и приговорена к 6 годам лишения свободы. К. просила отсрочить отбывание ей наказания на основании ст. 82 УК РФ до достижения ее сыном 14-летнего возраста, ссылаясь на то, что она является единственным родителем 6-летнего ребенка, находится с ним в тесном эмоциональном контакте, условия жизни на свободе признаны удовлетворительными. Суд отказал в отсрочке, сославшись на то, что у ребенка имеется бабушка (мать осужденной), которая займется его воспитанием².

Из материалов дела следует, что К. осуждена за преступление, которое не относится к исключениям, предусмотренным в ст. 82 УК РФ (перечень исчерпывающий). Наличие другого родственника, который может воспитывать ребенка, не является препятствием для применения названного вида отсрочки. Таким образом, суд вынес необоснованное решение.

Б) Ошибки при освобождении от уголовной ответственности и от наказания несовершеннолетних (гл. 14 УК РФ).

Выделение данной разновидности ошибки в отдельную категорию

¹ Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 17 октября 2018 по делу № 1-461/2018. URL: https://centralny-sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=137821508&_uid=&_deloId=1550006&_caseType=0&_new=1&srv_num=1 (дата обращения: 23.09.2023).

² Приговор Шимановского районного суда Амурской области от 07 ноября 2014 г. по делу № 1-198/2014. URL: https://shimanovskiy-amr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=9509316f-c2f7-4659-98d4-2e0d721e6e19&_deloId=1540006&_caseType=0&_new=0&srv_num=1&_hideJudge=0 (дата обращения: 23.09.2023).

представляется целесообразным, поскольку для несовершеннолетних устанавливаются более гуманные условия освобождения (снижены сроки для УДО, сокращены сроки погашения судимости, сроки давности и т.д.).

К примеру, приговором Еравнинского районного суда Республики Бурятия А. и Н. были освобождены от уголовной ответственности за совершенное преступление, предусмотренное п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в связи с тем, что оба не достигли шестнадцатилетнего возраста (А. – 15 лет и 7 месяцев, Н. – 15 лет и 9 месяцев). При вынесении решения суд допустил грубую ошибку, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ уголовная ответственность по ст. 158 УК РФ наступает с 14 лет¹.

2) В сфере применения норм, дифференцирующих наказание в пределах санкции, выделяются ошибки при выборе вида и размера наказания.

Примером ошибки в установлении вида наказания является приговор Ленинского суда г. Красноярск. Б. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ и приговорен к лишению свободы сроком на 1 год и 5 месяцев. Назначая наказание Б., суд сослался на то, что тот не имеет постоянного места жительства на территории РФ, сдерживающими социальными факторами не обременен. Однако данные обстоятельства не могут являться определяющим при решении вопроса о назначении наказания в виде лишения свободы². В соответствии п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в случае, если в санкции статьи наряду с лишением свободы предусмотрены другие виды наказаний, решение суда о назначении

¹ Приговор Еравнинского районного суда Республики Бурятия от 12 мая 2020 г. по делу № 1–79/2020. URL: https://eravninsky-bur.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=192867526&case_uid=ebb55515-b853-47d2-8698-7ca43d36616e&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 24.09.2023).

² Приговор Ленинского суда г. Красноярск от 07 октября 2019 г. по делу № 1–352/2019. URL: http://lenins-krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=350763105&case_uid=8d67fcd1-5663-4a7d-be05-ed2a6b3cb882&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 06.09.2023).

наказания в виде лишения свободы должно быть мотивировано в приговоре¹. Суд не мотивировал в приговоре необходимость назначения наказания осужденному в виде лишения свободы и невозможность назначения менее строгого вида наказания, в связи с чем «порочность» данного решения не вызывает сомнений.

При анализе данного вида ошибки необходимо учитывать, что в УК РФ предусмотрено около 1200 составов преступлений, а для реагирования на это множество разнохарактерных деяний имеется всего 13 видов наказаний. Из них чаще всего назначаются только 2 вида (штраф и лишение свободы на определенный срок). Что делать, как обеспечить справедливость ответственности в таких стесненных условиях? Законодатель избрал единственно возможный выход – построение альтернативных и относительно-определенных санкций. В результате для формирования приговоров по самому распространенному на сегодняшний день преступлению – неквалифицированной краже (ч. 1 ст. 158 УК РФ) – судам предложено 7 видов наказаний с солидным диапазоном пределов каждого из них. В случае назначения наказания в виде лишения свободы на определенный срок суд обладает правом определить период лишения свободы в пределах минимального и максимального сроков, предусмотренных санкциями статьи. Как показывает судебная практика, размер сроков существенно варьируется при схожести характеристик преступления и степени общественной опасности. В качестве примера может выступить ч. 1 ст. 208 УК РФ, которая предусматривает наказание за создание вооруженного формирования, руководство им или его финансирование в виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет. Смущает существенный разрыв между нижним и верхним пределом установленного

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 2 (ред. от 18.12.2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/?ysclid=lpk217hvno158553578 (дата обращения: 06.09.2023).

наказания, который составляет 10 лет.

Н.А. Лопашенко отмечает, что разрыв между нижним и верхним пределом назначаемого наказания в виде лишения свободы должен составлять 3 – 4 года¹. С этим мнением автора сложно не согласиться, так как широкие рамки между нижним и верхним пределом предусмотренного наказания существенно усложняют работу судебной системы, приводят к рассогласованности назначаемых наказаний за схожие по характеру общественной опасности преступные посягательства. Анализ уголовного закона позволяет утверждать, что в деятельности законодателя по установлению нижних и верхних границ санкций отсутствует четкая закономерность, что, безусловно, сказывается на деятельности правоприменителя. Можно ли многочисленные варианты избрания судом первой инстанции одного из нескольких основных видов наказаний, да еще и с тем или иным конкретным размером, с чем не соглашается проверочная инстанция, ставить в вину судьям? Вопрос, казалось бы, риторический, но ответ на него в большинстве случаев должен быть отрицательным. В силу указанных ранее стесненных условий и потому, что столь вариативное наказание определяется «первичным» судом по итогам «личного» и непосредственного восприятия всех материалов дела, а суждение о якобы допущенной при этом «ошибке» принимает вышестоящий суд «по бумагам», на основании неких среднестатистических расчетов ответственности, характерных для того или иного региона либо всей страны.

На основании всего ранее изложенного полагаем, что *неточности* правоприменителя *в квалификации, назначении наказания и при освобождении от уголовной ответственности/наказания* нужно именовать *ошибками*² и ставить их в вину соответствующим должностным лицам, а *неточности при установлении вида и размера наказания – погрешностями*,

¹ Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 251.

² С данной трактовкой согласились 88 из 123 опрошенных респондентов (72%) (см.: Приложение).

извинительные варианты которых не должны влечь за собой негативных правовых последствий для субъектов, применяющих право¹.

Правоприменительные ошибки, оказывая негативное влияние на общественные отношения, несут в себе и риск серьезного финансового ущерба. Отсюда возникают два вопроса: «Какова цена правоприменительной ошибки?» и «Должен ли правоприменитель нести ответственность за свое «заблуждение», которое привело к неблагоприятным последствиям и нанесло вред гражданам, обществу и государству?».

Как известно, любой ущерб, нанесенный деятельностью правоохранительных органов, органов прокуратуры и суда, возмещается средствами из государственного бюджета независимо от вины правоприменителя в соответствии со ст. 133 УПК РФ и 1070 ГК РФ.

По опубликованным данным Верховного Суда РФ, в 2021 г. было реабилитировано свыше 3000 граждан. За этот календарный период из государственного бюджета на компенсации таким ушло более 1 млрд. руб. (приблизительно 500 млн. – на выплаты в качестве возмещения имущественного вреда и свыше 600 млн. – на компенсации морального вреда). В 2020 г. число реабилитируемых составило чуть более 2900 человек, и сумма компенсаций, выплаченных из государственной казны, также 1 млрд. руб. На основании статистики Верховного Суда РФ государственная казна ежегодно «теряет», как минимум, 1 млрд. руб. только по причине ненадлежащих действий правоприменителя².

Таким образом, негативные последствия ошибки субъекта правоприменения должно нейтрализовать государство за счет средств налогоплательщиков.

Возникает вопрос о целесообразности данного подхода. Бытует

¹ Такую трактовку поддержали 117 из 123 опрошенных респондентов (95%) (см.: Приложение).

² Данные опубликованы на официальном сайте Верховного Суда РФ. URL: <http://vsrf.ru/search.php?searchf=%F0%E5%E0%E1%E8%EB%E8%F2%E0%F6%E8%FF+201> (дата обращения: 03.06.2022).

мнение, что ответственность для правоприменителей в виде денежной компенсации может повлечь за собой нарушение принципа независимости и нанести существенный удар авторитету должностных лиц. В итоге это приведет к тому, что субъекты, применяющие право, не смогут быть сосредоточены на соблюдении закона, а будут думать лишь о возможном размере штрафа за собственную ошибку. Поскольку правоприменители осуществляют свои функции и действуют от имени государства, оно обязано нести ответственность за деятельность своих уполномоченных структур и должностных лиц. Таким образом, субъектом ответственности выступает не конкретное должностное лицо, а государство в целом¹.

Представляется, что эта позиция несостоятельна. Например, в некоторых штатах США (Юта, Иллинойс и др.) и Канаде существует правило, по которому государство не несет финансовую ответственность за действия своих должностных лиц. Имущественная ответственность возлагается на соответствующее структурное подразделение (полицейский участок, следственное управление и др.)².

В России, если расходы и покрываются, то исключительно из казны, что попросту формирует у правоприменителя чувство безнаказанности за свою ошибочную деятельность. Сторонниками противоположной концепции выступают С.Б. Цветов³, О.А. Кожевников⁴, А.Э. Колиева⁵. Согласно их воззрениям, государство не является субъектом отдельных правоотношений, а лишь делегирует часть своих полномочий отдельным органам власти и

¹ Пономарев К.Н. Нарушение законности в правоприменительной деятельности: к вопросу об ответственности должностных лиц (правоприменителей) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 5. С. 89–90.

² Noel O. Financial responsibility. *International Journal of Management*. Volume: 8. Issue: 4. 2005. P. 296-298.

³ Цветов С.Б. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами МСУ, а также их должностными лицами: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 42.

⁴ Кожевников О.А. Юридическая ответственность в системе права: дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 72.

⁵ Колиева А.Э. Становление и развитие института ответственности государства за вред, причиненный правоохранительными органами // Проблемы экономики и юридической практики. 2010. С. 72.

должностным лицам на местах. Ошибочные и противоправные деяния совершаются не государством *in concreto*, а конкретными учреждениями и специальными субъектами. Именно между госслужащим и гражданином возникают правоотношения, в результате которых были нарушены те или иные права человека, охраняемые законом. Поэтому ответственность за причиненный вред и нарушенное право должно нести ведомство либо лицо, состоящее на государственной службе, чьими действиями было вызвано наступление неблагоприятных последствий.

Несмотря на то, что государство предоставляет определенные правовые гарантии охраны прав и законных интересов граждан, случаи незаконного уголовного преследования избежать все-таки не представляется возможным. Правоприменительные ошибки представляют собой не только результат злоупотреблений со стороны правоохранительной системы, но и являются следствием отсутствия профессионализма. Однако в любом случае незаконное привлечение лица к уголовной ответственности причиняет существенный физический и моральный вред не только самому незаконно осужденному, но и членам его семьи. Возникает вопрос, как компенсировать незаконно осужденному потерянные из-за несправедливо вынесенного приговора годы жизни в колонии? Законодатели большинства стран мира пошли по пути «заглаживания» вреда путем выплат имущественных компенсаций и компенсаций морального вреда. В Российской Федерации институт реабилитации граждан от незаконного уголовного преследования является одним из слабо изученных и нуждается в детальной регламентации¹.

В рамках настоящего исследования весьма существенным является вопрос о размерах компенсаций вреда лицам, в отношении которых осуществлялось незаконное уголовное преследование. Для большинства европейских и вообще западных стран выплата компенсаций «жертвам

¹ Сабитов Р.А., Сабитова Е.Ю. Уголовно-правовое значение заглаживания вреда, причиненного преступлением // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. С. 54–55.

правоприменительных ошибок» является обычной практикой. Традиционно несправедливо осужденные граждане после реабилитации могут рассчитывать на солидную денежную компенсацию (например, в штате Калифорния невинно пострадавшему от государства лицу полагается 100 долл. За каждый день, проведенный в заключении). Гражданин США Лоуренс Маккиней, отбывший в местах лишения свободы 31 год за преступление, которое он не совершал, получил 1 млн. долл. В качестве компенсации; его «коллега по несчастью» Энтони Грейвс со сроком в 18 лет лишения свободы – 1,5 млн. долл. В 2007 г. правительство США по решению суда выплатило 102 млн. долл. По делу четырех граждан, которые провели в тюрьме свыше 30 лет¹.

В Российской Федерации незаконное уголовное преследование также не редкость; тем не менее, суммы компенсаций во много раз ниже по сравнению с выплатами, полагающимися в зарубежных странах. Вместе с тем количество соответствующих исков растёт.

В качестве примера можно привести дело Е.А. Веденина, жителя г. Альметьевска. В 2001 г. он был приговорен к 15 годам лишения свободы за убийство, которого не совершал. Выйдя на свободу в 2005 г., Е.А. Веденин обратился в суд, который определил компенсацию морального вреда в 3 млн. руб. Данный случай беспрецедентен, так как большинству незаконно осужденных граждан не удается взыскать даже четверти этой суммы².

Жертвы правоприменительных ошибок могут рассчитывать на компенсацию лишь при обращении в суд, но сделать это может только реабилитированное лицо. Однако, если материальный ущерб возможно высчитать на основании адвокатского ордера либо справок о невыплате части заработной платы, то компенсация морального вреда назначается

¹ Российская газета: Федеральный выпуск № 4615. URL: <https://rg.ru/2008/03/19/oshibkiorganopravoporyadka.html> (дата обращения: 20.03.2017).

² См.: Архив Альметьевского городского суда. URL: https://almetevsky-tat.sudrf.ru/modules.php?name_vedeninea=sud_delo&srv_num=1&name (дата обращения: 15.05.2022).

исключительно на основании внутреннего убеждения судьи, соответственно, может существенно варьироваться.

Предлагается пилотная формула расчета компенсаций жертвам правоприменительных ошибок, адаптированная к случаям необоснованного осуждения виновных к лишению свободы: $D = N * k * Y * S - Z$, где:

D – сумма денежной компенсации, которая полагается лицу в связи с незаконным осуждением;

N – количество месяцев, проведенных в местах лишения свободы;

k – коэффициент приобретенного заболевания. Здоровью сужденного может быть нанесен существенный вред. Полагаем, что при отсутствии заболеваний данный коэффициент должен быть равен 1. В случае если незаконно осужденный приобрел болезнь, требующую стационарного лечения, данный коэффициент будет равен 1,5. При хронических и тяжелых прогрессирующих заболеваниях (например, туберкулез, почечная недостаточность, сахарный диабет и т.д.) данный коэффициент может варьироваться от 2 до 3;

Y – условия содержания осужденного (в зависимости от вида исправительного учреждения: колония-поселение – $Y=0,5$; колония общего режима – $Y=1$; колония строгого режима – $Y=1,5$; колония особого режима – $Y=2$);

S – среднемесячная заработная плата рабочего или служащего в субъектах РФ в соответствующей отрасли;

Z – заработная плата незаконно осужденного лица в местах лишения свободы¹.

Приведем абстрактный пример. Гражданин А., осуществлявший врачебную деятельность, был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ и приговорен судом к лишению свободы на срок 7 лет в колонии общего режима. Спустя 3

¹ Данную модель пилотной формулы расчета компенсации жертвам правоприменительных ошибок поддержали 105 из 123 опрошенных респондента (86%). См.: Приложение.

года он был реабилитирован в связи с непричастностью к совершенному преступлению. За время, проведенное в колонии, он приобрел заболевание – туберкулез легких II стадии. Отсюда, $D = 36$ (количество месяцев, проведенных в колонии)*2 (предполагаем, что туберкулез легких II стадии соответствует $k=2$)*1 (колония общего режима – $Y=1$)*35.000 (по Ростовской области среднемесячная заработная плата в сфере здравоохранения составляет 35 тыс. руб.) – 40.000 (предполагаем, что гражданин А. заработал в местах лишения свободы такую сумму). Таким образом, денежная компенсация гражданину А. будет составлять 2.480.000 руб.

Безусловно, предложенная «пилотная» формула не решит все проблемы, возникающие при расчете компенсации жертвам правоприменительных ошибок (в частности, для граждан, которые не были осуждены, но незаконно провели некоторое время в СИЗО; осужденных, которым назначено наказание в виде штрафа, и др.). Перед ней стоит задача решения вопроса компенсации за незаконно отбытое одно из самых строгих и распространенных видов наказания (лишение свободы на определенный срок).

Г.Г. Ханцева справедливо отмечает, что уголовно-исполнительная система в РФ не обеспечивает реализации цели исправления осужденного, а осуществляет исключительно карательную функцию¹. Большинство граждан, оказавшись в колониях по ошибке, возвращаются оттуда с непоправимыми деформациями личности физического и (или) психического характера. Отсутствие ответственности правоприменителя, совершившего ошибку, может послужить фактором для ее повторения. В целях стимулирования надлежащей деятельности правоприменителя видится необходимым установление ответственности не только для субъекта, применяющего право, но и для всего ведомства, которое этот субъект представляет.

Но тогда возникает следующий естественный вопрос: из каких средств

¹ Ханцева Г.Г. Анализ проблемы исправления в уголовно-исполнительной системе в России // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 4 (16). С. 102.

ведомство будет погашать вред, причиненный действиями своих сотрудников? Ответ можно найти, обратившись к бюджетному законодательству. Финансирование бюджетных и автономных учреждений в соответствии со ст. 78¹, 79 БК РФ осуществляется в трех формах, а именно:

1. Субсидии на возмещение нормативных затрат, связанных с оказанием государственных (муниципальных) услуг (выполнением работ).
2. Субсидии на иные цели (целевая субсидия).
3. Бюджетные инвестиции.

Понятие *субсидий на иные цели* отсутствует в Бюджетном кодексе РФ. За счет них финансируются расходы учреждения, которые не включаются в затраты на выполнения государственного задания. *Целевая субсидия* предоставляется учреждению на следующие цели:

1. Повышение квалификации сотрудников.
2. Компенсация ущерба, причиненного стихийным бедствием.
3. Премии для сотрудников.
4. Оплата санаторно-курортных путевок и др.

Руководитель соответствующего подразделения обязан осуществлять мониторинг деятельности поднадзорных ему субъектов и способствовать качественному процессу правоприменения. На наш взгляд, в случаях если надлежащий контроль не осуществлялся и субъектами правоприменения были допущены ошибки, повлекшие за собой нарушение прав и законных интересов граждан и общества, то расходы на праввосстановительные мероприятия должны возлагаться на соответствующую государственную структуру.

Учитывая всю сложность правоприменительного процесса, вызванную в том числе «пороками» законотворчества, и исходя из действующих правовых реалий, предлагаем следующую методику: *впервые совершенные* субъектом правоприменения ошибки извинительного типа не могут влечь за собой мер санкционного характера, *вторичные* заслуживают дисциплинарной ответственности; за *систематические ошибки*

дополнительно должна следовать финансовая ответственность соответствующего ведомства. Под ней предлагается понимать материальную и моральную компенсацию пострадавшим лицам за счет средств специализированного юридического учреждения (лишение премий для сотрудников данного ведомства, лишение санаторно-курортных путевок и т.д.)¹.

Полагаем, эти меры позволят существенным образом улучшить качество правоприменительной деятельности и станут одной из гарантий реализации основополагающих принципов уголовного права.

Безусловно, законодательная и правоприменительная деятельности, как достойная, так и недолжная, имеют тесную взаимосвязь. Создавая некачественную правовую основу, законодатель тем самым ставит правоприменителя в неблагоприятное положение. Доказательством большой вероятности и тяжких последствий ошибок в области квалификации и назначения наказания вследствие пробелов и прочих недостатков законодательного текста могут служить материалы обсуждения накопившихся проблем правоприменения на уровне различных экспертных советов.

Автором данного исследования осуществлена оценка состоявшихся судебных решений и надзорной практики по материалам научно-консультативного совета прокуратуры Ростовской области за 2018–2022 гг.

Так, довольно большие проблемы практики испытывают при возбуждении и судебном рассмотрении уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст. 222 УК РФ). Согласно диспозиции этой статьи уголовная ответственность наступает за незаконное приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. При этом

¹ Данную методику поддержали 85 из 123 опрошенных респондентов (69%) (см.: Приложение).

законодательно не определено количество, вес запрещенных предметов, при наличии которых действия лица образуют уголовно-наказуемое деяние.

Отсутствуют соответствующие разъяснения и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», в соответствии с которым как оконченное преступление по ст. 222 УК РФ надлежит квалифицировать незаконные приобретения, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение одной либо нескольких частей огнестрельного оружия¹. Как следствие, приговором Таганрогского городского суда от 25 августа 2014 гражданин З. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, и приговорен к лишению свободы сроком на один год условно с испытательным сроком в один год.

В судебном заседании установлено, что З. обеспечивает себя и свою семью сбором металлолома и сдачей его в соответствующие пункты приема. В январе 2013 г. З. нашел в мусорном контейнере патроны и решил сдать их вместе с другими вещами в пункт приема металлолома с целью получения денежных средств. Однако был задержан сотрудниками милиции и доставлен в дежурную часть, где у него были изъяты 6 патронов калибра 5,6 мм. Ранее З. к уголовной ответственности не привлекался, вину в совершении преступления признал полностью, раскаялся в содеянном, активно способствовал раскрытию и расследованию преступления, по месту жительства характеризовался удовлетворительно, жалоб со стороны соседей на него не поступало, в психоневрологическом и наркологическом диспансерах на учете не состоит, имеет на иждивении престарелых

¹ См.: О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 (ред. от 11.06.2019)// СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35853/?ysclid=llii34kpcm646361677 (дата обращения: 19.05.2023).

родителей, страдал хроническими заболеваниями¹.

Несмотря на эти смягчающие обстоятельства, которые суд в итоге учёл, обвинитель просил суд назначить З. наказание в виде лишения свободы сроком на 6 лет за незаконное хранение боеприпасов. Можно предположить, что помощник прокурора приравнял один год лишения свободы к одному найденному подсудимым патрону, что, на наш взгляд, является весьма спорным мнением.

Как показывает практика, правоприменители сталкиваются из-за некачественного законодательства и с проблемами привлечения к уголовной ответственности за уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы. В ходе рассмотрения материалов надзорного производства по делу в отношении Т. было установлено, что приговором Волгодонского районного суда от 11 июля 2018 г. гражданин Т., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 328 УК РФ, оправдан в связи с отсутствием в деянии состава преступления на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ. За ним признано право на реабилитацию.

В судебном заседании установлено, что Т. виновным себя не признал и показал, что умысла на уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы у него не было. В военкомат являлся по всем вызовам, не скрывался, не уклонялся. Он не убыл к месту прохождения службы, так как обжаловал решение призывной комиссии, поскольку жилье для него по месту прохождения службы отсутствовало. После вступления в законную силу решения суда нового предписания и билетов ему не выдали. Суд признал причину Т. уважительной, поскольку согласно ответу из ГАУ СО «ЭДИП» кандидатура гражданина Т. отсутствует в плановом задании по приему граждан, направляемых для прохождения альтернативной гражданской службы в апреле-июле 2017 г., в связи с чем его размещение в общежитии не запланировано. Более того, срок явки к месту прохождения

¹ Приговор в отношении З., осужденного по ч. 1 ст. 222 УК РФ // Архив Таганрогского городского суда Ростовской области за 2014 г. Дело № 1-510-14.

службы истек, и гражданину Т. военным комиссариатом новая дата убытия не определена, новое предписание и проездные билеты не выданы. Представители прокуратуры г. Волгодонска в свою очередь ссылались на то, что Т. обязан был получить новое предписание самостоятельно.

Однако действующим законодательством не предусмотрен порядок выдачи нового предписания в случае истечения срока прибытия гражданина к месту службы ввиду обжалования решения комиссии. Логика законодателя объясняется тем, что при соблюдении предусмотренного порядка срок прибытия «не должен и не может» истечь. При таких обстоятельствах являются необоснованными как доводы государственного обвинителя об обязанности гражданина получить новое предписание, так и суда об обязанности вручения повторного предписания военным комиссариатом.

С момента вступления решения суда в законную силу и до возбуждения уголовного дела Т. не убыл к месту прохождения гражданской службы в связи с тем, что военным комиссариатом ему не выдавалось предписание о направлении на альтернативную гражданскую службу в осенний призыв, а срок прибытия по предыдущему предписанию, как и действие проездного билета, истекли¹.

Таким образом, причиной реабилитирующего решения явились преждевременное возбуждение уголовного дела и его необоснованное направление в суд.

Подобная ситуация произошла в этом же суде, где постановлением Волгодонского районного суда от 12 октября 2020 г. уголовное дело в отношении С. По ч. 2 ст. 328 УК РФ прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения ввиду отсутствия в деянии подсудимого состава преступления. За гражданином С. Признано право на реабилитацию.

В судебном заседании установлено, что гражданин С. Виновным себя

¹ Заключение о результатах проверки законности и обоснованности реабилитирующего решения суда от 27.07.2019 г. Ростов-на-Дону.

не признал и показал, что желает проходить альтернативную гражданскую службу, от нее не уклонялся, пропустил срок убытия к месту службы, указанный в предписании, по состоянию здоровья и в связи с обжалованием решения о направлении его на службу в г. Челябинск (в ГБУЗ «Челябинская областная клиническая больница»). После этого не знал, каким образом должен действовать, в военкомат являлся по всем вызовам, не скрывался. Согласно представленным медицинским документам, С. Действительно проходил лечение в медицинском учреждении. В силу установленных законом норм гражданин С. После истечения даты, указанной в предписании как даты убытия, самостоятельно ее определить был не вправе, поскольку указанная дата определяется военным комиссариатом в соответствии с решением призывной комиссии и согласно плану специально уполномоченного федерального органа исполнительной власти, а затем указывается в предписании. Предписания с новой датой убытия гражданину С. Не выдавалось. По объективным причинам проходить альтернативную службу С. Не мог, так как обязан предъявить предписание (содержащее сведения об убытии и прибытии) в организацию по месту прохождения службы. Срок предписания, выданного С. Первоначально, истек, поэтому он не мог быть принят организацией ГБУЗ «Челябинская областная клиническая больница» для прохождения службы¹.

Анализ данных судебных решений показал, что уголовные дела о таких преступлениях представляют определенную сложность, связанную с необходимостью регламентации порядка выдачи повторного предписания.

Недоразумения в деятельности правоприменителей возникают и при применении норм УК РФ, являющихся смежными с положениями других отраслей права (к примеру, ст. 327 УК РФ и ст. 19.23 КоАП РФ). Согласно ст. 327 УК РФ устанавливается ответственность за подделку удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или

¹ Заключение о результатах проверки законности и обоснованности реабилитирующего решения суда от 02.11.2021. Ростов-на-Дону.

освобождающего от обязанностей, в целях его использования либо сбыт такого документа, а равно изготовление в тех же целях или сбыт поддельных государственных наград РФ, РСФСР, СССР, штампов, печатей, бланков. В ст. 19.23 КоАП РФ закреплена административная ответственность за подделку документа, удостоверяющего личность, подтверждающего наличие у лица права или освобождение его от обязанности, а равно подделку штампа, печати, бланка, их использование, передачу либо сбыт. Тексты диспозиций указанных статей, как очевидно, не позволяют четко разграничивать уголовную и административную ответственность, однако в санкции ст. 19.23 КоАП РФ указано, что совершенное деяние влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от 30 тыс. до 40 тыс. руб. с конфискацией орудий совершения административного правонарушения.

Можно сделать вывод, что основное различие этих смежных деяний заключается в субъекте противоправного деяния. Если в ст. 19.23 КоАП РФ субъектом выступает юридическое лицо, то в ст. 327 УК РФ – физическое.

Как ни странно, но правоприменитель нередко совершает ошибки при выборе одной из этих коллизионных норм.

Примером может послужить постановление мирового судьи Мытищинского района Московской области по делу № 5-162/2014 об административном правонарушении Б., признанного виновным в совершении деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ («Уклонение от исполнения административного наказания»), выразившегося в неуплате административного штрафа, наложенного на него постановлением за нарушение, предусмотренное ст. 19.23 КоАП РФ, в связи с чем ему было ранее назначено наказание в виде штрафа в размере 5 тыс. руб.¹

В этом случае действия физического лица первоначально были неверно

¹ Постановление в отношении Б., признанного виновным в совершении административного правонарушения по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ // Архив Судебного участка № 126 Мытищинского района Московской области за 2014 г. Дело № 5–162/2014.

квалифицированы по ст. 19.23 КоАП РФ, так как субъектом правонарушения выступает именно юридическое лицо. Действия Б. следовало квалифицировать по ст. 327 УК РФ, где субъект – физическое лицо. Этот случай не единичный. Так, постановлением мирового судьи Пресненского района г. Москвы по делу № 05–0268/2018 об административном правонарушении Б., признанной виновной в совершении деяния, предусмотренного ст. 19.23 КоАП РФ, мировым судьей было назначено наказание в виде штрафа размером 7 тыс. руб.¹

Нередко встречаются «вынужденные» ошибки правоприменителя и при квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Так, приговором Кызылского городского суда Республики Тыва гражданин З. был осужден по ч. 2 ст. 228 УК РФ за незаконное приобретение и хранение без цели сбыта наркотических средств в крупном размере и приговорен к 3 годам лишения свободы. Судом первой инстанции установлено, что 28 июня 2016 г. З., находясь на территории г. Кызыл, незаконно собрал части произрастающей конопли в целях личного потребления. Полимерный пакет с данным веществом он положил в рюкзак. Увидев сотрудников полиции, З. бросил рюкзак на землю. Впоследствии было установлено, что в рюкзаке находилось 232,40 гр. Марихуаны².

Суд кассационной инстанции, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного З., изменил приговор и исключил из него осуждение за незаконное хранение без цели сбыта наркотического средства в крупном размере, поскольку из описания преступного деяния усматривается, что З., увидев сотрудников полиции, сразу же выбросил наркотическое средство. В связи с тем, что фактически З. не осуществлял хранение

¹ Постановление в отношении Б., признанной виновной в совершении административного правонарушения по ст. 19.23 КоАП РФ // Архив Судебного участка № 375 Пресненского района г. Москвы за 2018 г. Дело № 05–0268/2018.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.03.2018 г. № 92-УД17-11 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 9. С. 42–44.

наркотических средств, суд назначил условное наказание.

Безусловно, представленный перечень примеров не носит исчерпывающий характер, однако их достаточно, чтобы показать прямую зависимость правоприменительной деятельности от качества уголовного законодательства. Уголовно-правовые нормы являются результатом работы законодателя. Поэтому, чем выше качество создаваемых законов, тем эффективнее деятельность правоприменителей¹.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие *выводы*:

1. *Правоприменительная ошибка в уголовном праве* – это получающий отражение в соответствующем правоприменительном акте отрицательный результат профессиональной деятельности должностного лица специализированного юридического органа, являющийся следствием ненамеренного заблуждения либо несоблюдения соответствующих правил при толковании закона или оценке фактических обстоятельств дела, выражающийся в конечном счете в неправильном применении уголовного закона.

2. Исходя из основных направлений (средств) реализации уголовно-правовой политики, ошибки можно классифицировать на:

- а) правоприменительные ошибки в квалификации деяний;*
- б) правоприменительные ошибки в сфере судебной (практической) пенализации преступлений;*

¹ См. подр.: Борков В.Н. О недопустимости исправления «ошибок» законодателя в процессе квалификации преступлений // Законодательство и практика. 2016. № 2(37). С. 40–42; Mikhail M. Onishchuk. The Legal Technology Mistake and Mistake in Qualifying: Cause and Effect / Mikhail M. Onishchuk, Elena A. Pashchenko, Irina V. Thibeault// MCSER Publishing, Rome-Italy. –Mediterranean Journal of Social Sciences. SCOPUS. Vol.6, No.6, November 2015. Supplement 3. Rome, Italy. 2015 (SCOPUS). P. 290–294; Яни П.С. Неопределённость уголовного закона порождает неразрешимые проблемы правоприменения // Законность. 2020. № 6 (1028). С. 32–37; его же. Определенность уголовного закона как условие эффективности уголовно-правового противодействия преступности // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: материалы XII Российского конгресса уголовного права. М., 2020. С. 326–331.

в) *правоприменительные ошибки при реализации законодательно осуществленной дифференциации уголовной ответственности.*

3. Квалификационные ошибки могут быть классифицированы как минимум по двум основаниям: по кругу субъектов правоприменения и по элементам состава преступления.

4. В числе правоприменительных ошибок в сфере судебной (практической) пенализации преступлений можно выделить следующие их виды: *ошибки при отягчающих/смягчающих обстоятельствах; ошибки при учете рецидива; ошибки при назначении максимально возможного наказания; ошибки при отмене и изменении приговора в сторону его ухудшения; ошибки при назначении наказания в виде ограничения свободы; ошибки при назначении дополнительного наказания; ошибки при сложении наказаний при совокупности преступлений и совокупности приговоров; ошибки при назначении наказания несовершеннолетним.*

5. Правоприменительные ошибки при реализации законодательно осуществленной дифференциации уголовной ответственности – это заблуждения правоприменителя *при решении вопросов освобождения от уголовной ответственности и от наказания, а также в установлении вида и размера наказания в пределах санкции соответствующей статьи.* К ним относятся: ошибки при освобождении от уголовной ответственности и от наказания; ошибки при освобождении от уголовной ответственности и от наказания несовершеннолетних; ошибки при выборе вида и размера наказания.

6. *Неточности* правоприменителя в квалификации, назначении наказания и в освобождении от уголовной ответственности/наказания нужно именовать **ошибками** и ставить их в вину соответствующим должностным лицам, а *неточности при установлении вида и размера наказания – погрешностями*, извинительные варианты которых не должны влечь за собой негативных правовых последствий для субъектов, применяющих право.

7. Вопрос о размерах компенсаций вреда лицам, в отношении которых осуществлялось незаконное уголовное преследование, является одним из самых сложных и существенных. В связи с этим предлагается формула расчета компенсаций жертвам правоприменительных ошибок, приравненная к случаям необоснованного осуждения виновных к лишению свободы: $D = N * k * Y * S - Z$.

8. В качестве наиболее эффективной меры по преодолению ошибок в сфере применения уголовного права является *установление ответственности не только для индивидуального субъекта, применяющего право, но и для всего ведомства, которое этот субъект представляет.*

9. В целях улучшения качества правоприменительных деятельности и процесса, а также исходя из действующих правовых реалий, предлагается методика реагирования на соответствующие ошибки: впервые совершенные субъектом правоприменения ошибки извинительного типа не могут влечь за собой мер санкционного характера, вторичные заслуживают дисциплинарной ответственности, за «систематические ошибки» дополнительно должна следовать финансовая ответственность соответствующего учреждения.

3.2 Субъективные ошибки

На протяжении многих лет в Российской Федерации остро стоит вопрос, касающийся проблемы виновного вменения, особенно в области практического применения закона. основополагающий постулат, нашедший отражение в ст. 5 УК РФ, предполагает, что лицо подлежит уголовной ответственности лишь за те деяния и наступившие последствия, в отношении которых установлена его вина. В то же время ч. 2 указанной статьи прямо запрещает привлечение лица к уголовной ответственности, если его вина не установлена. Данное положение именуется «запретом объективного вменения», то есть недопустимостью привлечения к уголовной ответственности за невиновное причинение вреда, и по сути является

антиподом субъективного вменения.

Вина субъекта преступного посягательства, выступая в качестве обязательного признака состава преступления, должна иметь исключительно индивидуально-волевой характер, так как она отражает отношение конкретного лица к совершенному им посягательству. Именно на этом этапе и возникает серьезная проблема, поскольку субъект не во всех случаях имеет верное представление о таких атрибутах своего поступка, как его противоправность, размер наказания, возможность освобождения от уголовной ответственности и др. Возникает вопрос о социально-правовых знаниях и имеющих уголовно-правовое значение ошибках субъекта преступления, судьбу которого государство стремится определить максимально тактично.

Как упоминалось ранее, традиционно в доктрине уголовного права ошибки посягателей принято классифицировать на юридические и фактические. Рассмотрим их более подробно.

Юридическая ошибка (error juris) или ошибка в праве (законе) представляет собой заблуждение преступника относительно правовой сущности своего деяния. При наличии ошибки в праве в сознании лица складывается искаженное представление о (не) правомерности своих действий, а также их возможных правовых последствиях. Такого рода ситуации в определенном смысле относятся к разделу юридической литературы, именуемой «Проблемы толкования законов»¹.

Стоит отметить, что в российской уголовно-правовой доктрине отсутствует единый подход к пониманию юридической ошибки. По мнению А.И. Рарога, она представляет собой неверную оценку юридической сущности или юридических последствий совершаемого деяния².

М.Б. Фаткуллина определяет юридическую ошибку как неверное

¹ Рубанцова Т.А. Теоретические проблемы толкования права // Наукосфера. 2021. № 3–1. С. 153.

² Рарог А.И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. М., 2014. С. 119.

знание, полученное лицом под действием заблуждения относительно юридических обстоятельств содеянного¹.

Понятия, предложенные А.И. Рарогом и М.Б. Фаткуллиной, имеют сходство в части указания на неверную оценку лицом юридических последствий содеянного. Представляется, что определение, предлагаемое А.И. Рарогом, является более полным, поскольку охватывает не только последствия, но и оценку юридической сущности деяния.

В.Н. Карташов в свою очередь полагает, что юридическая ошибка представляет собой непреднамеренное деяние, нарушающее нормы материального и процессуального права². Позволим себе не согласиться с мнением автора, поскольку данное понятие не отражает сущности именно юридической ошибки и носит достаточно неопределенный характер.

Уголовно-правовая наука располагает большим количеством различных классификаций юридических ошибок, однако традиционно выделяют три их разновидности. При этом следует особо отметить, что любой закон подлежит официальному опубликованию, иначе он будет признан ничтожным. Отсюда в науке справедливо отмечается, что ошибка в праве, прежде всего, выражается в заблуждении лица относительно преступности (непреступности) своего поведения³.

Итак, традиционно выделяются:

1) Юридическая ошибка относительно преступности деяния. Данный вид юридической ошибки в науке уголовного права иногда именуется «мнимым преступлением». Речь идет о ситуации, когда преступление в действительности не совершалось, оно существует только лишь в сознании субъекта, совершившего не имеющий отношения к уголовному праву поступок, который не может причинить вред общественным отношениям,

¹ Фаткуллина М.Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве (проблемы квалификации): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 69.

² Карташов В.Н. Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики). Ярославль, 1992. С. 47.

³ Мамченко Д.М. Юридические ошибки. Понятие, виды, значение // Образование. Юридические науки. 2020. № 3–2. С. 73.

охраняемым уголовным законом. В силу положений ст. 8 УК РФ за совершение таких деяний лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности.

Например, субъект полагает, что, не оплатив в ресторане свой заказ, он понесет уголовную ответственность, однако уголовный закон такого деяния не предусматривает. Совершенное деяние в действительности образует не преступление, а гражданско-правовой деликт. Аналогичная ситуация складывается, когда А. считает, что, оскорбив Б., он понесет уголовную ответственность. Однако УК РФ такого состава преступления не предусматривает. В данном случае субъект А. будет привлечен к административной ответственности по ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление»¹.

2) *Юридическая ошибка относительно непроступного характера деяния.* Это ситуация, когда субъект не предполагает либо ошибочно считает, что его деяние считается непроступным, тогда как в действительности оно в соответствии с уголовным законом признается преступлением².

Примером может выступать ситуация, когда субъект, торгуя на территории РФ марихуаной, которая не является запрещенной в некоторых странах, ссылается на неведение закона и полагает, что его деяние не обладает общественной опасностью. Такое лицо не подлежит уголовной ответственности, если оно не могло знать о существовании правового запрета, особенно когда торговцем марихуаной является иностранный гражданин страны, в которой продажа такого рода наркотических средств не является преступлением.

3) *Ошибка в юридических последствиях совершенного преступления.* В данной ситуации лицо заблуждается в квалификации совершенного деяния, виде и размере наказания. Осознание упомянутых обстоятельств не входит в

¹ Онищук М.М., Козлова Н.Н. Юридические ошибки в уголовном праве: понятие и виды // Наука и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. 2022. № 11. С. 286.

² Гацайниева А.К. Юридическая ошибка: виды и влияние на уголовную ответственность // Образование и право. 2020. № 8. С. 369.

содержание умысла, их ошибочная оценка не влияет на форму вины и не исключает уголовную ответственность¹.

Примером может служить ситуация, когда субъект А. совершает хищение на глазах у хозяина вещи либо на глазах других лиц, осознающих, что в данный момент совершается преступное посягательство. В представлении же А. он действует тайно, то есть совершает кражу, предусмотренную ст. 158 УК РФ. В таких случаях виновное лицо привлекается к уголовной ответственности за то преступное посягательство, которое фактически совершено (ст. 161 УК РФ). Что касается заблуждений о виде и размере наказания, то здесь позиция в уголовном праве едина: эти ошибки не оказывают влияния на ответственность, поскольку находятся за пределами субъективной стороны преступления². Они лишены юридического значения, поскольку если причинитель вреда осведомлен о запрещенности совершенного им преступного посягательства, осознает общественную опасность содеянного, но, тем не менее, его совершает, то он подлежит уголовной ответственности на общих основаниях. Осведомленности преступника о правовом последствии совершенного им посягательства достаточно для привлечения его к уголовной ответственности.

Важно подчеркнуть, что законодательство РФ исходит из того, что с момента вступления уголовного закона в силу его запрещенность должна быть известна всем и каждому. Речь идет о презумпции знания закона, которая, в том числе, лежит и в основе деятельности правоприменителя при решении вопроса привлечения виновного к уголовной ответственности за совершенное им деяние. В связи с этим юридические ошибки не являются извинительными. По нашему мнению, данный подход не совсем справедлив.

Суд, назначая наказание причинителю вреда в соответствии с действующим законодательством, не задается вопросом о том, мог ли

¹ Рарог А.И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. С. 120.

² Курс уголовного права. Общая часть. Том I / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. С. 399–400.

преступник знает, что нарушает закон. Согласно легальному определению преступления, оно представляет собой неразрывный союз социального содержания (общественной опасности) и юридической формы (противоправности). Противоправность устанавливается государством, а общественную опасность создает преступник. В этом свете выглядят сомнительными канонизированные в уголовной юриспруденции положения, согласно которым понимание противоправности авторами поступка ничтожно, но несет-то он уголовную ответственность за «полные» или «двухкомпонентные» преступления (общественная опасность, которую он «обязан» осознавать, и противоправность, знание которой по закону ничтожно).

Конечно, ограничение знаний преступника только фактом социальной вредности своего поведения имеет основания. Однако при большой массе уголовно-правовых норм, постоянном внесении изменений в Уголовный кодекс, многообразии судебной практики, касающейся толкования уголовного закона, общество не может знать и половины имеющихся законов. Многие нормы достаточно сложны для понимания гражданами, особенно если они написаны таким образом, что их можно трактовать двояко. При этом речь не идет исключительно об уголовном праве, так как рядовому обывателю надлежит знать нормы и других отраслей – гражданского, административного и др., поскольку в современной многообразной правовой действительности за свое незнание он вынужден «расплачиваться» не только материальными ценностями, но и свободой.

Цивилизация тысячелетиями исповедует принцип *ignorantia legis non excusat*, зеркальным отражением которого является презумпция знания закона. Эта установка явно не соответствует действительности и противоречит общепринятой идее субъективного вменения, а потому требует обоснования, ибо только с неизбежностью даже Боги не спорят (Питтак). И таковое практическое обоснование имеется.

Заключается оно в том, что принятие противоположного принципа

«незнание закона освобождает от ответственности» лишит результата карательную деятельность, и ни один обвинительный приговор суда не состоится. И понятно почему: если включить сознание противоправности в содержание субъективной стороны составов преступлений, то правоприменителям придется доказывать юридическую грамотность посягателей, что практически невозможно. Можно доказать незнание отдельными лицами каких-либо фактов или теоретических представлений, но доказать понимание ими уголовно-правовых запретов при условии, что это знание есть обязательное условие наступления уголовной ответственности, невозможно. Перед ее перспективой любой причинитель уголовно-наказуемого вреда, являющийся абсолютным монополистом сведений, зачем, для чего, с учетом каких обстоятельств им принималось решение о посягательстве и осуществлялось последнее, будет искажать эту информацию в корыстных целях.

На этой основе в научной литературе все чаще высказываются сомнения в правильности принципа *ignorantia legis non excusat*. Так, И.И. Карпец для определенных случаев ставил вопрос о нецелесообразности привлечения лица к ответственности ввиду его правовой неосведомленности либо предлагал рассматривать содеянное как совершенное при смягчающих обстоятельствах¹.

Поддерживающий его Н.Г. Иванов утверждает, что постулат «*ignorantia legis non excusat*» на современном этапе развития общества нуждается в определенной модификации².

А.А. Тилле полагал, что данный принцип нуждается в уточнении, поскольку возможны случаи, когда причинитель вреда по объективным причинам не знал и не мог знать о существовании правового запрета³.

Считаем возможным согласиться с указанными позициями, поскольку

¹ Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 75–77.

² Иванов Н.Г. Уголовный кодекс России – прелюдия к оптимуму // Весь мир живет до тех пор, пока живет память человека. М., 2006. С. 41.

³ Тилле А.А. Презумпция знания законов // Правоведение. 1969. № 3. С. 38.

в исключительных случаях, когда причинитель вреда не знал о преступном характере своего деяния, не имел возможности приобрести эти знания, а общественная опасность содеянного им не была очевидной, такое заблуждение должно оказывать влияние на уголовную ответственность. Под «исключительными обстоятельствами» стоит, в частности, понимать совершение преступного посягательства при отсутствии знаний о его противоправности иностранным гражданином, находящимся на территории РФ, законодательство которого отличается от страны его проживания (политический режим, религия, обычаи и т.д.); лицом без гражданства, не проживающим постоянно на территории РФ; совершение преступного посягательства лицом, отстающим в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством.

Полагаем, что *сознание противоправности* необходимо признавать частью вины и критерием ошибки только *специальных субъектов*, так как разум рядового обывателя не может охватить всего объема уголовно-правовых предписаний. Идеальным решением было бы очертить очевидный круг общественных отношений, преступность посягательств на которые субъекту должны быть известны (традиционные уголовно-правовые запреты в отношении общеуголовных преступлений, порицание которых на религиозном и нравственном фундаменте насчитывает тысячи лет («не убий», «не укради»), знания о которых формируются у обывателей в процессе получения жизненного опыта, образования и т.д.).

Правовая осведомленность либо противоположная некомпетентность причинителя вреда является опровержимой презумпцией, а не аксиомой (как принято считать), но не для *специального субъекта*.

Общеизвестно, что специальный субъект большей частью относится к управленческому корпусу, деятельность которого в последние годы вызывает множество нареканий. Для нейтрализации части ошибок и провалов чиновников отечественные ученые уже предпринимали попытки ввести в понятие неосторожной формы вины ее третий вид – *преступное невежество*,

однако их старания не увенчались успехом. Преступное невежество имеет место, когда субъект берется за выполнение работы, осуществить которую не может в связи с тем, что у него отсутствуют специальные знания, навыки, психофизические свойства, должная подготовка и т.д. При преступном невежестве виновный не сознает, но имеет возможность сознавать общественную опасность своего деяния.

При осуществлении определенной профессиональной деятельности субъект должен обладать соответствующей квалификацией, выполнять должностные обязанности, знать границы предоставленных ему полномочий и не выходить за их рамки. В связи с этим за нарушения правил на общественно опасных предприятиях (производствах) субъектам с особой профподготовкой и особым режимом допуска к работе; должностным лицам, чья осведомленность в понимании юридических запретов обусловлена родом их деятельности и ежедневным руководством подчиненными с напоминаниями о четком соблюдении правовых предписаний и технических регламентов, ссылаться на незнание закона недопустимо.

Конечно, на данном этапе развития уголовного законодательства отказаться от устоявшегося на протяжении столетий принципа «незнание закона не извиняет» не представляется возможным. Но очевидно, что институт юридической ошибки нуждается в правовой регламентации и отражении в отечественном уголовном законе. Поэтому считаем допустимым предоставить право ссылаться на незнание закона лицам, обладающими особыми психическими и социальными свойствами (например, иностранный гражданин, в государстве которого совершенное деяние не является уголовно-наказуемым; лицо, совершившее преступление, обнаруживающее отставание в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством), и рекомендуем законодателю гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» дополнить ст. 42¹ «Юридическая ошибка» и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 42¹. Юридическая ошибка

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, которое не могло знать о существовании уголовно-правового запрета в силу обладания особыми психическими и (или) социальными свойствами.

2. Лицо, обладающее специальными знаниями, обязанное в силу осуществляемой им деятельности или занимаемой должности знать и выполнять соответствующие правила, не может ссылаться на незнание уголовно-правового запрета»¹.

В отличие от юридической ошибки, *фактическая ошибка (error facti)* – это не соответствующее действительности представление причинителя вреда о фактических обстоятельствах своего поведения. Она формируется в результате неведения относительно фактического характера и фактического последствия совершенного общественно опасного деяния. Ошибка в факте занимает особое место в механизме уголовно-правового регулирования². Как показало проведенное исследование, законодатели зарубежных стран стремятся закрепить в своих национальных уголовных законах нормы и правила квалификации деяния в случае именно фактической ошибки, тем самым признавая ее влияние на квалификацию содеянного, а следовательно, и на пределы уголовной ответственности причинителя вреда. Она может выступать в качестве:

1) обстоятельства, исключающего общественную опасность содеянного;

2) обстоятельства, влияющего на квалификацию содеянного и оценку его в качестве покушения на преступление;

¹ Данную модель правовой нормы поддержали 93 из 123 опрошенных респондентов (74%), ответив «полностью поддерживаю такую модель» (см.: Приложение).

² Онищук М.М., Пила К.И. Превышение пределов необходимой обороны. Мнимая оборона как фактическая ошибка // Актуальные проблемы юридической науки: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. 2023. № 11. С. 157.

3) средства защиты от уголовного преследования и др.

Отсутствие специальных норм, посвященных фактическим ошибкам, довольно часто порождает противоречивые подходы в правоприменительной практике. Анализ судебных приговоров показывает, что суды нередко выносят диаметрально противоположные решения, казалось бы, в идентичных случаях. Поэтому формирование субинститута фактической ошибки в рамках института вины с последующим его законодательным закреплением видится одной из приоритетных задач.

В теории уголовного права *error facti* принято классифицировать следующим образом:

– *Ошибка в объекте*, представляющая собой заблуждение субъекта, совершающего преступление, относительно направленности его действий: лицо полагает, что причиняет вред одним общественным отношениям, а фактически «страдают» совершенно другие. Примером такой ошибки служит ситуация, когда некий А., намереваясь применить физическое насилие в отношении сотрудника правоохранительных органов Б. (то есть лица, обладающего дополнительными признаками), с целью воспрепятствовать его деятельности в темное время суток, не определив точно жертву, осуществил нападение на другого человека (С.), причинив последнему вред здоровью средней тяжести. С. К правоохранительной системе никакого отношения не имел, родственником А. не являлся. Приговором Апшеронского районного суда А. осужден по ч. 1 ст. 112 УК РФ и приговорен к лишению свободы сроком на 1 год¹. Фактически совершенное общественно опасное деяние содержит в себе признаки преступления против личности, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ, и решение суда, с одной стороны, не вызывает сомнений. С другой стороны, умысел А. был направлен на другой объект, а именно на

¹ Приговор Апшеронского районного суда Краснодарского края от 17 февраля 2016 г. по делу № 1–7/2016. URL: https://apsheronsk--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8287463&case_uid=1bb19b37-52d5-400d-b16d-9efc2f9b1fc1&delo_id=2638760&new=/ (дата обращения: 14.02.2021).

здоровье и телесную неприкосновенность представителя власти. Стоит согласиться с мнением В.А. Якушина, который в своих трудах акцентирует внимание на том, что, если объекты охраняются разными нормами Особенной части УК РФ, то содеянное нельзя квалифицировать как оконченное покушение, так как на объекты, которые охватывались умыслом причинителя вреда, не было осуществлено никакого воздействия. Вменение же причинителю фактически наступившего результат без учета психического отношения недопустимо¹. В уголовно-правовой доктрине указанное правило применяется на все ситуации фактической ошибки (за исключением некоторых случаев). Руководствуясь данным правилом, содеянное необходимо квалифицировать по направленности умысла как покушение на применение насилия в отношении представителя власти, т.е. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 318 УК РФ.

– *Ошибка в личности потерпевшего*, возникающая в ситуации, когда субъект преступного посягательства, желая причинить вред определенному лицу, по ошибке, основанной на заблуждении, причиняет вред другому человеку. В этом случае, совершенное общественно опасное деяние надлежит квалифицировать как оконченное преступление, несмотря на заблуждение причинителя вреда. Так, приговором Шумихинского районного суда Курганской области В. осужден за убийство Н. Судом установлено, что между гражданином В. и гражданином К., находящимися в состоянии алкогольного опьянения, произошла обоюдная ссора, в ходе которой К. оскорбил В., после чего, не имея желания продолжать спор, последовал к своему дому. Уязвленный произошедшим В. решил лишить К. жизни. Для реализации своего умысла он бегом отправился за К., рассчитывая на то, что он быстрее доберется до подъезда, где проживает К. Добравшись до подъезда и войдя в него, В. постучал в дверь квартиры К., но ему никто не открыл. В. предположил, что К. еще не вернулся домой и решил дождаться его на лестничной площадке между этажами. Через некоторое время житель

¹ Якушин В.А. Указ. соч. С. 30.

данного дома Н. возвращался домой по лестнице. Увидев из своего укрытия поднимающегося по ступенькам мужчину со спины, по комплекции похожего на К., В. осуществил нападение на Н., нанеся тому несколько ножевых ранений в брюшную полость. От полученных ран Н. скончался¹. В данном случае содеянное необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК РФ (оконченное простое убийство), поскольку преступник посягнул на юридически равноценный объект.

– *Ошибка в свойствах потерпевшего*, имеющая значение для квалификации по причине того, что умысел субъекта преступного посягательства направлен на причинение вреда лицу, обладающему особыми свойствами. К таким свойствам могут относиться: беременность, несовершеннолетие, беспомощность и т.д. Отсутствие осознания виновным соответствующих обстоятельств может привести к исключению уголовной ответственности либо к оценке совершенного преступного посягательства без учета квалифицирующих признаков. Судебная практика богата примерами, когда виновный вступал в половую связь лицом, не зная (не предполагая в силу физиологических особенностей), что оно не достигло определенного возраста. Так, К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ. Судом установлено, что К. (возраст 23 года и 2 месяца) познакомился с несовершеннолетней М. (возраст 15 лет и 5 месяцев) на дне рождения общих друзей. Когда мероприятие подошло к концу, К. предложил подвести до дома нескольких гостей (В., А., и М.) на своем личном автомобиле. Когда В. и А. были доставлены на место, К. предложил М. осуществить прогулку по ночному городу, на что М. дала согласие. После прогулки К. и М. вернулись в автомобиль, принадлежащий К. В автомобиле М. предложила К. совершить с ней половой акт, на что К.

¹ Приговор Шумихинского районного суда Курганской области от 03 марта 2014 г. по делу № 1–5/2014. URL: https://shumihinsky--krg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=657119080&case_uid=68cb08c7-7583-4615-a49d-903a36c71afe&delo_id=1550006&new= (дата обращения: 05.01.2022).

ответил согласием. После этого К. отвез М. до ее места жительства. В ходе судебного заседания К. свою вину не признал, половой акт с М. не отрицал, пояснив, что при знакомстве с ним М. сообщила ему, что ее возраст 19 лет и она является студенткой ВУЗа. В силу особенностей физиологического развития М. и по причине того, что на дне рождения присутствовали только совершеннолетние, К. не сомневался в том, что М. достигла половой зрелости. Суд признал К. виновным в совершении преступления по ч. 1 ст. 134 УК РФ и назначил ему наказание в виде 1 года и 2 месяцев лишения свободы¹. Из материалов дела очевидно, что К. заблуждался относительно возраста и достижения половой зрелости М., чему способствовала и она сама.

Особого внимания заслуживают ошибки, порождаемые заблуждением относительно беременности жертвы. Примером может выступать ситуация, когда А. решил убить Б., заблуждаясь в том, что потерпевшая на момент совершения преступления была беременной. В уголовно-правовой науке нет однозначного ответа, касающегося оценки такого вида заблуждений. Анализ доктринальных положений в уголовно-правовой науке позволяет сформулировать несколько концепций по вопросу квалификация содеянного:

1) она должна осуществляться по направленности умысла, а именно как покушение на убийство женщины, находящейся в состоянии беременности²;

2) в такой ситуации оценка содеянного происходит по правилам о совокупности преступлений, а именно как «простое» убийство (ч. 1. Ст. 105 УК РФ) и покушение на убийство женщины, находящейся в состоянии

¹ Приговор Пензенского районного суда Пензенской области от 19 марта 2013 по делу № 1–86.1/2013. URL: https://penzensky-pnz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=116174210&case_uid=007b70d6-fcd0-4db5-8dbba-d91cfee3d4a7&delo_id=1540006&new= / (дата обращения: 05.08.2023).

² Безрукова Т.И. проблема квалификации деяния, совершенного в условиях фактической ошибки // Российский юридический журнал. 2007. № 3 (55). С. 149–153; Коняхин В.П., Огородникова Н.В. Беременность как квалифицирующий признак состава преступления // Ученые записки. Краснодар, 2005. № 4. С. 260–262; Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. С. 281–282.

беременности¹;

3) она происходит с учетом фактически наступивших последствий, т.е. рассматривается как оконченное «простое» убийство².

Президиум Верховного Суда РФ рекомендовал квалифицировать такое деяние как оконченное убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и указал, что квалификация действий в качестве покушения на убийство беременной женщины является излишней. Однако, как показывает практика, не все суды придерживаются этого подхода. Так, Уфимским районным судом Республики Башкортостан В. осужден по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 105 УК РФ. Из материалов дела следует, что потерпевшая А. сообщила В. о своей беременности и потребовала у него ежемесячного содержания в размере 100 тыс. руб., угрожая последнему в случае отказа сообщить его жене об изменах В. Потеряв самообладание, В. нанес удар А. в область левого глаза. От полученного удара А. упала на пол, после чего В. принялся наносить множественные удары ногами в область груди и головы А. От полученных травм она скончалась. Согласно данным судебно-медицинской экспертизы, умершая А. беременной не была³.

Суды апелляционной и кассационной инстанции оставили приговор без изменения. Президиум Верховного Суда РФ, удовлетворив надзорное представление, исключил из решения ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т.к. умысел на лишение жизни А. был полностью реализован. Приведенный

¹ Кочетков А.А. Фактическая ошибка и квалификация преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 87; Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь. Саратов, 1999. С. 93.

² Новичков В.Е. Субъективное вменение в современном уголовном праве России и заблуждение лица, совершившего общественно опасное деяние // Таврический научный обозреватель. 2017. № 3–1 (20). С. 5–9; Ситникова А.И. Квалификация деяний, связанных с фактическими ошибками // Российский судья. 2016. № 4. С. 39–40; Спиридонова Л.Э. Уголовно-правовое значение фактической ошибки при квалификации преступлений против жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 18.

³ Приговор Уфимского районного суда Республики Башкортостан от 30 марта 2010 г. по делу № 1–85/2010.URL: https://ufimsky-bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=103644096&case_uid=66131a4c-bc4b-4a28-a1fa-8dcb483226d1&delo_id=1540006&new= / (дата обращения: 05.09.2023).

пример наглядно иллюстрирует, что в подобных ситуациях Верховный Суд РФ не придает фактической ошибке (в свойствах потерпевшего) никакого значения. Суд первой инстанции и вовсе ужесточил приговор виновному, назначив наказание по совокупности преступлений.

В то же время недоумение вызывает тот факт, что иные правила квалификации установлены применительно к грабежу. В соответствии с п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» «в случаях, когда лицо, совершившее грабеж или разбойное нападение, имело цель завладеть имуществом в крупном или особо крупном размере, но фактически завладело имуществом, стоимость которого не превышает двухсот пятидесяти тысяч рублей либо одного миллиона рублей, его действия надлежит квалифицировать, соответственно, по части третьей ст. 30 и п. «д» ч. 2 ст. 161 или по п. «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ как покушение на грабеж, совершенный в крупном размере или в особо крупном размере»¹.

Полагаем, что квалификация содеянного как покушение на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ), наиболее предпочтительный вариант уголовно-правовой оценки, поскольку он учитывает направленность умысла виновного, который заблуждается относительно беременности жертвы, и в то же время всецело согласуется с принципом субъективного вменения. Стоит согласиться с А.И. Рарогом, что при точной уголовно-правовой оценке преступлений, совершенных с ошибочным предположением о наличии квалифицирующих обстоятельств, которые в действительности отсутствуют, допускается юридическая фикция – фактически оконченное преступление квалифицируется как покушение².

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 (ред. от 15.12.2022) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8242/> (дата обращения: 05.09.2023).

² Рарог А.И. Указ. соч. С. 58–59.

– *Ошибка в предмете преступления*, которую доктрина оценивает в зависимости от того, каким признаком *corpus delicti* выступает предмет. На квалификацию ошибка в предмете влияет только при условии, что предмет является обязательным признаком состава. Предмет приобретает данный статус, если ему присущи индивидуальные особенности, и именно они порождают и определяют содержание умысла виновного. Чаще всего подобные ошибки встречаются при хищениях чужого имущества. К примеру, А. имел цель похитить картину Карла Брюллова «Последний день Помпеи» 1833 г., являющуюся общепризнанным произведением искусства, однако ошибочно украл другую картину, не представляющую художественной ценности. В такой ситуации при конкуренции составов кражи и хищения предметов, имеющих особую ценность, деяние необходимо квалифицировать по ч. 3. Ст. 30, ч. 1. Ст. 164 УК РФ.

С.М. Мальков полагает, что при квалификации преступления в случае фактической ошибки (в предмете), кроме оценки содеянного по направленности умысла, необходимо вменять и фактически наступивший результат. Так, если лицо с целью хищения наркотических средств проникает в аптеку, но по ошибке похищает аспирин в порошке, деяние необходимо квалифицировать по направленности умысла (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 229 УК РФ) и как оконченное хищение чужого имущества (п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ)¹.

Данный подход видится не оправданным, поскольку объекты посягательства неравноценны. Пунктом «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ предусмотрена кража, совершенная с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище, отнесенная законом к числу преступлений средней тяжести, в то время как деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 229 УК РФ, относятся к тяжким. Покушение на преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 229 УК РФ, более опасно, нежели оконченное преступление,

¹ Мальков С.М. Некоторые вопросы квалификации хищения наркотических средств по субъективным признакам // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2016. № 1 (22). С. 26.

предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, и влечет более строгое наказание. Полагаем, что фактическое хищение имущества не требует квалификации по совокупности, она будет являться чрезмерной, так как охватывается умыслом причинителя на совершение более тяжкого преступления.

– *Ошибка в средстве* представляет собой заблуждение причинителя вреда относительно «инструмента», с помощью которого совершается поведенческий акт. В процессе совершения преступного посягательства преступник по ошибке может использовать непригодные средства, которые в свою очередь делятся на *абсолютно непригодные и относительно непригодные*. В зависимости от ситуации деяние квалифицируется как покушение на преступление.

Абсолютно непригодные средства – это такие, с помощью которых никогда нельзя достичь желаемого преступного результата. Так, некто А., желая убить Б., попытался выстрелить в него из пистолета, который сломан или в котором отсутствуют патроны. Так, приговором Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга Ж. признан виновным в покушении на убийство Л. Судом установлено, что Ж., действуя на почве личных неприязненных отношений, умышленно, для лишения жизни Л. Попытался произвести в него выстрел из охотничьего ружья ТОЗ-34. Однако Ж. не знал, что ранее таковым пользовался его сын В., который случайно сломал его, что позволило Л. Оказать сопротивление Ж., не дав довести ему замысел до конца¹.

Особо нужно оговорить следующее: в случаях, когда используются негодные средства, с помощью которых вообще невозможно совершить преступное посягательство (расчет крайне невежествен), такого рода обстоятельства не имеют уголовно-правового значения. В качестве примера может выступать ситуация, когда субъект А., желая убить Б., в силу своего

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 17 марта 2015 г. по делу № 1–33/2015. URL: https://lenn-spbl.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=476562552&case_uid=d61fedee-5d1e-425f-b5ca-f92319a21552&delo_id=1440206&new=/ (дата обращения: 02.02.2023).

невежества использует порчу, заклинания и т.п.

Относительно негодные средства – такие, при использовании которых существует определенная вероятность достижения преступного намерения, однако она невелика. В специальной юридической литературе ошибке относительно негодных средств посвящено не так много трудов. А.И. Сиренко подчеркивает отсутствие необходимости в делении средств, т.к. в обоих случаях деяние надлежит квалифицировать по направленности умысла как покушение на преступление¹. Автор определяет относительно негодные средства как средства, которые не могут привести к желаемому результату лишь в конкретном случае, и в качестве примера приводит ситуацию, в которой субъект пытается произвести выстрел из неисправного пистолета. Однако в приведенном примере речь идет об абсолютно негодных средствах, так как из сломанного пистолета (без его починки) выстрелить невозможно. Когда речь идет об относительно негодных средствах, в качестве примера целесообразнее привести следующие ситуации: лицо пытается отпереть замок плохо подобранным ключом; виновный норовит проникнуть в помещение через окно, используя лестницу, размер которой не позволяет добраться до нужного этажа. В таких случаях при *фактической ошибке лица в средстве* считаем допустимым квалифицировать деяние по направленности умысла со ссылкой на ч. 1. ст. 30 УК РФ, в которой установлено, что «приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств...». Как отмечает Г. Вернер, преступник на стадии обнаружения умысла пытается найти средства, которые помогут ему совершить преступление, однако покушение может и не состояться, поскольку выбранное причинителем средство не позволяет его совершить².

Иными словами, если лицо, имея умысел проникнуть с целью хищения

¹ Сиренко А.И. Покушение на преступление. Уголовно-правовые аспекты // Актуальные проблемы уголовного права. 2012. № 3. С. 107.

² Verner G. Danish sociologist of criminal law. Agnete Weis Bentzon and Torben Agersnap. Copenhagen. Vol. 43. 2003. P. 42.

в чужую квартиру, расположенную на третьем этаже многоквартирного дома, в качестве средства использует лестницу, которая позволяет ему добраться только до второго этажа, в связи с чем он отказывается от своего намерения, целесообразнее вести речь не о покушении, а о приготовлении к преступлению. Фактически злоумышленник нашел необходимое ему средство для совершения преступления, однако в силу его относительной негодности не приступил к реализации своего намерения.

– *Ошибка в причинной связи* представляет собой заблуждение субъекта в этиологии преступного посягательства, в характере зависимости последствий от деяния. Как правило, данный вид ошибки в факте не влияет на уголовно-правовую оценку содеянного, за исключением случаев, когда она влечет за собой наступление более тяжелых последствий, чем те, которые предполагал причинитель вреда. Например, А., желая отравить Б., подсыпал в графин с водой яд. Однако Б., долгое время страдавший язвенной болезнью, скончался от кровотечения, так и не выпив из графина. Квалифицировать содеянное в данной ситуации необходимо по направленности умысла виновного¹.

Иной уголовно-правовой оценки заслуживает ситуация, когда последствие, охватываемое умыслом, фактически наступило, но явилось результатом не тех действий, которые намеревался совершить причинитель вреда. Так, А., управляя транспортным средством, не справившись с управлением, осуществил наезд на пешехода Б. Посчитав, что потерпевший Б. мертв, с целью сокрытия своего преступления А. решил инсценировать несчастный случай, сбросив тело с моста в реку. Однако смерть Б. наступила не в результате наезда на него А., а от гидрогенной асфиксии. В такой ситуации деяние надлежит квалифицировать по совокупности преступлений: ч. 1 ст. 264, ч. 1 ст. 109 УК РФ.

– *Ошибка в характере совершаемого действия или бездействия* выделяется в зависимости от наличия/отсутствия уверенности лица, что его

¹ Сверчков В.В. Уголовное право. Общая и Особенная часть. М., 2019. С. 133.

действия (бездействия) не являются противоправными и опасными. Так, например, А. полагает, что осуществляет сбыт поддельных денежных средств, которые в действительности являются настоящими. По факту лицо не может подлежать уголовной ответственности, так как отсутствуют признаки состава преступлений. В то же время, руководствуясь правилами квалификации при фактической ошибке, его деяние необходимо оценивать по ч. 3. Ст. 30, ч. 1 ст. 186 УК РФ, поскольку умысел А. был направлен на реализацию подделки.

– *Ошибка в преступных последствиях* представляет собой заблуждение относительно наличия преступных последствий (в эту же категорию входит и фактор отсутствия преступных последствий).

В свою очередь этот вид *error facti* имеет две стороны: *количественную и качественную*.

Неверная оценка субъектом *количественной* характеристики последствий деяния на квалификацию не влияет, если она не выходит за пределы, установленные законом. Если же умысел лица направлен на хищение в крупном размере, а в действительности ущерб оказался меньше, то содеянное необходимо квалифицировать как покушение на хищение в крупном размере, поскольку его умысел был направлен именно на «крупное» хищение. К примеру, А., работавший в ювелирном салоне, знал, что в кабинете директора имеется сейф, в котором тот хранит несколько миллионов рублей. Выбрав подходящий момент, А. проникает в кабинет директора, открывает сейф, в котором фактически оказалось всего несколько тысяч рублей¹. Такое деяние необходимо квалифицировать как покушение на преступление.

Ошибка в качественной характеристике преступных последствий чаще всего выражается в заблуждении субъекта относительно характера

¹ Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 12 июля 2012 г. по делу № 1–625/2012. URL: https://syktsud-komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=58775391&case_uid=b235f95d-410f-46a7-b954-0d9c9f2d2af0&delo_id/ (дата обращения: 19.05.2023).

общественно опасных последствий¹. Примером может послужить ситуация, когда некто А. собирался поджечь продуктовый магазин, но из-за сильного ветра поджог не удался. Его действия необходимо квалифицировать как покушение. Так, приговором Пряжинского районного суда Республики Карелия К. осужден за поджог жилого трехквартирного дома, где проживала его бывшая супруга А. Судом установлено, что К., имея умысел на уничтожение чужого имущества общеопасным способом (путем поджога) на почве личных неприязненных отношений к своей бывшей супруге А., имея при себе бутылку с керосином, подошел к ее дому, облил огнеопасной жидкостью части крыльца и с помощью зажигалки совершил поджог, после чего скрылся. Однако его преступные намерения не были доведены до конца по независящим от него обстоятельствам, ибо возгорание не произошло из-за покрытия крыльца специальными огнезащитными материалами. Житель дома Б. обнаружил небольшой очаг и залил его водой. Суд верно квалифицировал деяние К., признав его виновным в совершении преступления, по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 УК РФ².

– *Ошибка в квалифицирующих и особо квалифицирующих обстоятельствах* представляет собой ошибочное представление субъекта преступления о наличии или отсутствии признаков, повышающих степень общественной опасности посягательства. Действия субъекта квалифицируются исходя из содержания намерений. В случае, если эти квалифицирующие обстоятельства не содержатся в уголовном законе, а представлены только в воображении субъекта преступления, то они не вменяются виновному³. Заметим, что оценивается социальное содержание

¹ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1 / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. С. 402.

² Приговор Пряжинского районного суда Республики Карелия от 10 ноября 2010 г. по делу № 1–59/2010. URL: https://priazhsky--kar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=69920325&case_uid=74be8b02-217d-49f3-b473-fdf7c4bf0323&delo_id=1540006&new=/ (дата обращения: 05.01.2023).

³ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1 / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. С. 405–408.

общественно опасного поведения, выраженного в статьях Особенной части в качестве квалифицирующих признаков составов, но не само юридическое решение законодателя.

Таким образом, заблуждение причинителя вреда оказывает серьезное влияние на квалификацию содеянного, на решение вопроса о социально-правовом последствии его деяния, а также на назначение наказания виновному. Во избежание возникающих сложностей при решении указанных вопросов считаем допустимым, с учетом в том числе и зарубежного опыта, включить в уголовный закон норму, которая будет определять понятие, виды и формулировать правила квалификации содеянного при наличии в действиях лица фактической ошибки. В целях формирования подинститута субъективной ошибки (в рамках института вины) целесообразным видится включение соответствующей нормы именно в гл. 5 УК РФ «Вина». Предлагаем следующую ее редакцию:

«Статья 28¹. Ошибка в фактических обстоятельствах деяния

1. Лицо, совершившее умышленное преступление, заблуждение относительно фактических обстоятельств которого воспрепятствовало доведению преступного намерения до конца, подлежит уголовной ответственности за совершенное преступление со ссылкой на часть третью статьи 30 настоящего Кодекса.

2. Лицо, совершившее умышленное преступление, заблуждение относительно фактических обстоятельств которого не явилось препятствием для доведения преступного намерения до конца, подлежит уголовной ответственности за оконченное преступление.

3. Если умысел лица был направлен на причинение вреда объекту, посягательство на который влечет более строгое наказание, однако в действительности вред причиняется объекту, посягательство на который влечет менее строгое наказание, то деяние квалифицируется в качестве покушения на преступление, охватываемое умыслом виновного. Если вред по ошибке причиняется равноценному объекту, то деяние квалифицируется по

фактически наступившим последствиям.

4. Если лицо совершает деяние, опасные последствия которого, охватываемые умыслом виновного, возникают не из его деяния, а по другим причинам, оно подлежит уголовной ответственности за покушение на преступление, охватываемое его умыслом.

5. Если лицо, совершающее умышленное преступление, заблуждается относительно наличия отягчающих обстоятельств содеянного, которые в действительности отсутствуют, оно подлежит уголовной ответственности по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за совершенное преступление при наличии соответствующего квалифицирующего признака.

6. Если лицо, совершающее умышленное преступление, заблуждается относительно отсутствия отягчающих обстоятельств содеянного, которые в действительности присутствуют, оно подлежит уголовной ответственности по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за совершенное преступление без отягчающих обстоятельств»¹.

Полагаем, что предлагаемые правила квалификации деяния в ситуации фактической ошибки позволят избежать неточностей при осуществлении правоприменительной деятельности.

Проведенное в данном разделе исследование позволяет сформулировать комплекс *выводов*:

1. В настоящее время устоявшийся принцип «*ignorantia legis non excusat*» нуждается в переосмыслении и модификации, поскольку данная установка явно не соответствует действительности и противоречит общепризнанной идее субъективного вменения. При большой массе уголовно-правовых норм, постоянно протекающем процессе внесения изменений в Уголовный кодекс,

¹ Данную модель правовой нормы поддержали 110 из 123 опрошенных респондентов (89%), ответив «полностью поддерживаю такую модель» (см.: Приложение).

многообразии судебной практики в части толкования уголовного закона, наличии ошибок, допускаемых правоприменителями, рядовые граждане не в состоянии знать и половины имеющихся законов. При этом здесь речь идет исключительно об уголовном праве, но обывателю надлежит знать нормы и других отраслей юриспруденции – гражданского, административного и др. Таким образом, в современной правовой действительности за свое незнание он вынужден «расплачиваться» не только материальными ценностями, но и свободой.

2. В исключительных случаях, когда лицо не знало о преступном характере своего посягательства, не имело возможности приобрести эти знания, а общественная опасность совершенного им деяния не была очевидной, такое заблуждение должно оказывать влияние на уголовную ответственность. Под «исключительными обстоятельствами» стоит, в частности, понимать совершение преступного посягательства при отсутствии знаний о его противоправности иностранным гражданином, находящимся на территории РФ, законодательство которой отличается от права страны его проживания (политический режим, религия, обычаи и т.д.); совершение преступного посягательства лицом, отстающим в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством.

3. Институт юридической ошибки нуждается в правовой регламентации и отражении в отечественном уголовном законе. Считаем допустимым предоставить право ссылаться на незнание закона лицам, обладающими особыми психическими и социальными свойствами, в связи с чем предлагается внести в гл. 8 УК РФ дополнительное обстоятельство, исключающее преступность деяния. Проект соответствующей нормы под названием «Юридическая ошибка» предложен в тексте данного раздела работы.

4. Полагаем, что *сознание противоправности* необходимо признавать частью вины и критерием ошибки только *специальных субъектов*. При осуществлении определенной профессиональной деятельности субъект

должен обладать соответствующей квалификацией, выполнять должностные обязанности, знать границы предоставленных ему полномочий и не выходить за их рамки. Поэтому лицо, обладающее специальными знаниями, обязанное в силу осуществляемой им деятельности или занимаемой должности знать и выполнять соответствующие правила, не может ссылаться на незнание уголовно-правового запрета.

5. Отсутствие специальных норм, посвященных фактическим ошибкам, довольно часто создает сложности в правоприменительной практике, в связи с чем формирование подинститута фактической ошибки в рамках института вины с последующим его законодательным отражением видится одной из приоритетных нормотворческих задач. Полагаем целесообразным, в том числе с учетом соответствующего зарубежного опыта, включить в уголовный закон норму, определяющую правила квалификации содеянного при наличии в действиях лица фактической ошибки. Проект нормы *«Ошибка в фактических обстоятельствах деяния»* предложен в этом разделе диссертации.

3.3 Ошибки потерпевшего

Помимо преступника, заблуждающегося в обстоятельствах своего общественно опасного поведения и его юридической оценке государством, есть еще один субъект, который присутствует не во всех, но во многих криминальных деликтах, – потерпевший. Его роль в этиологии преступлений стала замечаться и обсуждаться совсем недавно (по историческим меркам) и только в русле виктимности, т.е. упречного в смысле развития чужого и направленного против его интересов поведения. Однако проблемы, связанные с ошибочной деятельностью потерпевшего, слабо проработаны отечественными и зарубежными специалистами. При этом заблуждения жертвы представляют угрозу не только для него самого, но и оказывают влияние на поведение преступника. Для изучения данного феномена

необходим анализ теоретических и практических аспектов, раскрывающих и определяющих роль потерпевшего в уголовном праве.

В Российской Федерации отношение к потерпевшему от преступления со стороны государства, бывшее во времена СССР на передовых позициях в мире, в последнее время не развивается. Это проявляется в отсутствии механизма возмещения вреда, в том, что потерпевший не участвует в решении вопросов, связанных с назначением наказания и освобождения от уголовной ответственности. Вместо выработки превентивных мер, направленных на защиту интересов потерпевшего, законодатель избрал более простой путь – увеличение санкций для причинителя вреда¹.

Легальное определение потерпевшего в уголовном законе отсутствует. Простое упоминание о нем фигурирует лишь в отдельных статьях уголовного закона, например, в ст. 105, 110, 111 УК РФ. На основании текста таковых его можно определить как лицо, которому причинен вред в результате преступного посягательства. Нормативное закрепление фигура потерпевшего получила в процессуальном законодательстве в ст. 42 УПК РФ².

Несмотря на наличие общих признаков (совершение преступления, причинение вреда), имеются и существенные различия. По мнению некоторых ученых, ключевым отличием понятий «потерпевший в уголовном праве» и «потерпевший в уголовно-процессуальном праве» является то, что фигура потерпевшего в уголовном процессе образуется при наличии двух условий:

- 1) причинение преступлением вреда;
- 2) официальное решение властного органа о признании лица таковым.

В уголовном праве для признания потерпевшим имеет значение только момент совершения преступного посягательства. В связи с этим в науке даже предлагалось заменить «потерпевшего» на «пострадавшего» в рамках

¹ Бойко А.И. Битый небитого везёт? // Судья. 2017. № 11. С. 24–25.

² Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

уголовного права. Приверженцем такой концепции выступает П.С. Яни¹, который определил «пострадавшего» как лицо, на жизнь, честь, здоровье и достоинство которого, в том числе и политические, трудовые, имущественные права, направлено преступление.

Как справедливо отмечает Р.А. Сабитов, подобный подход вряд ли будет когда-нибудь одобрен отечественным нормотворцем в связи с тем, что термин «потерпевший» прочно укоренился в нормах Общей и Особенной частей УК РФ².

В уголовно-правовой науке наравне с «потерпевшим от преступления» употребляется более широкое понятие «жертва преступления». В национальном законодательстве оно не раскрывается, но зато расшифровывается в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью. В соответствии с п. 1 данного документа под «жертвой» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью³.

В доктрине под жертвой преступного посягательства принято понимать физическое лицо, понесшее (прямо или косвенно) физический, моральный, имущественный или интеллектуальный вред от противоправного посягательства, независимо от того, признано ли оно потерпевшим в

¹ Яни П.С. Законодательное определение потерпевшего от преступления // Российская юстиция. 1995. № 4. С. 40–41.

² Сабитов Р.А. Соотношение понятий «потерпевший от преступления», «пострадавший от преступления» и «жертва преступления» // Виктимология. 2014. № 1 (1). С. 18.

³ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью: принята Генеральной Ассамблеей ООН 29.11.1985 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=195#oJ5C42TiSVrNAxT U1> (дата обращения: 15.10.2023 г.).

установленном законом порядке. Критериев разграничения «потерпевшего» и «жертвы» бесчисленное множество: начиная с того, что потерпевший – это процессуальное понятие, а жертва – виктимологическое, и заканчивая тем, что понятие «жертва» – не правовое, поскольку охватывает не только лиц, в отношении которых совершено преступление, но и потенциальных пострадавших от преступления¹. При этом большинство ученых считает, что в криминологии допустимо использовать понятия «потерпевший» и «жертва» как равнозначные, несмотря на их отличия².

Как показывает практика, люди все чаще обращаются в правоохранительные органы с просьбой о помощи: вернуть украденный смартфон или другое имущество, найти телефонных мошенников, наказать соседа-дебошира, причинившего им физические страдания, и т.д. Однако увеличение подобных правонарушений и сигналов о них в первую очередь связывается с невнимательностью и неосмотрительностью самих потерпевших. Часто жертвы своим поведением провоцируют потенциального причинителя вреда на совершение противоправного деяния: выходя в магазин, не закрывают дверь в квартиру; записывают пин-код на банковской карте; оставляют открытым окна в автомобиле и т.п. В связи с этим изучение поведения жертвы преступления обретает особое значение.

Изучением поведения жертв преступных посягательств и их отношений с преступником занимается междисциплинарная криминологическая наука – виктимология (учение о жертве преступления). В узком смысле она представляет собой эмпирическое изучение жертв преступных посягательств, а в самом широком – совокупность знаний о жертвах, виктимизации и «усилиях» общества по защите прав жертвы.

Это научное направление начало создаваться недавно, во второй

¹ Майоров А.В. Концептуальные основы виктимологического противодействия преступности. Челябинск, 2013. С. 44–45.

² Клещина Е.Н. Жертва преступления как объект криминологического учения о жертве преступления // Вестник Московского университета МВД РФ. 2010. № 2. С. 97.

половине XX в.¹

С этого момента личность жертвы преступного посягательства стала привлекать к себе внимание криминологов (социологов, психологов и др.) с позиции ее «вклада» в совершенное преступление, поскольку в ряде случаев деяние причинителя вреда зависит не только от его внутренних порывов и побуждений, но и от личностных характеристик самого потерпевшего от преступления, проявляющихся до и во время посягательства. Проведенные научные исследования в области виктимологии и изучение статистики позволили сделать вывод о том, что многие деликты обусловлены поведением самой жертвы преступного посягательства, от чего возникает существенная связь между жертвой и преступником².

Одними из первых проблемой взаимоотношений жертвы и преступника заинтересовались Г. Гентинг, Б. Мендельсон и С. Шейфер. Еще до появления термина «виктимология» немецкий криминолог Г. Гентинг в 1948 г. издал монографию под названием «Преступник и его жертва». В своем научном труде автор пытался изменить классический подход (возлагать вину за деликты только на преступника) и призывал рассматривать причинителя вреда во взаимосвязи с его жертвой. По мнению Г. Гентинга, взаимоотношения между преступником и жертвой отражают единство криминологии и виктимологии. Роль жертвы в преступлении заключается в том, чтобы проложить путь к изучению преступности во всей ее совокупности и особенно в аспектах ответственности потерпевшего³.

Родоначальником классической виктимологии принято считать Бенджамина Мендельсона. Именно он являлся сторонником того, что ее необходимо рассматривать как самостоятельную науку. В своей работе под

¹ Назаров В.И., Майоров А.В. Виктимология: вчера, сегодня, завтра // Виктимология. 2014. № 1(1). С. 6.

² Ахмедшина Н.В. Механизм взаимодействия между жертвой преступления и преступником // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 173–174.

³ Hans von Henting. The Criminal and His Victim. New Haven: Yale University Press. 1948.

названием «Виктимология и тенденции современного общества» ученый обозначил, что изучение порочной взаимосвязи «преступник-жертва» будет способствовать уменьшению количества жертв преступных посягательств, поскольку многие деяния могли бы и не произойти, но «вмешалась» жертва¹.

Им была разработана классификация жертв по степени их вклада в преступление, являющаяся базовой в криминологической науке:

а) *«Абсолютно невиновная жертва»*. К этой категории относятся несовершеннолетние, лица в бессознательном или беспомощном состоянии.

б) *«Жертва с незначительной виной»*, или «невежественная жертва». Например, женщина, которая согласилась на незаконное искусственное прерывание беременности, в результате чего «расплачивается» своей жизнью.

в) *«Добровольная жертва»*. В эксцессе жертва «виновата», как и преступник. Потерпевший своим поведением провоцирует другое лицо к совершению преступления. Например, человек просит об эвтаназии своего друга либо об оказании помощи в совершении самоубийства путем приготовления для него отравляющего вещества и т.д.

г) *«Жертва, более виновная, чем сам причинитель вреда»*. Это касается лиц, которые активно подталкивают кого-либо к совершению преступления против себя.

д) *«Самая виновная жертва»*. Имеет место, когда преступник (он же жертва) был убит лицом в целях самообороны.

е) *«Воображаемая жертва»*. В эту группу относятся люди, страдающие от умственных расстройств (паранойя, маразм)².

Венгерский криминолог С. Шейфер в своих трудах отмечал важность фигуры потерпевшего в уголовном праве. В его представлении жертва является «частью» преступления, а ее поведение во многих случаях

¹ Mendelsohn B. Victimology and contemporary society's trends. Victimology: An International Journal. 1976. Vol. 1 (1). P. 8–28.

² См.: Mendelsohn B. Victimology and contemporary society's trends. Victimology: An International Journal. 1976. Vol. 1 (1). P. 8–28.

напрямую определяет поведение причинителя вреда. С. Шейфер считает, что отношения между жертвой и преступником подчеркивает необходимость признания важной роли и ответственности жертвы, поскольку именно она может стать причиной преступного деяния, которое при определенных обстоятельствах могло и не произойти¹.

По мнению С. Шейфера, между поведением жертвы и поведением причинителя вреда существует устойчивая специфическая связь, которая проявляется в следующих аспектах:

1) некоторые преступления «рождаются» из непосредственных взаимодействий между людьми: потерпевшие и причинители вреда в таких ситуациях взаимозаменяемы (драки на стадионах между фанатами);

2) склонность совершать преступления в «своем» социальном кругу;

3) отношения «преступник-жертва» применимы не ко всем противоправным деяниям, поскольку преступник в большинстве случаев фокусируется на объекте преступного посягательства;

4) в меньшинстве преступных деяний жертва провоцирует непрофессионала, инициирует действия и является конечным «получателем» последствий².

Изучением взаимоотношений потерпевших и преступников занимались и отечественные ученые. В СССР и первым эту проблему достаточно подробно исследовал Л.В. Франк, который отмечал, что виктимологическая цепочка «потерпевший – подозреваемый – обвиняемый» служит хорошим подспорьем для криминалистов³. В рамках своей теоретической концепции ученый выделял объективную и субъективную связь между жертвой и причинителем вреда. Если субъективная связь возникает между индивидами, которые знают друг друга (знакомые, друзья, родственники), то объективная

¹ Schafer S. Introduction to criminology. Reston, Va.: Reston Pub. Company. 1976. 291 p.

² См.: там же.

³ Абдрасулова К.Р., Алауханов Е.О., Бойко А.И. Защита потерпевших от преступлений: государственная забота и благоразумие потенциальных жертв: науч.-практ. пос. Ростов н/Д, 2013. С. 24.

связь выражается в конкретной жизненной ситуации, в которой оказались жертва и потенциальный преступник (пассажиры общественного транспорта, покупатели в магазинах)¹.

Под связью между жертвой и преступником следует понимать существенную зависимость, проявившую себя в определенном месте и в определенное время, главное содержание которой составляет поведение пострадавшего, его взаимодействие до, в момент и после совершения преступного посягательства².

Очевидно, что во взаимосвязи «жертва-преступник» существенное значение имеет поведение жертвы преступления ввиду содержащегося в нем высокого виктимного потенциала. В науке принято выделять два вида виктимного поведения жертвы – провокация и неосторожность.

Провокация жертвы побуждает преступника к совершению преступления, создает или способствует ситуации, которая может привести к виктимизации. Такой тип жертв может спровоцировать преступление своим собственным поведением³.

По мнению Е.О. Алауханова, жертвы-провокаторы добиваются «наивысшего результата». Несущественно «отстают» от них легкомысленные люди. В криминологии их определяют как «жертвы-соучастники», так как в силу собственного беспечного поведения их правам и законным интересам причиняется вред. Если человек не действовал разумно при обращении со своими деньгами или другими ценностями и был ограблен, его нельзя считать «невинной жертвой», поскольку он создал «искушение» или ситуацию, дающую преступнику стимул и помощь⁴. Поскольку поведение потерпевшего является частым случаем проявления виктимности,

¹ Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. С. 95.

² См.: там же. С. 97.

³ Drapkin I., Viano E. Victimology: a new focus, violence and its victim. Lexington Books, 1974. P. 208.

⁴ Алауханов Е.О. Кого, за что и как мы будем судить завтра? // Казахстанская правда. 1994. 15 марта.

закономерно возникает вопрос о его ответственности.

В зарубежных странах считается политически некорректным связывать поведение жертвы с наступающими для нее преступными последствиями, подобные дискуссии расцениваются как victimblaming (с англ. – обвинение жертвы), получившее широкое распространение в США в 70-х гг. XX в. Обвинение жертвы – это явление, когда кто-либо ставит под сомнение поведение жертвы (потерпевший мог избежать преступного посягательства, если бы поступил иначе). Иными словами, вина за преступление лежит на самой жертве. К. Симонс отмечает, что американские ученые не уделяют должного внимания аспектам вины потерпевшего, поскольку рассуждения о «вине невинных» вызывают общественный гнев¹.

В отечественной уголовно-правовой доктрине проблемы «вины» жертвы/потерпевшего исследованы Н.Ф. Кузнецовой, В.С. Минской, Б.В. Сидоровым, Э.Л. Сидоренко и др.

В целях индивидуализации ответственности виновного Н.Ф. Кузнецова предлагала ввести понятие «смешанная вина». В соответствии с ее теоретической концепцией при наличии грубой вины жертвы, не исключаяющей вины самого субъекта причинителя вреда, квалификация деяния и его наказуемость должна отражать фактическую степень вины и причиненного им ущерба². Б.В. Сидоров полагал, что учет степени вины потерпевшего необходим при определении пределов уголовной ответственности причинителя вреда³. Э.Л. Сидоренко отмечает, что мера ответственности и наказание преступника должны быть существенно ниже, если преступление обусловлено виной пострадавшего⁴.

¹ Simons K. Victim fault and victim strict responsibility in Anglo-American Tort law. *Journal of Tort Law*. 2016. P. 17, 32.

² Кузнецова Н.Ф. Уголовное значение «вины потерпевшего» // Советская юстиция. 1967. № 17. С. 17.

³ Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1998. С. 15.

⁴ Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. СПб., 2003. С. 48.

Стоит отметить, что такой повод совершения преступления, как противоправность или аморальность поведения потерпевшего, закреплён на законодательном уровне (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК). Речь идет о виктимном (провоцирующем) поведении лица, явившегося жертвой содеянного виновным. Противоправное поведение потерпевшего заключается в совершении им преступления или любого правонарушения (административного, финансового, таможенного и т.д.). Его аморальное поведение состоит в совершении им проступков, нарушающих моральные нормы и правила поведения в обществе, провоцирующих в свою очередь совершение в отношении него преступления¹.

Проведенный анализ не оставляет сомнений в том, что поведение жертвы может выступать в качестве детерминирующего фактора при формировании антисоциальной направленности личности причинителя вреда. В качестве примера можно сконструировать ситуацию, когда женщина, злоупотребляющая спиртными напитками, ведущая во всех смыслах аморальный образ жизни, оказывается жертвой сексуального насилия со стороны случайного знакомого. Однако мы убеждены, что неразумное поведение жертвы во многом основывается на ее ошибочных представлениях. Считаем допустимым использование термина «ошибка потерпевшего» в сфере уголовного права.

Важно подчеркнуть, что понятия «виктимность» и «ошибка» не тождественны. Виктимность – это повышенная способность лица становиться при определенных ситуациях жертвой преступления (т.е. внутреннее свойство жертвы), в то время как ошибка представляет собой неверную оценку лицом возможной опасности своего поступка для него самого.

Под *ошибкой потерпевшего* следует понимать заблуждение лица относительно потенциальной угрозы его жизни, здоровью, чести и

¹ Фаргиев И.А. Уголовно-правовые и криминологические основы учения о потерпевшем. СПб., 2009, С. 42.

достоинству либо имуществу, основанное на невнимательном и (или) небрежном отношении к своей судьбе, возможным событиям с его участием и контактам с людьми¹.

Потерпевший, не осознавая последствий своего легкомысленного поведения, игнорирует необходимые меры предосторожности, тем самым создавая почву для наступления опасных последствий. К примеру, А. в кафе познакомился с двумя мужчинами Б. и В. и пригласил их к себе домой. Там, решив проявить гостеприимство хозяина, А. сразу же начал демонстрировать новым знакомым свою коллекцию старинных монет, семейные драгоценности и т.п. После показа реликвий все расположились на кухне и начали распивать спиртные напитки. В определенный момент хозяин квартиры отправился спать в соседнюю комнату, а проснувшись, обнаружил пропажу коллекции старинных монет, золотых украшений, мобильного телефона и серебряной шкатулки, в которой хранилось 600 долл.²

Данный пример демонстрирует «ошибку жертвы преступления», выраженную в форме неосмотрительных поступков, с наступившими для потерпевшего тяжкими последствиями.

На сегодняшний день говорить о введении уголовной ответственности за ошибочное поведение жертв не представляется возможным, поскольку подобный подход нарушает их конституционные права, а также может негативно отразиться на механизме правового регулирования в целом. При этом очевидно, что ошибки потерпевшего могут оказать влияние на этиологию преступления. В связи с этим допускаем, что в подобных ситуациях суд может назначить наказание ниже установленного предела либо использовать другие виды смягчения наказания виновному, но для

¹ Онищук М.М. Ошибки потерпевшего в сфере уголовного права // Теория и практика общественного развития. 2024. № 1. С. 154.

² Приговор Усинского городского суда Республики Коми от 07 ноября 2018 по делу № 1–11/2018. URL: http://usinsksud.komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=698120081&case_uid=68cb07c7-2493-4946-a51d-67834c91afe&delo_id=285816&new= / (дата обращения: 07.03.2023).

этого правоприменителю необходимо учитывать следующие обстоятельства:

- 1) репутацию жертвы;
- 2) фактическую обстановку, которую жертва могла создать для причинителя вреда;
- 3) поведение жертвы, которое существенным образом способствовало возникновению условий для совершения преступного посягательства;
- 4) соразмерность и разумность реакции потенциального преступника на действия потерпевшего;
- 5) продолжительность взаимоотношений между жертвой и потенциальным преступником¹.

Подводя итоги рассмотрения, осуществленного в рамках данного параграфа, можно сформулировать ряд *выводов*:

1) Во взаимосвязи «жертва-преступник» существенное значение имеет заблуждение жертвы ввиду содержащегося в нем высокого виктимного потенциала.

2) В социальном смысле ошибочное поведение потерпевшего выражается в отступлении от действующих в любом обществе в тот или иной период времени общегражданских правил благоразумия и предусмотрительности, что противоречит законодательным расчетам и способно дезориентировать посягателя. Под *ошибкой потерпевшего* следует понимать заблуждение лица относительно потенциальной угрозы его жизни, здоровью, чести и достоинству либо имуществу, основанное на невнимательном и (или) небрежном отношении к своей судьбе, возможным событиям с его участием и контактам с людьми.

3) Поскольку потерпевший присутствует в подавляющем большинстве криминальных деликтов, считаем необходимым при назначении наказания виновному учитывать ошибочное поведение жертвы. В связи с этим предлагается дополнить ст. 60 УК РФ частью 4, изложив ее в следующей редакции:

¹ Онищук М.М. Ошибки потерпевшего в сфере уголовного права. С. 154.

«Статья 60. Общие начала назначения наказания

...

4. При назначении наказания необходимо учитывать ошибочное поведение потерпевшего, которому преступлением причинен вред».

4) Ошибочная деятельность потерпевшего слабо проработана в доктрине уголовного права, однако такого рода заблуждения представляют угрозу не только для него самого, но и оказывают влияние на поведение преступника. Рекомендуем законодателю внести изменения в ч. 1 ст. 61 УК РФ и признать ошибку потерпевшего в качестве обстоятельства, смягчающего наказание виновного. Предлагаем следующую редакцию нормы:

«Статья 61. Обстоятельства, смягчающие наказание

Смягчающими обстоятельствами признаются:

...

л) невнимательное и (или) небрежное отношение потерпевшего к самому себе, возможным событиям с его участием и контактам с людьми»¹.

¹ Данное предложение поддержали 108 из 123 опрошенных респондентов (88%) (см.: Приложение).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование различных доктринальных и правотворческих позиций по проблемам ошибок в уголовном праве России, а также ряда государств, принадлежащих к континентальной и англосаксонской правовым системам, позволяет сформулировать следующие *выводы*:

I. Из историко-правового анализа:

1.1 Исследование философско-правовой сущности феномена «ошибки» показал, что для различных исторических периодов характерно определенное свойственное им понимание ошибки в контексте истинного знания. Неоспоримость данного факта подтверждают философские воззрения величайших умов своего времени, выдвигавших различные подходы к понимаю ошибки, многообразие которых доказывает неоднозначность этого феномена. С развитием научной мысли происходит изменение понятия ошибки как явления, присущего всякой человеческой деятельности. Так, в эпоху античности под ошибками понималось расхождение между волей и ее выражением, а средневековая философия приравнивала ошибку к греху и подводила под нее теологическую основу. Истина в средневековых воззрениях имела каноническую форму, а искажение этой формы связывалось с грехом, выступающим в роли ошибки и носящим стихийный характер. В эпоху Возрождения ошибка и истина кардинально поменялись ролями: канонизация истины стала ошибкой, а последняя приобрела характер, автономный от теологических воззрений.

1.2 В следующий исторический период, именуемый Новым временем, произошло углубление в гносеологическую область философской мысли, что детерминировало рассмотрение феномена ошибки в контексте теории познания. Ошибка здесь стала приобретать главным образом характер отклонения от эмпирических данных либо же привязывалась к абстрактным понятиям о воле и разуме.

1.3 В XIX столетии произошло кардинальное переосмысление прошлой картины мира. Теперь мир и истина стали гетерогенными понятиями, а ошибка обрела качество неверного применения законов относительно определенных явлений.

1.4 XX в. ознаменовался формированием синтетической гносеологической теории, в рамках которой ошибка, как и истина, стала рассматриваться как феномен, имеющий вероятностный характер, зависимый от системы, в рамках которой она оценивается.

1.5 Становление и развитие института ошибки в российском уголовном праве и его теоретических обоснований стало осуществляться с начала XIX в. В этот период подходы к пониманию уголовно-правовых ошибок не отличались многообразием, несмотря на определенные различия. Большинство мыслителей связывали ошибки с субъективной стороной преступления, а само их понятие раскрывали через категорию «заблуждение». Ученые поддерживали традиционную классификацию ошибок: ошибки в праве (юридические ошибки) и ошибки в факте (фактические ошибки). Первой уделялось меньшее внимание, что обуславливалось приверженностью к незыблемому принципу «*ignorantia legis non excusat*». Тем самым отрицалось какое-либо значение ошибки в праве при квалификации деяния преступника (исключения допускались, но лишь с одобрения законодателя). Второй же, напротив, отдавалось большее исследовательское предпочтение, что подтверждается неоднозначностью научных подходов к ее пониманию и правилам квалификации деяния при наличии таковой. Именно в этот период уголовно-правовая ошибка стала рассматриваться как самостоятельное правовое явление. Вместе с тем ошибки иных субъектов уголовно-правовой сферы (правоприменитель, потерпевший) не выделялись и не исследовались.

1.6 Ученые советского периода расширили предшествующие представления об уголовно-правовых ошибках. Особое внимание ими было уделено причинам ошибочного поведения преступника, предложены новые

подходы к дифференциации ошибок в сфере уголовного права (извинительные и неизвинительные, виновные и невиновные, существенные и несущественные и т.д.). Однако целый ряд аспектов проблемы до сих пор вызывает дискуссии и представляет сложности в процессе практической реализации.

1.7 В XXI в. научный интерес к проблеме ошибок не угас, что подтверждается обилием научных работ в этой области. Помимо разработок новых подходов к пониманию ошибок и их классификации, авторы постепенно начинают отходить от традиционных «заблуждений преступника» в сторону ошибочной деятельности и других субъектов уголовно-правовой сферы.

1.8 Несмотря на достаточно обширную доктринальную базу в исследуемой области (с более чем 150-летней историей), законодатель не предусмотрел специальных норм в отечественном уголовном законе, что, бесспорно, является явным упущением, необоснованным отказом от следования исторической традиции. Анализ учений об ошибках показал, что стоит прислушаться к ученым-юристам, предлагающим включить в УК РФ соответствующие положения, определяющие признаки фактической и юридической ошибки, а также правила квалификации при их наличии.

II. Из сравнительно-правового анализа законодательства зарубежных стран:

2.1 Во второй половине XVIII – начале XX столетия интенсивно формировались концептуальные представления об ошибке в англосаксонской и континентальной правовых системах. Переработка философских воззрений об ошибках для нужд уголовно-правовой доктрины происходила в условиях крупномасштабного реформирования российской и западноевропейских законодательных систем. В результате преобразований эти системы конструктивно интегрировали в свой законодательный арсенал нормы, определяющие уголовную ответственность для лиц, в действиях которых имела место ошибка.

2.2 В ходе анализа соответствующих подходов в рамках англосаксонской правовой системы выявлено, что в подавляющем большинстве случаев фактическую ошибку ее адепты рассматривают в качестве инструмента защиты от уголовного преследования, т.е. она признается преимущественно извинительной.

2.3 Законодатели государств, принадлежащих к англосаксонской системе права, в том или ином виде предусматривают основания для юридической оценки ошибок в факте. При фактической ошибке причинитель вреда может утверждать, что у него не было намерения совершить преступное посягательство, так как он неверно понял конкретный факт. К примеру, обвиняемый может ссылаться на то, что он не совершал кражу чужого имущества, поскольку полагал, что имел право на вещь, которой завладел. Однако такого рода защита допустима лишь в том случае, если подобная ошибка является *честной и разумной*.

2.4 Ошибка в факте может использоваться в качестве юридической защиты от уголовного преследования, когда лицо показывает, что:

- а) он/она не имел намерения совершить преступление;
- б) он/она неправильно понял конкретный факт.

2.5 Когда речь идет об юридической ошибке, власти стран, принадлежащих к англосаксонской системе права, следуют постулату «незнание закона не является оправданием» и трактуют данный вид ошибки как обстоятельство, не исключающее уголовную ответственность, за редкими исключениями. К последним относятся следующие ситуации:

- а) отговариваться неведением допустимо, если запрещающий закон не был опубликован надлежащим образом;
- б) в действиях лица отсутствовали намерения совершить преступление;
- в) лицо действует «разумно», опираясь на официальную формулировку правового акта, впоследствии признанную ошибочной либо недействительной, содержащуюся в судебном решении или приговоре суда; административном приказе; правовом акте или в статуте; аутентическом

толковании должностным лицом или иным уполномоченным органом власти, на которые в соответствии с законодательством возложена обязанность в разъяснении применения закона, определяющем данное деяние как преступное.

Для установления юридической ошибки необходимо соблюдение следующих условий:

- а) ошибка должна быть честной;
- б) ошибка должна носить характер добросовестности.

2.6 Законодатели стран континентальной правовой системы стремятся предусмотреть в уголовных законах положения, относящиеся как к фактическим, так и к юридическим ошибкам. Однако в настоящее время превалирует тенденция к закреплению норм, регламентирующих ответственность лиц, действия которых основаны на заблуждении в фактических обстоятельствах совершенного деяния.

2.7 Ключевую роль в становлении института уголовно-правовых ошибок в странах романо-германской системы права сыграли французские и немецкие правоведы. Еще в начале XIX в. в национальных уголовных законах Германии содержались положения, касающиеся ответственности лиц, заблуждающихся относительно совершенных ими деяний. Во Франции такие нормы появились только в конце XX столетия. До этого момента вопросы ответственности лиц, заблуждающихся в фактических обстоятельствах содеянного, оставались неразрешенными, однако допускалась возможность ссылаться на неведение закона (юридическая ошибка). Она имела место в том случае, когда лицо совершило деяние не позднее 3 дней со дня официального опубликования правового запрета.

2.8 Юридические ошибки по общему правилу не освобождают лицо от уголовной ответственности. Вместе с тем в законах имеются определенные оговорки и исключения из правил. Зачастую они сводятся к: а) изменению формы вины (с умышленной на неосторожную); б) смягчению наказания причинителю вреда. Полное освобождение от наказания не допускается.

2.9 Фактические ошибки не могут выступать средством защиты от уголовного преследования в случае, если заблуждение вызвано небрежностью причинителя вреда. В данном случае законодатели стран континентальной системы права определяют содеянное как халатность.

III. В результате исследования ошибок субъектов уголовно-правовой сферы:

3.1 Правоприменительная ошибка в уголовном праве – это получающий отражение в соответствующем правоприменительном акте отрицательный результат профессиональной деятельности должностного лица специализированного юридического органа, являющийся следствием ненамеренного заблуждения либо несоблюдения соответствующих правил при толковании закона или оценке фактических обстоятельств дела, выражающийся в конечном счете в неправильном применении уголовного закона.

3.2 Исходя из основных направлений (средств) реализации уголовно-правовой политики, ошибки можно классифицировать на:

- а) правоприменительные ошибки в квалификации деяний;
- б) правоприменительные ошибки в сфере судебной (практической) пенализации преступлений;
- в) правоприменительные ошибки при реализации законодательно осуществленной дифференциации уголовной ответственности.

3.3 В числе правоприменительных ошибок в сфере судебной (практической) пенализации преступлений можно выделить следующие их виды: ошибки при учете отягчающих/смягчающих обстоятельств; ошибки при учете рецидива; ошибки при назначении максимально возможного наказания; ошибки при отмене и изменении приговора в сторону его ухудшения; ошибки при назначении наказания в виде ограничения свободы; ошибки при назначении дополнительного наказания; ошибки при сложении наказаний при совокупности преступлений и совокупности приговоров; ошибки при назначении наказания несовершеннолетним.

3.4 Правоприменительные ошибки при реализации законодательно осуществленной дифференциации уголовной ответственности – это заблуждения правоприменителя при решении вопросов освобождения от уголовной ответственности и от наказания, а также в установлении вида и размера наказания в пределах санкции соответствующей статьи. К ним относятся: ошибки при освобождении от уголовной ответственности и от наказания; ошибки при освобождении от уголовной ответственности и от наказания несовершеннолетних; ошибки при выборе вида и размера наказания.

3.5 Неточности правоприменителя в квалификации, назначении наказания и в освобождении от уголовной ответственности/наказания нужно именовать *ошибками* и ставить их в вину соответствующим должностным лицам, а неточности при установлении вида и размера наказания – *погрешностями*, извинительные варианты которых не должны влечь за собой негативных правовых последствий для субъектов, применяющих право.

3.6 Вопрос о размерах компенсаций вреда лицам, в отношении которых осуществлялось незаконное уголовное преследование, является одним из самых сложных и существенных. В связи с этим предлагается формула расчета компенсаций жертвам правоприменительных ошибок, адаптированная к случаям необоснованного осуждения виновных к лишению свободы: $D = N * k * Y * S - Z$.

3.7 В качестве наиболее эффективной меры по преодолению ошибок в сфере применения уголовного права является установление ответственности не только для индивидуального субъекта, применяющего право, но и для всего ведомства, которое этот субъект представляет.

3.8 В целях улучшения качества правоприменительной деятельности и правоприменительного процесса, а также исходя из действующих правовых реалий, предлагается следующая методика реагирования на соответствующие ошибки: впервые совершенные субъектом правоприменения ошибки извинительного типа не могут влечь за собой мер

санкционного характера, вторичные заслуживают дисциплинарной ответственности, за «систематические ошибки» дополнительно должна следовать финансовая ответственность соответствующего учреждения.

3.9 Ошибка субъекта преступного посягательства оказывает влияние на форму вины, ее содержание и объем. Юридическая ошибка, по общему правилу, не исключает уголовную ответственность лица за исключением случаев, когда его заблуждение относительно противоправности совершенных действий было извинительным. Фактическая ошибка должна влиять на уголовную ответственность с учетом направленности умысла субъекта преступного посягательства.

3.10 В настоящее время устоявшийся принцип «*ignorantia legis non excusat*» нуждается в переосмыслении и модификации, поскольку данная установка явно не соответствует действительности и противоречит общепризнанной идее субъективного вменения. При такой массе уголовно-правовых норм, внесении постоянных изменений в Уголовный кодекс, многообразии судебной практики, основанной на толковании уголовного закона, ошибок, допускаемых правоприменителями, общество не может знать и половины имеющихся законов. При этом речь идет исключительно об уголовном праве, но рядовому обывателю надлежит знать нормы и других отраслей юриспруденции – гражданского, административного и др. В результате в современной правовой действительности за свое незнание он вынужден «расплачиваться» не только материальными ценностями, но и свободой.

3.11 В исключительных случаях, когда лицо не знало о преступном характере своего посягательства, не имело возможности приобрести эти знания, а общественная опасность совершенного им деяния не была очевидной, такое заблуждение должно оказывать влияние на уголовную ответственность. Под «исключительными обстоятельствами» стоит, в частности, понимать совершение преступного посягательства при отсутствии знаний о его противоправности иностранным гражданином, находящимся на

территории РФ, законодательство которой отличается от права страны его проживания (политический режим, религия, обычаи и т.д.); лицом без гражданства, постоянно не проживающим на территории РФ; лицом, отстающим в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством.

3.12 Институт юридической ошибки нуждается в правовой регламентации и отражении в отечественном уголовном законе. Считаем допустимым предоставить право ссылаться на незнание закона лицам, обладающим особыми психическими и социальными свойствами, в связи с чем предлагается внести в закон дополнительное обстоятельство, исключающее преступность деяния. Рекомендуем законодателю гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» дополнить ст. 42¹ «Юридическая ошибка» и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 42¹. Юридическая ошибка

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, которое не могло знать о существовании уголовно-правового запрета в силу обладания особыми психическими и (или) социальными свойствами.

2. Лицо, обладающее специальными знаниями, обязанное в силу осуществляемой им деятельности или занимаемой должности знать и выполнять соответствующие правила, не может ссылаться на незнание уголовно-правового запрета».

3.13 Полагаем, что *сознание противоправности* необходимо признавать частью вины и критерием ошибки только *специальных субъектов*. При осуществлении определенной профессиональной деятельности субъект должен обладать соответствующей квалификацией, выполнять должностные обязанности, знать границы предоставленных ему полномочий и не выходить за их рамки. Поэтому лицо, обладающее специальными знаниями, обязанное в силу осуществляемой им деятельности или занимаемой должности знать и выполнять соответствующие правила, не может ссылаться на незнание

уголовно-правового запрета.

3.14 Отсутствие специальных норм, посвященных фактическим ошибкам, довольно часто создает сложности в правоприменительной практике, в связи с чем формирование субинститута фактической ошибки в рамках института вины с последующим его законодательным отражением видится одной из приоритетных нормотворческих задач. Полагаем целесообразным, в том числе с учетом соответствующего зарубежного опыта, включить в уголовный закон норму, определяющую правила квалификации содеянного при наличии в действиях лица фактической ошибки. Предлагается следующая ее редакция:

«Статья 28¹. Ошибка в фактических обстоятельствах деяния

1. Лицо, совершившее умышленное преступление, заблуждение относительно фактических обстоятельств которого воспрепятствовало доведению преступного намерения до конца, подлежит уголовной ответственности за совершенное преступление со ссылкой на часть третью статьи 30 настоящего Кодекса.

2. Лицо, совершившее умышленное преступление, заблуждение относительно фактических обстоятельств которого не явилось препятствием для доведения преступного намерения до конца, подлежит уголовной ответственности за оконченное преступление.

3. Если умысел лица был направлен на причинение вреда объекту, посягательство на который влечет более строгое наказание, однако в действительности вред причиняется объекту, посягательство на который влечет менее строгое наказание, то деяние квалифицируется в качестве покушения на преступление, охватываемое умыслом виновного. Если вред по ошибке причиняется равноценному объекту, то деяние квалифицируется по фактически наступившим последствиям.

4. Если лицо совершает деяние, опасные последствия которого, охватываемые умыслом виновного, возникают не из его деяния, а по другим причинам, оно подлежит уголовной ответственности за покушение на

преступление, охватываемое его умыслом.

5. Если лицо, совершающее умышленное преступление, заблуждается относительно наличия отягчающих обстоятельств содеянного, которые в действительности отсутствуют, оно подлежит уголовной ответственности по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за совершенное преступление при наличии соответствующего квалифицирующего признака.

6. Если лицо, совершающее умышленное общественно опасное деяние, заблуждается относительно отсутствия отягчающих обстоятельств содеянного, которые в действительности присутствуют, оно подлежит уголовной ответственности по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за совершенное преступление без отягчающих обстоятельств».

3.15 В социальном смысле ошибочное поведение потерпевшего выражается в отступлении от действующих в любом обществе в тот или иной период времени общегражданских правил благоразумия и предусмотрительности, что противоречит законодательным расчетам и способно дезориентировать посягателя. Под *ошибкой потерпевшего* следует понимать заблуждение лица относительно потенциальной угрозы его жизни, здоровью, чести и достоинству либо имуществу, основанное на невнимательном и (или) небрежном отношении к самому себе, возможным событиям с его участием и контактам с людьми.

3.16 Поскольку потерпевший присутствует в подавляющем большинстве криминальных деликтов, считаем необходимым при назначении наказания виновному учитывать ошибочное поведение жертвы. В связи с этим предлагается дополнить ст. 60 УК РФ частью 4, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 60. Общие начала назначения наказания

...

4. При назначении наказания необходимо учитывать ошибочное

поведение потерпевшего, которому преступлением причинен вред».

3.17 Ошибочная деятельностью потерпевшего слабо проработана в доктрине уголовного права, однако такого рода заблуждения представляют угрозу не только для него самого, но и оказывают влияние на поведение преступника. Рекомендуем законодателю внести изменения в ч. 1 ст. 61 УК РФ и признать ошибку потерпевшего одним из обстоятельств, смягчающих наказание виновного. Предлагаем следующую редакцию нормы:

«Статья 61. Обстоятельства, смягчающие наказание

Смягчающими обстоятельствами признаются:

...

л) невнимательное и (или) небрежное отношение потерпевшего к самому себе, возможным событиям с его участием и контактам с людьми».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Нормативные правовые акты, памятники отечественного права и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 г. Резолюцией 58/4 на 51 пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

«КонсультантПлюс».

8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Тип. 2 отд-ния собств. Е. и. в. канцелярии, 1845. [4], IV, 898, XVII с.

9. Уголовное Уложение 1903 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 томах / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1994. 430 с.

2 Международное и современное зарубежное законодательство

10. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью: принята Генеральной Ассамблеей ООН 29.11.1985. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=195#oJ5C42TiSVrNAxTU1>.

11. Уголовный кодекс Австралии / под ред. И.Д. Козочкина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 386 с.

12. Уголовный кодекс Австрии / под ред. С.Ф. Милюкова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 350 с.

13. Уголовный кодекс Венгерской Народной Республики 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0ahUKEwiQ_Ob31IPRAhUH3iwKHfWUCLoQFgggMAE&url=http%3A%2F%2Fwww.legislationline.org%2Fdownload%2Faction%2Fdownload%2Fid%2F5619%2Ffile%2FHungary_Criminal_Code_of_2012_en.pdf&usg=AFQjCNEaUNkhLA6gNpO1VC1WvPThmK5JAA&sig2=NaYV2IH5jP3Do8JwxAXpvA&cad=rjt.

14. Уголовный кодекс Испании 1995 / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М.: ЗЕРЦАЛО, 1998. 213 с.

15. Уголовный кодекс Италии / под ред. М.М. Исаева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 176 с.

16. Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии. М.: Юридическая литература, 1970. 176 с.
17. Уголовный кодекс Республики Армения 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: http://parliament.am/law_docs_8/27052021НО199_rus.pdf.
18. Уголовный кодекс Республики Ботсваны. [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=238601.
19. Уголовный кодекс Франции 1992 г. / под ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой. СПб.: Юридический центр Пресс, 1994. 648 с.
20. Уголовный кодекс ФРГ в ред. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://constitutions.ru/?p=5854>.
21. Примерный Уголовный кодекс Соединенных Штатов Америки / под ред. Б.С. Никифорова. М.: Прогресс, 1969. 303 с.
22. Уголовный кодекс штата Висконсин. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.legis.wisconsin.gov/statutes/statutes/939>.
23. Уголовный кодекс штата Кентукки. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lrc.ky.gov/Legislation.htm>.
24. Уголовный кодекс штата Нью-Джерси. [Электронный ресурс]. URL: <http://law.justia.com/codes/new-jersey/2013/title-2c/section-2c-2-4/>.
25. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк. [Электронный ресурс]. URL: <http://ypdcrime.com/penal.law/article15.htm>.
26. Уголовный кодекс штата Техас. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statutes.legis.state.tx.us/?link=PE>.

3 Судебная практика и статистические материалы

27. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 (ред. от 11.06.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

28. Заключение о результатах проверки законности и обоснованности реабилитирующего решения суда от 27.07.2018. Ростов-на-Дону.

29. Заключение о результатах проверки законности и обоснованности реабилитирующего решения суда от 02.11.2018. Ростов-на-Дону.

30. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/?id=79>.

31. Приговор Апшеронского районного суда Краснодарского края от 17.02.2016 г. по делу № 1–7/2016. URL: https://apsheronskkrd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8287463&case_uid=1bb19b37-52d5-400d-b16d-9efc2f9b1fc1&delo_id=2638760&new=/.

32. Приговор Буденновского суда Ставропольского края от 08.08.2019 г. по делу № 1–223/2019. URL: https://budenovskystv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=147484583&delo_id=1540006&new=&text_number=1.

33. Приговор Дербентского городского суда Республики Дагестан от 02.02.2017 г. по делу № 1–43/2017. URL: https://derbent-gsdag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=113320719&case_uid=7d30eeb2-3335-4cb5-9ece-28e846421a14&delo_id=1540006&new=.

34. Приговор Еравнинского районного суда Республики Бурятия от 12.05.2020 по делу № 1–79/2020. URL: https://eravninskybur.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=192867526&case_uid=ebb55515-b853-47d2-8698-7ca43d36616e&delo_id=1540006&new=.

35. Приговор Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону от 20.12.2021 г. по делу № 1–641/2021. URL: <https://zheleznodorozhny>

ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=12073261&case_uid=ea42210d-5a58-4e47-9ea7-c5de6a34e0f1&delo_id=1540006&new=.

36. Приговор Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 17.03.2015 года по делу № 1–33/2015. URL: https://lenn-spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=476562552&case_uid=d61fedee-5d1e-425f-b5ca-f92319a21552&delo_id=1440206&new=/.

37. Приговор Ленинского суда г. Красноярска от 07.10.2019 г. по делу № 1–352/2019. URL: http://lenins-krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=350763105&case_uid=8d67fcd1-5663-4a7d-be05-ed2a6b3cb882&delo_id=1540006&new=.

38. Приговор Майского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 23.10.2020 по делу № 1–163/2020. URL: https://maysky-kbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=38411167&case_uid=3ce4ee85-8546-4c9a-a5eb-382fd1a1cf84&delo_id=1540006&new=.

39. Приговор Мытищинского городского суда Московской области от 16.09.2019 г. по делу № 1–418/2019. URL: https://mitishy-mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=159523967&delo_id=1540006&new=&text_number=1.

40. Приговор Пензенского районного суда Пензенской области от 19.03.2013 по делу № 1–86.1/2013. URL: https://penzensky-pnz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=116174210&case_uid=007b70d6-fcd0-4db5-8dbba-d91cfee3d4a7&delo_id=1540006&new=/.

41. Приговор Пряжинского районного суда Республики Карелия от 10.11.2010 по делу № 1–59/2010. URL: https://priazhsky-kar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=

69920325&case_uid=74be8b02-217d-49f3-b473-
fdf7c4bf0323&dello_id=1540006&new=/.

42. Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 12.07.2012 по делу № 1–625/2012. URL: https://syktsud-komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=58775391&case_uid=b235f95d-410f-46a7-b954-0d9c9f2d2af0&dello_id/.

43. Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области от 25.08.2014 г. по делу № 1–510–11 // Архив Таганрогского городского суда Ростовской области за 2011 г. Дело № 1–510–11.

44. Приговор Усинского городского суда Республики Коми от 07.11.2018 по делу № 1–11/2018. URL: [http://usinksud.komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=698120081&case_uid=68cb07c7-2493-4946-a51d-67834c91afe&dello_id=285816&new= /](http://usinksud.komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=698120081&case_uid=68cb07c7-2493-4946-a51d-67834c91afe&dello_id=285816&new=/).

45. Приговор Уфимского районного суда Республики Башкортостан от 30.03.2010 по делу № 1–85/2010. URL: [https://ufimsky-bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=103644096&case_uid=66131a4c-bc4b-4a28-a1fa-8dcb483226d1&dello_id=1540006&new= /](https://ufimsky-bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=103644096&case_uid=66131a4c-bc4b-4a28-a1fa-8dcb483226d1&dello_id=1540006&new=/).

46. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 17.10.2018 по делу № 1–461/2018. URL: https://centralny-sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=137821508&_uid=&_delloId=1550006&_caseType=0&_new=1&srv_num=1.

47. Приговор Шимановского районного суда Амурской области от 07.11.2014 г. по делу № 1–198/2014. URL: https://shimanovskiy-amr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=9509316f-c2f7-4659-98d4-2e0d721e6e19&_delloId=1540006&_caseType=0&_new=0&srv_num=1&_hideJudge=0.

48. Приговор Шумихинского районного суда Курганской области от 03.03.2014 по делу № 1–5/2014. URL: <https://shumihinsky->

krf.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=657119080&case_uid=68cb08c7-7583-4615-a49d-903a36c71afe&delo_id=1550006&new= /.

49. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.03.2018 г. № 92-УД17-11 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 9. С. 42–44.

50. Постановление в отношении Б., признанного виновным в совершении административного правонарушения по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ // Архив Судебного участка № 126 Мытищинского района Московской области за 2014 г. Дело № 5–162/2014.

51. Постановление в отношении Б., признанной виновной в совершении административного правонарушения по ст. 19.23 КоАП РФ // Архив Судебного участка № 375 Пресненского района города Москвы за 2018 г. Дело № 05–0268/2018.

52. State v. Davis, 63 Wis. 2d 75, 216 N.W.2d 31 (1974).

53. State v. Lindvig, 205 Wis. 2d 100, 555 N.W.2d 197 (Ct. App. 1996), 96-0235.

54. Regina v. Morgan (1975) 2 W.L.R. 923. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/46711902.pdf>.

55. Lambert v. California 355 U.S. 225 (1957). [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us255/225/case.html>.

4 Монографии, учебники, учебные пособия, комментарии

56. Абдрасулова К.Р., Алауханов Е.О., Бойко А.И. Защита потерпевших от преступлений: государственная забота и благоразумие потенциальных жертв: науч.-практ. Пос. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013. 231 с.

57. Андрианов В.К., Дорогин Д.А., Корсун Д.С. Ошибки в квалификации преступлений: монография / под ред. Ю.Е. Пудовочкина.

М.: РГУП, 2020. 424 с.

58. Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1994. 394 с.
59. Аристотель. Сочинения: в 4 томах. Том 2. М.: Мысль, 1978. 687 с.
60. Бартошек М. Римское право. М.: Юридическая литература, 1989. 448 с.
61. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Юриздат, 1939. 181 с.
62. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник Русского уголовного права. Часть 1. Киев: Южно-Русское кн-во Ф. А. Иогансона, 1903. 618 с.
63. Боргош Ю. Фома Аквинский. М.: Мысль, 1975. 183 с.
64. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I: том 1. М.-Л., 1945. 602 с.
65. Гегель Г. Сочинения. Т. 4. М.: Мысль, 1959. 448 с.
66. Геллер I.З. Ошибка человека и ее значение, при вменении этого лица ему в вину. Юрьевъ: тип. К. Маттисена, 1910. 144 с.
67. Гилязев Ф.Г. Вина и криминогенное поведение личности. Уголовно-правовые, криминологические и социально-психологические черты. М.: ВЗПИ, 1991. 114 с.
68. Гилязев Ф.Г. Особенности вины и значение ошибки в уголовном праве. Уфа: Башкирский университет, 1993. 110 с.
69. Голик Ю.В. Истина в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. 53 с.
70. Дагель П.С. Обстоятельства, исключаящие виновность субъекта и влияющие на форму вины. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 1973. 187 с.
71. Декарт Р. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1989–1994. 654 с.
72. Дождев Д.В. Римское частное право. М.: «ИНФРА-М», 1996. 685 с.
73. Елисеев Г. З. «Наказ императрицы Екатерины II о сочинении проекта нового Уложения». СПб.: Типография Императорской академии

наук, 1907. 334 с.

74. Есаков Г. А. *Mens Rea* в уголовном праве Соединенных Штатов Америки. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 551 с.

75. Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран. М.: Проспект, 2009. 336 с.

76. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М.: Проспект, 2006. 560 с.

77. Жильсон Э. Избранное: Христианская философия. М.: РОССПЭН, 2004. 704 с.

78. Заботин П.С. Преодоление заблуждения в научном познании. М.: МЫСЛЬ, 1979. 191 с.

79. Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. Саратов: Изд. Саратовского университета, 1985. 135 с.

80. Институции Гая. *Gai Institutionum commentarii quattuor* / под ред. Д.В. Дождева. М.: Статут, 2020. 384 с.

81. Карпец И.И. Уголовное право и этика. М.: Юридическая литература, 1985. 256 с.

82. Карташов В.Н. Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики). Ярославль: Изд. Ярославского государственного университета, 1992. 88 с.

83. Квалификация преступлений: учеб. пос. / Наумов А.В., Пикуров Н.И., Яни П.С., Капинус О.С., Ображиев К.В., Пархоменко С.В., под ред. О.С. Капинус. 2 изд. М.: Издательство Юрайт, 2020. 204 с.

84. Кенни К. Основы уголовного права. М.: Изд. Иностранной литературы, 1949. 599 с.

85. Кириченко В.Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М.: Изд. Академии наук СССР, 1952. 96 с.

86. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. Киев: Унив. Типография, 1891. 413 с.

87. Козочкин И.Д. Уголовное право зарубежных государств. Общая и Особенная части. М.: Волтерс Клувер, 2013. 1054 с.
88. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. 347 с.
89. Коржанский, Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений. Волгоград: Высшая следств. Школа, 1976. 120 с.
90. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток: Дальневосточный университет, 1982. 267 с.
91. Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь. Саратов: Изд. Саратовского университета, 1999. 219 с.
92. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. 244 с.
93. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юристъ, 2001. 305 с.
94. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. И доп. М.: Юристъ, 2004. 304 с.
95. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М.: Городец, 2007. 332 с.
96. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1 / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. 611 с.
97. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: Норма, 2000. 178 с.
98. Локк. Дж. Сочинения. Том 2. М.: Мысль, 1988. 559 с.
99. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 337 с.
100. Майоров А.В. Концептуальные основы виктимологического

- противодействия преступности. Челябинск: Изд. Центр ЮурГУ, 2013. 182 с.
101. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М.: Проспект, 2017. 755 с.
102. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 2017. 1375 с.
103. Пикуров Н.И. Комментарий к судебной практике квалификации преступлений на примере норм с бланкетными диспозициями. М.: Юрайт, 2009. 488 с.
104. Полянский Н.Н. Уголовное право и уголовный суд Англии. М.: Юридическая литература, 1969. 399 с.
105. Рарог А.И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. М.: Проспект, 2014. 784 с.
106. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев [и др.]; под ред. А.И. Рарога. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 841 с.
107. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 1. СПб.: Петрополис, 1994. 320 с.
108. Сверчков В.В. Уголовное право. Общая и Особенная часть. М.: Высшее образование, 2019. 603 с.
109. Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего и Уголовный закон. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 308 с.
110. Скакун О. Ф. Теория государства и права. Харьков: Харьковский унив. внутренних дел, 2000. 704 с.
111. Сморгчов А.И., Симагина Н.А. Проблемы квалификации преступлений в судебной практике: учеб. пос. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. 192 с.
112. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. М.: Наука, 1994. 419 с.
113. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. М.: Наука, 2011. 746 с.

114. Таганцев Н.С. Русское уголовное право в 2 ч. М.: Наука, 2019. 414 с.
115. Утевский Б.С. Уголовное право. М.: Юридическая литература, 1949. 280 с.
116. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М.: Юридическая литература, 1950. 318 с.
117. Фаргиев И.А. Уголовно-правовые и криминологические основы учения о потерпевшем. СПб.: Изд. АПСН СКНЦ ВШ, 2009. 348 с.
118. Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе: Ирфон, 1977. 237 с.
119. Фридман Б.Д. Преступление и наказание по Уложению о Наказаниях. М.: В.М. Саблин, 1912. 227 с.
120. Фридмэн Л. Введение в американское право. М.: Прогресс, 1992. 284 с.
121. Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань: Издат. Казанского университета, 1998. 126 с.
122. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти: ТолПИ, 1998. 290 с.

5 Научные статьи, периодические издания

123. Алауханов Е.О. Кого, за что и как мы будем судить завтра? // Казахстанская правда. 1994. № 4. С. 12–22.
124. Акимочкин В.И. Ошибка субъекта преступления в уголовном праве зарубежных стран // Научные труды № 1. Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития. Саратов: Саратовский источник. 2013. С. 5–22.
125. Акимочкин В.И. К вопросу о мнимой обороне и фактической ошибке в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4). № 3. С. 330–334.

126. Ахмедшина Н.В. Механизм взаимодействия между жертвой преступления и преступником // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 172–176.

127. Безрукова Т.И. Проблема квалификации деяния, совершенного в условиях фактической ошибки // Российский юридический журнал. 2007. № 3 (55). С. 149–153.

128. Бойко А.И. Типичные погрешности в применении уголовного закона // Правоприменительные ошибки сотрудников таможенных органов: сб. науч. трудов. Ростов н/Д, 2001. С. 5–7.

129. Бойко А.И. Сознание противоправности, или что «должен» знать преступник // LEX RUSSICA. Том LXVII. 2008. С. 508–518.

130. Бойко А.И. Битый небитого везёт? // Судья. 2017. № 11. С. 23–29.

131. Бойко А.И., Онищук М.М. Учение об ошибках в континентальной системе права // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 2 (81). С. 114–116.

132. Борков В.Н. О недопустимости исправления «ошибок» законодателя в процессе квалификации преступлений // Законодательство и практика. 2016. № 2 (37). С. 40–42.

133. Борков В.Н., Николаев К.Д. Пробелы уголовного закона не могут компенсироваться нарушением правил квалификации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 30–39.

134. Волеводз А.Г. Истина в уголовном судопроизводстве: точки зрения, сомнения и аргументы науки // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). С. 5–6.

135. Вопленко Н.Н. Ошибки в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. 1981. № 4. С. 38–46.

136. Гацайниева А.К. Юридическая ошибка: виды и влияние на уголовную ответственность // Образование и право. 2020. № 8. С. 368–372.

137. Духовник Ю.Е. Развитие и отражение ошибки в наличии

обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве Российской Федерации и Республики Беларусь // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8 (57). С. 110–115.

138. Иванов Н.Г. Уголовный кодекс России – прелюдия к оптимуму // Весь мир живет до тех пор, пока живет память человека. 2006. С. 37–49.

139. Клещина Е.Н. Жертва преступления как объект криминологического учения о жертве преступления // Вестник Московского университета МВД РФ. 2010. № 2. С. 96–99.

140. Клочков В.В., Онищук М.М. Юридические и фактические ошибки в американском уголовном праве // Право и образование. 2022. № 4. С. 87–88.

141. Колиева А.Э. Становление и развитие института ответственности государства за вред, причиненный правоохранительными органами // Проблемы экономики и юридической практики. 2010. С. 72–75.

142. Колосовский В.В. Ошибка субъекта применения норм уголовного права // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 108–117.

143. Кондратюк Б.Г. Юридические и фактические ошибки. // Уголовное право. Киев., 2019. № 2. С. 25–30.

144. Кони А.Ф. Об ошибке в области уголовного права // Журнал Министерства юстиции. 1866. № 6. С. 419–444.

145. Коновалова М.А. Уголовно-правовая ошибка в дореволюционном праве России // Современное общество и право. 2013. № 4. С. 99–104.

146. Коняхин В.П., Огородникова Н.В. Беременность как квалифицирующий признак состава преступления // Ученые записки. Краснодар, 2005. № 4. С. 260–262.

147. Коптякова Л.И. Понятие ошибок в советском уголовном праве и их классификация // Проблемы права, социалистической государственности и социального управления. Свердловск. 1978. С. 101–114.

148. Кузнецова Н.Ф., Решетников Ф.М. Основные черты нового

Уголовного кодекса Испании // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1998. № 2. С. 65–74.

149. Кузнецова Н.Ф. Уголовное значение «вины потерпевшего» // Советская юстиция. 1967. № 17. С. 15–17.

150. Мальков С.М. Некоторые вопросы квалификации хищения наркотических средств по субъективным признакам // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2016. № 1 (22). С. 25–30.

151. Мамченко Д.М. Юридические ошибки. Понятие, виды, значение // Образование. Юридические науки. 2020. № 3–2. С. 72–76.

152. Назаров В.И., Майоров А.В. Виктимология: вчера, сегодня, завтра // Виктимология. 2014. № 1 (1). С. 6–12.

153. Новичков В.Е. Субъективное вменение в современном уголовном праве России и заблуждение лица, совершившего общественно опасное деяние // Таврический научный обозреватель. 2017. № 3–1 (20). С. 5–9.

154. Онищук М.М. Ошибка и заблуждение в уголовном праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 1. С. 176–181.

155. Онищук М.М. Эволюция представлений о феномене ошибки в философии и праве досоветского периода // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 2 (81). С. 109–113.

156. Онищук М.М. Учение об ошибках в английском уголовном праве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 2 (117). С. 102–104.

157. Онищук М.М., Козлова Н.Н. Юридические ошибки в уголовном праве: понятие и виды // Наука и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. 2022. № 11. С. 285–288.

158. Онищук М.М., Пила К.И. Превышение пределов необходимой обороны. Мнимая оборона как фактическая ошибка // Актуальные проблемы юридической науки: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. 2023. № 11. С. 156–159.

159. Онищук М.М. Ошибки потерпевшего в сфере уголовного права // Теория и практика общественного развития. 2024. № 1. С. 151–155.
160. Паркина А.В., Уздимаева Н.И. Правоприменительная ошибка: понятие и признаки // Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва. Саранск, 2015. № 16 (57). С. 1–3.
161. Пикуров Н.И. Нужна ли уголовному праву истина? // Уголовное право. 2013. № 4. С. 129–138.
162. Пономарев К.Н. Нарушение законности в правоприменительной деятельности: к вопросу об ответственности должностных лиц (правоприменителей) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 5. С. 89–90.
163. Рахманин С.В. Проблема опровержимости презумпции знания закона и юридическая ошибка в уголовном праве // Право и политика. 2019. № 3. С. 40–45.
164. Решетников А.Ю. Квалификационные ошибки: сущность, классификация и причины // Журнал российского права. 2016. № 10 (238). С. 89–95.
165. Рубанцова Т.А. Теоретические проблемы толкования права // Наукосфера. 2021. № 3–1. С. 152–156.
166. Сабитов Р.А. Соотношение понятий «потерпевший от преступления», «пострадавший от преступления» и «жертва преступления» // Виктимология. 2014. № 1 (1). С. 17–25.
167. Сабитов Р.А., Сабитова Е.Ю. Уголовно-правовое значение заглаживания вреда, причиненного преступлением // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. С. 54–55.
168. Сиренко А.И. Покушение на преступление. Уголовно-правовые аспекты // Актуальные проблемы уголовного права. 2012. № 3. С. 107–110.
169. Ситникова А.И. Квалификация деяний, связанных с фактическими ошибками // Российский судья. 2016. № 4. С. 38–42.

170. Тилле А. А. Презумпция знания законов // Правоведение. 1969. № 3. С. 34–39.

171. Чугаев В.В. Детерминанты правоприменительных ошибок сотрудников органов наркоконтроля // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 4 (17). С. 133–139.

172. Ханцева Г.Г. Анализ проблемы исправления в уголовно-исполнительной системе в России // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 4 (16). С. 102–107.

173. Яни П.С. Законодательное определение потерпевшего от преступления // Российская юстиция. 1995. № 4. С. 38–45.

174. Яни П.С. Неопределённость уголовного закона порождает неразрешимые проблемы правоприменения // Законность. 2020. № 6 (1028). С. 32–37.

175. Яни П.С. Определенность уголовного закона как условие эффективности уголовно-правового противодействия преступности // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: материалы XII Российского конгресса уголовного права. М., 2020. С. 326–331.

6 Диссертации, авторефераты диссертаций

176. Алиев З.Г. Ошибка как особое обстоятельство оценки поведения субъекта преступления и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Сургут, 2007. 213 с.

177. Бабай А.Н. Юридическая квалификация правового поведения личности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. 215 с.

178. Духовник Ю.Е. Ошибка в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве Республики Беларусь и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 170 с.

179. Кливер И.Я. Уголовно-правовые судебные ошибки,

квалификации преступлений и их предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. 18 с.

180. Кожевников О.А. Юридическая ответственность в системе права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 194 с.

181. Колосовский В.В. Ошибки в квалификации уголовно-правовых деяний: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. 192 с.

182. Кочетков А.А. Фактическая ошибка и квалификация преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 197 с.

183. Латушкин М.А. Обеспечение законности применения мер государственно-правового принуждения (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2010. 237 с.

184. Мурсалимов К.Р. Правоприменительные ошибки. Проблемы теории: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 182 с.

185. Прохоров А.Ю. Институт ошибки в романо-германском уголовном праве: компаративистский и теоретико-прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 222 с.

186. Русских В.В. Правоприменительные ошибки сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1998. 154 с.

187. Спиридонова Л.Э. Уголовно-правовое значение фактической ошибки при квалификации преступлений против жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 33 с.

188. Фаткуллина М.Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве (проблемы квалификации): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 199 с.

189. Цветов С.Б. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами МСУ, а также их должностными лицами: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. 186 с.

7 Литература на иностранных языках

190. Bachmaier L. Criminal law in Spain. Kluwer Law International, 2010. 345 p.
191. Bermann A. Introduction to French Law. Kluwer Law International, 2008. 185 p.
192. Criminal Law for the 21st Century: A Model Code for Singapore. 373 p. URL: https://books.google.ru/books/about/book.html?id=sCEUBAAAQBAJ&printsec=frontcover&source=kp_read_button&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.
193. Di Amato A. Criminal law in Italy. Kluwer Law International, 2011. 224 p.
194. Dolaptchieff N. Criminal law in Bulgaria, 23 Am. Inst. Crim. L. & Criminology, 1933. P. 1118.
195. Drapkin I., Viano E. Victimology: A new focus, violence and its victim. Lexington Books. 1974. p 208. URL.: https://books.google.ru/books/about/Violence_and_its_victims.html?id=NkPAQAAMAAJ&redir_esc=y.
196. Ebke V., Finkin M. Introduction to German Law. Supra note 53, 1996. 466 p.
197. Feuerbach's Bavarian Criminal Code. The Birth of Liberal, Modern and Rational Criminal Law. 2014. IX. 547 p.
198. Fletcher G. Rethinking criminal law. Oxford University Press, Oxford. 2020. 905 p.
199. Grace B. Ignorance of the British criminal law. UK. L Rev 87. 2010. 624 p.
200. Hans von Henting. The Criminal and His Victim. New Haven: Yale University Press, 1948. 461 p.
201. Husak P. Mistake of Law and Culpability // Criminal law and philosophy, 2010. 135–159 p.

202. Jefferson M. Criminal Law, 1-th Edition. Pearson, 2013. 662 p.
203. Jescheck H.H, Weigend T. Lehrbuch des Strafrechts, Allgemeiner Teil. Duncker & Humblot GmbH, Berlin. 1996. 1029 p.
204. Karsai K., Szomora Z. Criminal law in Hungary. Kluwer Law International, 2010. 246 p.
205. Kirsch A. Mistake of law in French criminal law // *Amicus Curiae*, 2012. 25–28 p.
206. Meese E., Larkin P. Reconsidering the Mistake of Law Defence // *Journal of Criminal Law and Criminology*, V. 102, 2012. 725–784 p.
207. Mendelsohn B. Victimology and contemporary society's trends // *Victimology: An International Journal*. 1976. Vol. 1 (1). P. 8 – 28.
208. Mikhail M. Onishchuk. The Legal Technology Mistake and Mistake in Qualifying: Cause and Effect / Mikhail M. Onishchuk, Elena A. Pashchenko, Irina V. Thibeault // MCSER Publishing, Rome-Italy. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. SCOPUS. Vol.6, No.6, November 2015. Supplement 3. Rome, Italy. 2015 (SCOPUS). P. 290–294.
209. Ntanda Nsereko D.D. Criminal law in Republic of Botswana. Kluwer Law International, 2011. 334 p.
210. Oliver Michael D. The Victim. Theory and practice, Law Society. School Law, London, 1971. 345 p.
211. Perkins Rollin M. Ignorance and Mistake in Criminal Law, 88 U. Pa. L. Rev. 35 (1939-1940). [Электронный ресурс]. URL: <https://library.law.uiowa.edu/rollin-m-perkins>.
212. Pradel J Manuel de droit pénal général. Cujas, Paris, 2012. 117 p.
213. Roxin C. Strafrecht Allgemeiner teil, Band I, Grundlagen, der Aufbau der Ver-brechenslehre. C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. München, 1994. 916 s.
214. Roxin C. Strafrecht Allgemeiner teil, Band I, Grundlagen, der Aufbau der Ver-brechenslehre, 4th edn. C.H. Beck. Munchen, 2006. 394 p.

215. Schafer S. Introduction to criminology. Reston, Va.: Reston Pub. Company. 1976. 291 p.
216. Simons K. Victim fault and victim strict responsibility in Anglo-American Tort law. *Journal of Tort Law*. 2016. 17, 32 p.
217. Smith A. Mistakes of law in Anglo-American criminal law. *Anglo-Am L Rev* 14:3–32. 1985. 37 p.
218. The Criminal code of the German empire, the Lawbook Exchange. Ltd. New Jersey, 2005. 365 p.
219. The Criminal Damage Act of 1971. [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.net/15129924-Criminal-damage-act-1971.html>.
220. The Thief Act of 1968. [Электронный ресурс]. URL: <https://storage.googleapis.com/wzukusers/user25713022/documents/5aca5c5ee89dbVmEZA1g/THEFT%20ACT%201968.pdf>.
221. Verner G. Danish sociologist of criminal law. Agnete Weis Bentzon and Torben Agersnap. Copenhagen. Vol. 43. 2003. 42 p.
222. Verseveld A. Mistake of Law Excusing Perpetrators of International Crimes, AP The Hague, The Netherlands, 2012. 179 p.
223. Wood D. Criminal law in Australia. Kluwer Law International, 2011. 35 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Анкета для опроса респондентов по теме исследования

Уважаемый респондент!

Мною осуществляется научное исследование на тему «Феномен ошибки в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование». Для аккумуляции эмпирических данных прошу Вас оказать содействие в исследовании путем ответа на представленные вопросы. Ваши ответы позволят комплексно подойти к решению спорных проблем и вопросов, формулированию выходных знаний и предложений, связанных с теоретическими и практическими аспектами диссертационного исследования.

Для начала прошу Вас ответить на ряд общих вопросов

№	Вопрос	Результат
I	Ваша занимаемая должность: 1) сотрудник следственных органов (СК МВД, СК РФ) 2) судья (федеральный, мировой)	1) 76 % 2) 24 %
II	Ваш трудовой стаж: 1) до 5 лет 2) от 5 до 10 лет 3) свыше 10 лет	1) 6% 2) 43% 3) 51%

Вопросы по теме исследования

№	Вопрос	Результат
I	Имеете ли вы представление о таком правовом феномене, как «уголовно-правовая ошибка» (юридическая или фактическая ошибка)? 1) да; 2) нет.	1) 92% 2) 8%
II	При осуществлении правоприменительной деятельности приходилось ли Вам сталкиваться с субъективной ошибкой? 1) да; 2) нет.	1) 73% 2) 27%

III	<p>Если Вам приходилось сталкиваться, то с каким видом ошибки?</p> <p>1) юридической ошибкой; 2) фактической ошибкой; 3) с обеими разновидностями.</p>	<p>1) 23% 2) 70% 3) 7%</p>
IV	<p>Считаете ли вы целесообразным рассмотреть вопрос о введении в УК РФ нормы, посвященной юридической ошибке?</p> <p>1) да; 2) нет; 3) затрудняюсь ответить.</p>	<p>1) 73% 2) 23% 3) 4 %</p>
V	<p>Считаете ли вы целесообразным рассмотреть вопрос о введении в УК РФ нормы, посвященной фактической ошибке?</p> <p>1) да; 2) нет; 3) затрудняюсь ответить.</p>	<p>1) 88% 2) 4% 3) 8%</p>
VI	<p>Выскажите свое мнение о такой модели законодательного закрепления в УК РФ положений о юридической ошибке?</p> <p>«Статья 42¹. Юридическая ошибка» <i>1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, которое не могло знать о существовании уголовно-правового запрета в силу обладания особыми психическими и (или) социальными свойствами.</i> <i>2. Лицо, обладающее специальными знаниями, обязанное в силу осуществляемой им деятельности или занимаемой должности знать и выполнять соответствующие правила, не может ссылаться на незнание уголовно-правового запрета.</i></p> <p>1) полностью поддерживаю такую модель; 2) в целом поддерживаю, однако в некоторых моментах считаю ее уязвимой; 3) данную модель считаю неприемлемой; 4) затрудняюсь ответить.</p>	<p>1) 74% 2) 14% 3) 0% 4) 12%</p>
VII	<p>Выскажите свое мнение о такой модели законодательного закрепления в УК РФ положений о фактической ошибке?</p> <p>«Статья 28¹. Ошибка в фактических обстоятельствах деяния» <i>1. Лицо, совершившее умышленное преступление, заблуждение относительно фактических обстоятельств которого воспрепятствовало</i></p>	

	<p>доведению преступного намерения до конца, подлежит уголовной ответственности за совершенное преступление со ссылкой на часть третью статьи 30 настоящего Кодекса.</p> <p>2. Лицо, совершившее умышленное преступление, заблуждение относительно фактических обстоятельств которого не явилось препятствием для доведения преступного намерения до конца, подлежит уголовной ответственности за оконченное преступление.</p> <p>3. Если умысел лица был направлен на причинение вреда объекту, посягательство на который влечет более строгое наказание, однако в действительности вред причиняется объекту, посягательство на который влечет менее строгое наказание, то деяние квалифицируется в качестве покушения на преступление, охватываемое умыслом виновного. Если вред по ошибке причиняется равноценному объекту, то деяние квалифицируется по фактически наступившим последствиям.</p> <p>4. Если лицо совершает деяние, опасные последствия которого, охватываемые умыслом виновного, возникают не из его деяния, а по другим причинам, оно подлежит уголовной ответственности за покушение на преступление, охватываемое умыслом.</p> <p>5. Если лицо, совершающее умышленное преступление, заблуждается относительно наличия отягчающих обстоятельств содеянного, которые в действительности отсутствуют, оно подлежит уголовной ответственности по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за совершенное преступление при наличии соответствующего квалифицирующего признака.</p> <p>6. Если лицо, совершающее умышленное общественно опасное деяние, заблуждается относительно отсутствия отягчающих обстоятельств содеянного, которые в действительности присутствуют, оно подлежит уголовной ответственности по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за совершенное преступление без отягчающих обстоятельств.</p> <p>1) полностью поддерживаю такую модель; 2) в целом поддерживаю, однако в некоторых моментах считаю ее уязвимой;</p>	<p>1) 89% 2) 6%</p>
--	--	--------------------------

	3) данную модель считаю неприемлемой; 4) затрудняюсь ответить.	3) 0% 4) 5%
VIII	Как Вы считаете, можно ли неточности правоприменителя в квалификации деяния и назначении наказания именовать <i>ошибками</i> и ставить их в вину соответствующим должностным лицам? 1) да; 2) нет; 3) затрудняюсь ответить.	1) 72% 2) 16% 3) 12%
IX	Как Вы считаете можно ли неточности в установлении вида и размера наказания именовать <i>погрешностями</i> и не ставить их в вину соответствующим должностным лицам? 1) да; 2) нет; 3) затрудняюсь ответить.	1) 95% 2) 0% 3) 5%
X	В диссертации предлагается следующая пилотная формула расчета компенсаций жертвам правоприменительных ошибок, приуроченная в основном к случаям необоснованного осуждения виновных к лишению свободы — $D = N * k * Y * S - Z$, где: <i>D</i> – сумма денежной компенсации, которая полагается лицу в связи с незаконным осуждением; <i>N</i> – количество месяцев, проведенных в местах лишения свободы; <i>k</i> – коэффициент приобретенного заболевания; <i>Y</i> – условия содержания осужденного; <i>S</i> – среднемесячная заработная плата рабочему или служащему в субъектах Федерации в соответствующей отрасли; <i>Z</i> – заработная плата незаконно осужденного лица в местах лишения свободы. Поддерживаете ли Вы данную модель расчета? 1) полностью поддерживаю такую модель; 2) в целом поддерживаю, однако в некоторых моментах считаю ее уязвимой; 3) данную модель считаю неприемлемой; 4) затрудняюсь ответить.	1) 86% 2) 10% 3) 0% 4) 4%
XI	Считаете ли Вы возможным установление ответственности для индивидуального субъекта, применяющего право, за правоприменительный брак? 1) да; 2) нет; 3) затрудняюсь ответить.	1) 54% 2) 30% 3) 16%

XII	<p>Считаете ли Вы возможным установление финансовой ответственности для специализированного юридического учреждения, чьи сотрудники неоднократно допускают ошибки в процессе правоприменения?</p> <p>1) да; 2) нет; 3) затрудняюсь ответить.</p>	<p>1) 69% 2) 18% 3) 13%</p>
XIII	<p>В целях улучшения качества правоприменительной деятельности и правоприменительного процесса предлагается следующая методика реагирования на соответствующие ошибки: <i>впервые</i> совершенные субъектом правоприменения ошибки извинительного типа не могут влечь за собой мер санкционного характера, <i>вторичные</i> заслуживают дисциплинарной ответственности, за «<i>систематические ошибки</i>» дополнительно должна следовать финансовая ответственность соответствующего учреждения. Поддерживаете ли Вы данную модель?</p> <p>1) полностью поддерживаю такую модель; 2) в целом поддерживаю, однако в некоторых моментах считаю ее уязвимой; 3) данную модель считаю неприемлемой; 4) затрудняюсь ответить.</p>	<p>1) 69% 2) 18% 3) 0% 4) 13%</p>
XIV	<p>В процессе осуществления правоприменительной деятельности приходилось ли Вам сталкиваться с ситуацией, когда потерпевший заблуждался относительно потенциальной угрозы его жизни, здоровью, чести, достоинству, имуществу в результате невнимательного либо небрежного отношения к самому себе, возможным событиям с его участием, контактам с людьми?</p> <p>1) да; 2) нет; 3) затрудняюсь ответить.</p>	<p>1) 65% 2) 35% 3) 0%</p>
XV	<p>Считаете ли вы возможным при назначении наказания виновному учитывать ошибочное поведение потерпевшего?</p> <p>1) да; 2) нет; 3) затрудняюсь ответить.</p>	<p>1) 80% 2) 16% 3) 4%</p>
XVI	<p>В диссертации предлагается внести дополнения в ч.1 ст. 61 УК РФ и признать ошибку потерпевшего одним из обстоятельств, смягчающих наказание виновного:</p>	

	<p><i>«Статья 61. Обстоятельства, смягчающие наказание Смягчающими обстоятельствами признаются: ... л) невнимательное и (или) небрежное отношение потерпевшего к самому себе, возможным событиям с его участием и контактам с людьми. Поддерживаете ли Вы данное предложение?</i></p> <p>1) полностью поддерживаю; 2) в целом поддерживаю, однако в некоторых моментах считаю ее уязвимой; 3) данную модель считаю неприемлемой; 4) затрудняюсь ответить.</p>	<p>1) 88% 2) 4% 3) 0% 4) 8%</p>
--	---	---

Выражаю благодарность за оказанное содействие в проведении исследования!